

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Кафедра уголовного права и уголовного процесса

ДОПУЩЕНО К ЗАЩИТЕ В ГЭК
И ПРОВЕРЕНО НА ОБЪЕМ
ЗАИМСТВОВАНИЯ
Заведующий кафедрой
д-р юрид. наук, профессор
 Р.Д.Шарапов
16.12. 2016 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ХУЛИГАНСТВА

40.04.01 Юриспруденция

Магистерская программа «Уголовное право, уголовный процесс»

Выполнил работу
студент 3 курса
заочной формы обучения

Научный руководитель,
д-р юрид. наук, профессор

Рецензент
Начальник кафедры организации
охраны общественного порядка
ТИПК МВД РФ
канд.юрид.наук, доцент

Пономарев
Сергей
Сергеевич

Шарапов
Роман
Дмитриевич

Гарманов
Виктор
Михайлович

Тюмень 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений.....	3
Введение.....	4
Глава 1. Генезис и развитие законодательства об ответственности за хулиганство.....	7
1.1. Ответственность за хулиганство в Российском законодательстве до 1917 г.....	7
1.2. Ответственность за хулиганство в уголовном законодательстве России Советского периода.....	19
1.3. Ответственность за хулиганство в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран.....	33
Глава 2. Уголовно-правовая характеристика хулиганства по действующему уголовному законодательству России.....	50
2.1. Характеристика объективных признаков состава преступления, предусмотренных ст. 213 УК РФ.....	50
2.2. Характеристика субъективных признаков состава преступления, предусмотренная ст. 213 УК РФ.....	92
2.3. Квалифицирующие признаки состава преступления, предусматривающие уголовную ответственность за хулиганство в действующем законодательстве России.....	109
Глава 3. Вопросы квалификации хулиганства.....	120
3.1. Разграничение уголовной и административной юрисдикции при квалификации хулиганства.....	120
3.2. Разграничение хулиганства с другими преступлениями.....	125
Заключение.....	133
Список источников.....	137

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В РАБОТЕ

БВС РФ - Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации

ВС РФ - Верховный Суд Российской Федерации

РГ - Российская газета

РФ - Российская Федерация

СЗ РФ - Собрание законодательства Российской Федерации

СПС - Справочная правовая система

УК РФ - Уголовный Кодекс Российской Федерации

УПК РФ - Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации

ФЗ - Федеральный Закон

ВВЕДЕНИЕ

Согласно Конституции Российской Федерации, полномочия и свобода человека является высшей ценностью. Одной из главных задач государства выступает защита прав и свобод человека. Этот тезис закреплён в ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации, который определяет задачи уголовного права: охрана прав и свобод человека и гражданина, вместе с другими объектами: окружающей среды; мира и безопасности человечества от преступных посягательств; собственности; общественного порядка и общественной безопасности; конституционного строя Российской Федерации. Одним из таких преступлений выступает хулиганство.

Актуальность данной темы исследования обусловлена, тем, что хулиганство в практике всегда вызывало и продолжает вызывать большие трудности, связанные с квалификацией преступления. Несмотря на то, что идет спад количества преступлений по ст. 213 УК РФ в системе уличной преступности (по РФ за 2014 год – зарегистрировано 13589, 2015 г. – соответственно 9474, по Тюменской области также уменьшилось количество хулиганств – на 20% (с 97 до 77), интерес у исследователей к данной теме не ослабевает. Многие вопросы касаемые квалификации, остаются до сих пор дискуссионными. К таким можно отнести объективные признаки состава преступления, признаки отражающие квалифицированные виды хулиганства, мотивы хулиганства, виды умысла, дифференциацию хулиганства на виды и ответственности за них. До сих пор ведутся дискуссии о разграничении хулиганства с иными преступлениями, и ряд других не менее важных сторон данного состава.

Во-вторых, выбранная тема актуальна в связи с изменениями законодательства в области уголовной ответственности за хулиганство, в том числе внесенными Федеральным законом от 24 июля 2007 г., а также принятием нового Постановления Пленума ВС РФ.

Объектом являются общественные отношения, возникающие в результате совершения преступлений, предусмотренных ст. 213 УК РФ.

Предметом выступают нормы действующего законодательства РФ, предусматривающие уголовную ответственность за хулиганство, уголовно-процессуального и административного законодательства РФ, а также законодательство зарубежных стран.

Цель квалификационной работы состоит в проведении комплексного анализа признаков состава преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ.

Данная цель предполагает решение следующих задач:

- исследовать историю уголовной ответственности за хулиганство в России;
- выявить общие, существенные признаки хулиганства;
- раскрыть квалифицирующие признаки хулиганства;
- проанализировать предложения о совершенствовании нормы, предусматривающей ответственность за хулиганство;

Анализ проблем, составляющих предмет исследования, производился при помощи следующих методов: метод системного анализа, обобщение нормативных, научных и практических материалов, исторический метод, сравнительный, логический, технико-юридический и другие.

Теоретической основой исследования послужили положения, изложенные в трудах Л. Андреевой, Г. Овчинниковой, А.В. Арендаренко, В.Ф. Владимирского-Буданова, В.Т. Гайкова, В.Я. Гаций, К.В. Григорян, А.Л. Гулько А.Л., Н.А. Егоровой, Н. Иванова, И. Косарева, Н.Иванцовой, А.С. Михлина, В.А. Казаковой и многих других.

Эмпирическую базу исследования составили исторические правовые памятники России, Конституции РФ, действующее уголовное, административное законодательство, федеральные законы и другие нормативные акты, постановления Пленумов Верховного Суда РФ по вопросам, связанным с указанной темой, данные уголовной статистики, а также материалы следственно-судебной практики по ст. 213 УК РФ.

Научная новизна исследования заключается в том, что работа представляет собой комплексное изучение состава преступления, предусмотренного ст.213 УК РФ, которое основано на действующем законодательстве, в отличие от многих работ по

теме, освещающих только отдельные аспекты исследуемой темы, либо написанных на основе уже утративших силу редакций статьи 213 УК РФ.

В рамках подготовки работы результаты научной разработки тема апробирована – написана и опубликована следующая научная статья:

1. Пономарев С.С. Оценочные признаки хулиганства в уголовном праве / С.С. Пономарев // Издательство Молодой ученый – г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 26: «Молодой ученый» №20 (100), октябрь-2 2015г. С. 376-379.

Структура работы определена кругом исследуемых проблем, обусловлена ее предметом, целями и задачами. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, трёх глав, объединяющих восемь параграфов, заключения и списка литературы.

ГЛАВА 1. ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХУЛИГАНСТВО

1.1 Ответственность за хулиганство в Российском законодательстве до 1917 г.

Среди всех видов преступлений хулиганство выделяется не только своей распространенностью, особенностью, обусловленной характером его сохранения, тесной связью с другими общественно опасными деяниями, но и своими глубокими историческими корнями ведущими в далекое прошлое. Не случайно история развития отечественного уголовного законодательства, предусматривающего различные виды ответственности за хулиганские действия, связанные с нарушением общественного порядка на различных этапах развития нашего государства решалась по-разному. Как в свое время отмечал А.О. Эдельштейн, что нет более старого явления, чем то, которое мы зовем словом «хулиганство», в котором стерты границы между бытом и невинным озорством, и также явно криминальным поступком¹.

Происхождение слов «хулиган» и «хулиганство» объясняется неоднозначно. При этом заслуживает внимания наиболее распространенная точка зрения, как отмечается в справочной литературе и других источниках, что эти термины появились в XVIII веке. Слово «хулиган» английское (Hooligan), происходит от ирландской семьи Хулли (Houlihan). Речь идет об ирландской семье преступников. Эта семья проживала в Лондоне приблизительно в 1890 г., члены которой прославились постоянными скандалами, дебошами, бесчинствами². В дальнейшем имя собственное стало нарицательным, т.е. лиц, которые нарушали общественный

¹ Павлов В.Г. Историко-правовые вопросы ответственности за хулиганство в русском уголовном праве // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2010. № 3(8). С. 48-53.

Эдельштейн А.О. Опыт изучения современного хулиганства // Хулиганство и поножовщина. М., 1927. С. 28.

² Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат. 7-е изд. Т. 45. М., 1927. С. 13; Жижиленко А.А. О хулиганстве (юридический очерк) // Хулиганство и преступление: Сборник статей. Л.; М., 1927. С. 121; Шапошников В.Н. Хулиганы и хулиганство в России. Аспект истории и литературы XX века. М., 2000. С. 4; Толковый словарь русского языка / Под ред. Проф. Б.М. Волина и проф. Д.Н. Ушакова. Т. 4. М., 1940. С. 1198; Булыко А.Н. Большой словарь иностранных слов. М., 2006. С. 646; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. М., 2008. С. 284; Этимологический словарь русского языка. М., 2008. С. 526 и др.

порядок, стали называть хулиганами, а само антисоциальное поведение хулиганством.

Существует и другая точка зрения относительно происхождения слова «хулиган». Как отмечается в литературе, этот термин родился в Америке. Так, например, П.И. Люблинский писал, что ранее других о хулиганстве заговорили американские писатели, которые нередко этот тип нарушителей называли «уличными арабами»¹. Аналогичного мнения на этот счет придерживался и Б.С. Утевский, который также предположительно высказался, что термин «хулиган» появился в Америке².

По другому мнению, как отмечает В.Т. Калмыков, хулиганами называли в России крепостных крестьян, слуг или других лиц, которых хотели опорочить или унижить, и по имеющемуся мнению слово «хулиган» происходит от древнерусского «хула»³.

Представляется, что более убедительная точка зрения, которой следует отдать предпочтение и наибольшее внимание о происхождении терминов «хулиган» и «хулиганство», это общепринятая в литературе. Её придерживается большинство лингвистов, историков и юристов.

Что же касается появления данных терминов в русском языке, то в Большом энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза И.А. Ефрона 1903 г. и в Словаре живого великорусского языка В.И. Даля, изданном в 1866 г., слова «хулиган» и «хулиганство» не упоминаются. Правда, в словаре В.И. Даля имеется слово «хулить», т.е. не одобрять, порицать, хаять, либо порочить, унижать, обзывать дурным или негодным⁴. Думается, что данное слово «хулить» вряд ли имеет какое-нибудь отношение к термину «хулиган», так как имеет совсем другое значение.

В России появление слова «хулиган», например П.И. Люблинский, связывают с учреждением в 1892 г. приказа градоначальника г. Петербурга фон Валя, которым

¹Люблинский П.И. Хулиганство и его социально-бытовые корни // Хулиганство и хулиганы. Сборник. М., 1929. С. 39.

²Утевский Б. Хулиганство в эпоху 1905-1914 гг. // Хулиганство и хулиганы: Сборник. М., 1929. С. 21.

³Калмыков В.Т. Хулиганство и меры борьбы с ним. Минск, 1979. С. 5.

⁴Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2000. С. 701. (Современная версия словаря печатается по: Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. 3-е изд. СПб., 1903-1909 гг.)

он предписывал всем органам полиции принять решительные меры против бесчинствующих в столице «хулиганов». Под ними тогда понимались действующие шайки уличных насильников. Полиция ревностно принялась за поимку хулиганов и в дальнейшем внедрила это слово в широкие массы¹. Имеется также точка зрения, что слово «хулиганство» в России получило распространение в 90-х годах XIX века, когда его ввел впервые в русскую литературу популярный корреспондент московских либеральных газет Дионео, употребив его в одной из своих опубликованных статей².

По всей вероятности, следует полагать, что и в России изначальные понятия «хулиган» и «хулиганство», видимо, заимствованы из английского (Hooligan) от ирландской фамилии (Houlihan), так как указанный смысл слова во многом совпадает с современным его значением в действующем отечественном уголовном законе, хотя могут иметь место и другие версии.

При этом в царской России слово «хулиган» впервые приобрело официальное признание, когда имело место оформление социально-психологического явления в годы реакции 1905-1906 гг³.

Таким образом, упоминание о хулиганстве в российском праве и литературе практически отсутствовало, хотя явление как таковое существовало, за которое была предусмотрена уголовная ответственность на различных этапах развития российского законодательства. По существу, деяния, похожие с хулиганскими действиями, связанными с нарушением общественного порядка в публичных местах, сурово карались уголовным законом российского государства, который постоянно совершенствовался.

При этом развитие института уголовной ответственности за хулиганские действия в отечественном законодательстве вносило исторический характер, соответствуя и определенному этапу развития российского государства.

Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. является важнейшим законодательным памятником не только в истории России, но и в истории уголовного

¹ Люблинский П.И. Хулиганство и его социально-бытовые корни // Хулиганство и хулиганы: Сборник. М., 1929. С. 38; Шапошников В.Н. Хулиганы и хулиганство в России. Аспект истории и литературы XX века. М., 2000. С. 5.

² Кузнецов А.В. Хулиганство и борьба с ним. М., 1962. С. 3.

³ Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат. 7-е изд. Т. 45. Ч. 3. М., 1927. С. 13.

права нашего государства. Признавая преступлением всякое неисполнение закона, Уложение впервые дает классификацию преступных деяний. При этом на первое место поставлены преступления против церкви, то есть религиозные преступления. Глава первая так и называется «О богохульниках и о церковных мятежниках», которая состоит из 9 статей.

Особо следует отметить, что в связи с достаточно сильным влиянием церкви религиозные преступления, бывшие объектом церковного законодательства, в Уложении 1649 даже стояли выше преступлений против государства. Например, в первой главе нашли свое законодательное закрепление специальные нормы, которые устанавливали ответственность за нарушение общественного спокойствия во время богослужения. Так, в ст. 2 данной главы прямо записано, «а будет какой бесчинник пришел в церковь божию во время святыя литургии, и каким ни буди обычаем, божественныя литургии совершити не даст, и его изымав и сыскав про него допряма, что он так учинит, казнить смертию безо всякия пощады»¹.

Из данной статьи вытекает, что любое воспрепятствование нарушителем проведения церковной службы, связанное с полной невозможностью ее осуществить, карается суровым наказанием в виде смертной казни.

Обращает на себя внимание и ст. 3 Уложения, предусматривающая ответственность за нарушение порядка во время проведения церковной службы. В данной статье говорится: «если кто во время святыя литургии и в иное церковное пение, вшед в церковь божию учтен говорити непристойные речи и тем в церкви божественному пению учинит мятеж и тому бесчиннику за ту его вину учинити торговая казнь»².

Другие нормы Уложения устанавливают ответственность, если в процессе хулиганских действий в церкви будет совершено убийство. В ст. 4 так и записано: «кто пришел в церковь божию, ученитбити кого ни буди, и убьет кого до смерти и

¹ Уложения государя и великого князя Алексея Михайловича. М., 1913. С. 1.

² Там же. С. 1.

того убийца по сыску самого казнити смертью же»¹, а также за нанесение кому-нибудь различных ударов «и его за такое бесчиние бити батоги» (ст. 6).²

Указанные нормы Уложения в первую очередь охраняли общественное спокойствие при проведении богослужения. Вместе с тем есть основания утверждать, что они имеют много общего с современным хулиганством, которое посягает на общественный порядок и совершается, как правило, в публичном месте. Подтверждением данного предположения является и глава 3 Соборного Уложения «О Государстве Дворе, чтоб на Государеве Дворе ни от кого никакого бесчинства и брани не было». В законе устанавливалась ответственность за создание беспорядка в доме или возле дома царя. В ст. 2 прямо указывалось, «кто в государеве дворе кого задерет, из дерзости ударит рукою, и такова тут же изымати, и не отпускаючи его, про тот его бой сыскати, за честь государева двора следует посадити его в тюрьм на месяц»³.

Исходя из содержания данной нормы, можно предполагать, что по некоторым объективным признакам описанное деяние в какой-то степени также схоже с хулиганскими действиями, совершаемыми в публичном месте, хотя в Уложении о хулиганстве в современном его понимании речи вообще не ведется, но оно подразумевается. И здесь следует согласиться с А.О. Эдельштейном, что в России уже в Соборном Уложении 1649 г. мы уже находим указания на процветающее озорство⁴.

Придавая важность Соборному Уложению 1649 г. как законодательному памятнику Московской Руси, И.П. Загоскин приводит высказывание по этому поводу проф. И.Д. Беляева, который, в свое время, отмечал, что в Уложении, как в оптическом фокусе, соединились итоги предшествующего ему законодательства. Оно достаточно долго продолжало лежать краеугольным камнем в основе русского законодательства до самого издания Свода законов Российской империи⁵.

Далее следует заметить, что в уголовном законодательстве в эпоху царствования Петра I вопросы уголовной ответственности за хулиганские действия

¹ Там же. С. 2.

² Там же. С. 8.

³ Хрестоматия о истории государства и права СССР. М., 1990. С. 120-121.

⁴ Эдельштейн А.О. Опыт изучения современного хулиганства // Хулиганство и поножовщина. М., 1927. С. 29.

⁵ Загоскин И.П. Уложения царя и великого князя Алексея Михайловича и Земский собор 1648-1649 гг. Казань, 1879. С. 3-4.

практически не разрешены, а если и решались, то частично в Воинских артикулах 1715 г., применительно к военнослужащим, учинявшим различные беспорядки во время несения службы в крепостях или городах. Законодательство Петра Великого, писал А. Чебышев-Дмитриев, практически не внесло ничего нового в русское уголовное право о преступном деянии, что было принято и развито предшествующим законодательством¹.

В более позднее время, в период правления Екатерины II, обращает на себя внимание Устав благочиния, или полицейский, утвержденный императрицей в 1782 г. В ст. 261 данного Закона указывалось, что если кто во время общенародной игры или забавы, а также театрального представления, в том месте или близ зрителей учинит кому обиду, или придирку, или брань, или драку, либо вынет шпагу из ножен, или употребит огнестрельное оружие, либо кинет камень или порох, в результате чего причинит рану или вред, того отдать под стражу и отослать к суду².

Если проанализировать эту норму, то здесь очевидно, что указанные действия, несомненно, подпадают под признаки хулиганства, о котором в данной статье не говорится. При этом данные деяния совершаются в публичном месте и нарушают установленный порядок. Подтверждением тому является и ключевое слово в названии Устава – «благочиние», которое употреблялось уже в XVI-XVII вв. преимущественно в обиходе русской православной церкви. По существу оно означало строгий порядок или соблюдение установленного порядка, а также благопристойное поведение³.

Таким образом, в данном Уставе достаточно четко просматриваются элементы хулиганских действий и самого хулиганства как преступления, предусмотренного действующим уголовным законом.

Что же касается Свода законов Российской империи 1832 г., вступившего в силу с 1 января 1835 г., то он достаточно конкретно определил само понятие

¹ Чебышев-Дмитриев А. О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань, 1862. С. 242.

² Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. С. 379.

³ Там же. С. 387.

преступного деяния, которое в ст. 1 записано следующим образом: «Всякое деяние, запрещенное законом под страхом наказания, есть преступление»¹.

Если говорить о нарушениях в публичных местах, то законодатель также уделяет большое внимание ответственности за хулиганские действия, совершаемые при проведении церковной службы. Так, в главе 5 «О нарушении благочиния в церквях» в ст. 204 записано, что кто нарушит благоговение при отправлении службы Божией, или к соблазну других придет в церковь пьяный, или будет ходить взад и вперед по церкви, или говорить громко, а также кричать или хохотать, или иной учинит шум, того подвергать взысканию штрафа, или временному аресту, тюремному заключению, либо телесному наказанию².

Из данной нормы вытекает, что речь идет о нарушении виновным общественного порядка при проведении церковной службы. Наступление уголовной ответственности может иметь место при совершении лицом любого хулиганского действия, предусмотренного в уголовном законе.

Наиболее показательна в этом отношении в главе 9 «О нарушении прав состояния развращенным поведением» ст. 425, в которой говорится, что находящиеся в пьянстве, буйстве или распутстве не должностные, а также отставные военные и гражданские чиновники, взятые в таком состоянии полицией в публичном месте, отсылаются к суду³.

Из данной статьи усматривается, что ответственность в отношении перечисленных лиц может иметь место, если они будут задержаны за совершение конкретных действий, находясь в пьяном виде в общественном месте, когда полицией будет установлено это поведение нарушителей. Данные действия, надо полагать, подпадают под признаки хулиганства, как оно понимается в настоящее время.

Существенным историческим шагом вперед в совершенствовании уголовного законодательства России явилось Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г., вступившие в действие с 1 мая 1846 г. в период

¹ Свод законов Российской империи. Законы уголовные. Т. 15. СПб., 1832. С. 1.

² Там же. С. 73.

³ Там же. С. 140.

царствования Николая I. При этом следует отметить, что понятие преступного деяния по сравнению со Сводом законов 1832 г. в нем сформулировано более полно. Так, в ст. 1 Уложения говорится: «Всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав Власти Верховной и установленных его властей, или же на права и безопасность общества или частных лиц, есть преступление»¹.

Лица, совершившие преступления и проступки, подвергаются уголовным наказаниям. При этом как в Соборном Уложении 1649 г. и в Своде законов 1832 г., преступления против церкви в Уложении 1845 г. занимают также главенствующее место среди других правонарушений. Например, в разделе 2 «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих постановлений» в ст. 231 записано, что кто в церкви или в другом каком-либо месте при богослужении, будет нарушать должное благоговение и являться туда в пьяном виде, громко кричать, шуметь и неблаговидными поступками отвлекать внимание молящихся от службы, тот подвергается штрафу или аресту на время от 3 до 7 дней².

Исходя из смысла статьи, можно предположить, что указанные действия по своим признакам во многом похожи на хулиганские действия, которые охватываются понятием «хулиганство».

В 4-м разделе «О преступлениях и проступках против порядка управления» имеют место нормы о неблаговидных поступках в присутственных (общественных) местах, предусматривающие за это уголовную ответственность.

В ст. 309 Уложения содержится положение, что кто в присутственном месте, во время заседания и в самой камере, осмелится неприличными словами или разными действиями оказать к данному месту неуважение, или в поданной бумаге поместит с намерением оскорбительные выражения, тот приговаривается к заключению в тюрьму от 3 до 6 месяцев, или аресту от 7 до 3 недель. В случае если данное преступление будет сопровождаться ругательством в отношении присутствия или его

¹ Полное Собрание законов Российской империи. Т. 20. Отд. 1. 1845. СПб., 1846. С. 600.

² Так же. С. 638.

членов и даже поднята на одного из них рука, то за это следует более строгое наказание¹.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в Уложении 1845 г. законодатель предусмотрел конкретные уголовно-правовые нормы, которые по признакам преступного деяния подпадают или схожи с хулиганством в современном его понимании, и совершается в общественном месте, различными действиями, как правило, в пьяном виде. Само же Уложение о наказаниях уголовных и исправительных явилось главным источником русского уголовного права.

В период проведения в России в 1864 г. судебной реформы был принят «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». В данном правовом акте законодатель предусмотрел ответственность и за нарушение общественного порядка при совершении хулиганских действий. Так, в ст. 38 прямо записано: «За ссоры, драки, кулачный бой или другого рода буйство в публичных местах, и вообще за нарушение общественной тишины, виновные подвергаются: аресту не свыше семи дней, или денежному взысканию не свыше 25 руб.»².

Для признания кого-либо виновным в нарушении общественной тишины в смысле ст. 38 следует понимать, чтобы обвиняемый криком, ругательствами, бранью, дракой и другими действиями нарушил общественное спокойствие, которые являются хулиганством.

Ругательство на улице неприличными словами, как деяние, нарушающее общественную тишину, по мнению Н.С. Таганцева, вполне подходит под действие для применения ст. 38, при этом вовсе не требуется, чтобы какая-либо драка, а также ругань на улице обязательно обратили на себя внимание прохожих³. Вопрос о том, была ли нарушена общественная тишина, всегда решается судом в каждом отдельном случае, в зависимости от времени, места совершения драки, буйства и других хулиганских действий виновных лиц.

¹ Там же. С. 656.

² Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издано Н.С. Таганцевым. Изд. 22-е, доп. Пг., 1914. С. 152.

³ Там же. С. 153-154.

При этом буйство в публичном месте, как пояснил в своем комментарии к Уставу Н.С. Таганцев применительно к ст. 38, может выражаться в нападении на дом, сопровождающемся повреждением окон, дверей, порчею и расхищением каких-либо вещей, при отсутствии сопротивления властям¹.

Таким образом, в ст. 38 данного Устава законодатель достаточно четко предусматривает перечень хулиганских действий, нарушающих общественный порядок, совершаемых в публичных местах, за которые наступает ответственность.

В 1885 г. выходит в свет очередная (третья) редакция Уложения, незначительно отличающаяся от редакции Уложения 1866 г., за исключением появления новых составов преступлений. В основном продолжало действовать Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в редакции от 15 августа 1845 г., которое, по существу, являлось основным уголовным законом Российской империи.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г. имеют место главы с аналогичными названиями, предусмотренных в Уложении 1845 г., устанавливающие уголовную ответственность за преступления против веры, а также преступления и проступки против порядка управления. И здесь следует заметить, что из главы второй – ст. 184-195, предусматривающие уголовную ответственность за религиозные преступления.

Указанные изменения затронули и ст. 180 Уложения, которая ранее регламентировала ответственность за богохуление в публичном месте и учинение оскорбления веры и церкви без умысла, по неразумению, невежеству либо пьянству. То есть речь шла о действиях, которые связаны с нарушением общественного порядка при осуществлении богослужения.

Что же касается раздела 4 «О преступлениях и проступках против порядка управления», то в нем обращает на себя внимание ст. 282 Уложения, которая по своему содержанию мало чем отличается от ст. 309 Уложения 1845 г. В данном случае речь идет о хулиганских действиях виновного в присутственном месте во время

¹ Там же. С. 152.

заседания или в самой камере мирового судьи. При этом такие действия выражаются в дерзости, совершении ругательства и оскорблении присутствующих лиц¹.

Под судебными и присутственными местами, упоминаемыми в ст. 282, как указывал Н.С. Таганцев, должны пониматься волостные и сельские присутственные места, а оказание неуважения словами и поступками к присутственному месту, когда лицо находится в пьяном виде, охватывается п. 3 ст. 282².

Таким образом, можно сделать вывод, что данная ст. 282 предусматривает ответственность за хулиганские действия, которые наказываются в уголовно-правовом порядке. Что же касается других статей, предусматривающих ответственность за хулиганские действия в публичных местах в Уложении 1885 г., то если не считать некоторых редакционных изменений, которые по существу не меняют смысла уголовного закона, они практически соответствуют Уложению 1845 г., о чем уже было сказано выше.

Уголовное уложение от 22 марта 1903 г. является последним крупнейшим законодательным актом Российской империи в области материального уголовного права в период царствования Николая II. Уложение 1903 г., непосредственный вклад в разработку которого внес Н.С. Таганцев, явилось важным событием в общественно-политической жизни России, хоть оно и не было полностью принято. Само понятие преступления сформулировано более лаконично и не противопоставляется проступку, как это имело место в Уложении 1866 г.

В ст. 1 Уложения 1903 г. говорится: «Преступным признается деяние, воспрещенное во время его учинения законом под страхом наказания»³. При этом следует еще раз отметить, что как и в предшествующих уголовных законах, ранее рассмотренных, наиболее опасными в Уложении 1903 г. традиционно являлись преступления против церкви, влияние которой оставалось достаточно велико.

Так, в главе 2 «О нарушении ограждающих веру постановлений» специальными нормами предусматривалась уголовная ответственность за

¹ Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Издано Н.С. Таганцевым. Издание 17-е, предусмотренное и дополненное. СПб., 1913. С. 351.

² Там же. С. 352.

³ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1903. Отд. 1. Ст. 416. СПб., 1903. С. 1.

хулиганские действия при богослужении в различных религиозных местах. Согласно ст. 75 Уложения «виновный в непристойном крике, шуме или ином безчинстве, препятствующем отправлению общественного христианского богослужения или учиненном в церкви, часовне или христианском молитвенном доме, наказывается: арестом на срок не свыше трех месяцев»¹.

Вместе с тем, если в результате хулиганских действий прервалось богослужение, то виновный также наказывается в соответствии со ст. 77 арестом на тот же срок².

Ответственность за действия, похожие на хулиганство в общественных местах, предусмотрена и в главе 12 «О нарушении постановлений, ограждающих общественное спокойствие». Наиболее показательна, в связи с этим, ст. 262, в которой говорится, что виновный в учинении шума, крика или иного безчинства в публичных местах, или в общественном собрании, или хотя и в оных, но с нарушением общественного спокойствия, а также порядка, подлежит аресту на срок не свыше двух недель. Но если при аналогичных условиях виновным учиняется драка, кулачный бой, а также другое буйство, то к нему применяется более строгое наказание³.

Однако если говорить о главе 13 Уложения, то в ней предусмотрена ответственность за нарушение общественной нравственности, во время совершения в публичном месте неблагопристойных поступков или произнесение бесстыдных слов, за что согласно ст. 280 предусматривалось альтернативное наказание в виде ареста на срок до 1 месяца или денежная пеня не свыше 100 руб⁴.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в Уложении 1903 г. законодатель не только попытался сохранить традиции основных уголовных законов России, но и сделал попытку их несколько детализировать и усовершенствовать, в частности когда речь идет о преступлениях, посягающих на общественный порядок и общественную нравственность.

¹ Уголовное Уложение. Высочайше утвержденное 22 марта 1903. М., 1903. С. 31-32.

² Там же. С. 32.

³ Там же. С. 93.

⁴ Там же. С. 99.

Вместе с тем историко-правовой анализ законодательных новелл правовых памятников уголовного законодательства российского государства и институтов уголовной ответственности и наказания позволил выявить определенные особенности преступных деяний, которые в современной правоприменительной практике квалифицируются как хулиганство, которое посягает на общественный порядок и другие общественные отношения, охраняемые уголовным законом. И хотя о хулиганстве в уголовном законодательстве как преступлении в современном смысле слова не говорилось, но оно имело место, так как вытекало из смысла закона.

1.2. Ответственность за хулиганство в уголовном законодательстве России Советского периода

После Октябрьской революции в 1917г. в сложнейшей внешнеполитической и внутренней обстановке существования молодой Советской республики интенсивно формировались органы государственной власти и издавались многочисленные законодательные акты, направленные на стабилизацию в стране. Наряду с политической, экономической, социальной и другими проблемами одной из важных задач была борьба с преступностью и в частности с хулиганством, в виде различных его проявлений.

В связи с этим следует заметить, что впервые в советском уголовном законодательстве о хулиганстве упоминается в декрете СНК от 4 мая 1918 г. «О революционных трибуналах». В этом законодательном акте говорилось, что необходимо возложить на революционные трибуналы также и дела по борьбе с погромами, взяточничеством, подлогами, неправомерным использованием документов, хулиганством и шпионажем¹.

Особо следует отметить, что хулиганство в этот период рассматривалось на уровне государственных преступлений и достаточно сурово каралось, что не характерно было для обычных судебных учреждений.

¹ Павлов В.Г. Уголовная ответственность за хулиганство в законодательстве советского периода (1917-1996гг.)//Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2010. №4(9). С.73-79.

В дальнейшем дела о «контрреволюционном» хулиганстве передавались на рассмотрение революционных трибуналов. В постановлении Кассационного отдела ВЦИК от 6 октября 1918 г. «О подсудности революционных трибуналов» отмечалось, что хулиганами признаются те, «кто исключительно с целью внести дезорганизацию в распоряжения советской власти или оскорбить нравственное чувство или политические убеждение окружающих учинит бесчинство»¹.

При этом в соответствии с классовой направленностью государственной политики при назначении наказания за хулиганские действия учитывалось не в последнюю очередь и социальное происхождение подсудимых что имело принципиальное значение для того времени.

В отечественном уголовном законодательстве впервые определение хулиганства было дано в УК РСФСР 1922 г. Согласно ст.176 УК под хулиганством понимались «озорные, бесцельные, сопряженные с явным проявлением неуважения к отдельным гражданам или обществу в целом действия». Состав хулиганства включался в главу, которая объединяла преступления против личности. Основными признаками хулиганства являлись озорство и бесцельные действия, связанные с явным неуважением к обществу и отдельным гражданам, что вызвало неоднозначное его понимание и порождало прямо противоположные мнения среди ученых и практиков. Не случайно постановление ВЦИК от 16 октября 1924 г. внесло существенные изменения в ст.176 УК РСФСР редакционного характера, установив дифференцированную ответственность за это правонарушение. Под хулиганством понимались «озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу действия, в частности буйство и бесчинство». Хулиганство, совершенное впервые, рассматривалось как административный проступок и наказывалось принудительными работами на срок 1 месяц или штрафом до 50 руб. Уголовную ответственность влекло только хулиганство, совершенное повторно или упорно не прекращавшееся, несмотря на предупреждение органов милиции или иного органа,

¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952гг. М., 1953. С.37.

на который возложена обязанность поддержания общественного порядка, что влекло за собой лишение свободы на срок 3 месяца¹.

Таким образом, совершение хулиганства по законодательству впервые наказывалось в административном порядке, а при совершении его вторично оно преследовалось в уголовном порядке. Следует отметить, что в новой редакции сохранились основные признаки объективной стороны преступления – озорные действия и неуважение к обществу, характеризующие суть хулиганства того времени.

Вместе с тем рост хулиганских проявлений в конце 1925г. и в 1926г. привлек к себе большое внимание не только специалистов в области юриспруденции, а также широкие слои советской общественности. В стране стали проводиться различные исследования по изучению причин хулиганства и лиц, совершающих данное преступление².

Однако постоянный рост хулиганских проявлений в стране требовал дальнейшего совершенствования уголовного закона, предусматривающего ответственность за хулиганство. Определенные дополнения и уточнения в ст. 176 УК РСФСР были внесены декретом ВЦИК и СНК от 7 июля 1926г. В результате принятых изменений ст. 176 УК была изложена в следующей редакции: «Хулиганство, т.е озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу действия, совершенное в первый раз, влечет за собой лишение свободы на срок до трех месяцев, если до возбуждения уголовного преследования на совершившего не было наложено административного взыскания.

Если означенные действия заключались в буйстве или бесчинстве, или совершены повторно, или упорно не прекращались, несмотря на предупреждение органов, охраняющих общественный порядок, или же по своему содержанию отличились исключительным цинизмом или дерзостью, - лишение свободы на срок до двух лет»³.

¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952гг. М., 1953. С.178.

² Герцензон А.А. Рост хулиганства и его причины // Хулиганство и поножовщина. М., 1927. С. 34; Маколи М. Дети в тюрьме. М., 2008. С.57.

³ СУ РСФСР. 1926. №3. Ст. 269.

Несмотря на принятие новой законодательной новеллы о хулиганстве, которая практически полностью была воспроизведена в УК РСФСР 1926 г. (ст.74), интерес ученых, практиков, а также широких слоев общественности не ослабевал. Напротив, в стране стали более интенсивно проводиться различные обсуждения и исследования хулиганства, представляющего угрозу гражданам и государству.

В связи с этим уместно будет отметить, что в своем докладе 25 октября 1926 г. по проблемам хулиганства нарком юстиции Н.В. Крыленко отмечал, что по редакции УК РСФСР 1922 г. хулиганские действия должны быть бесцельны, хотя данное преступление с точки зрения субъективной стороны не может совершаться таким образом, и исключение этого термина из ст. 176 УК РСФСР прежде всего свидетельствуют только об уточнении самого закона¹

Относительно определения преступного деяния высказывались различные точки зрения. Так, например, в прениях по докладу профессор П.И. Люблинский считал, что существует два типа хулиганства: с одной стороны, тяжкие преступления против личности, а с другой – законодательные легальное хулиганство, предусматривающее проступки менее сурового свойства².

В дальнейшем профессор Л.Г. Оршанский предлагал разграничивать хулиганский проступок и понятие «хулиган»³.

Таким образом, проблема борьбы с хулиганством стояла в центре внимания ученых и государства, что требовало в дальнейшем незамедлительного совершенствования уголовного закона в данном направлении.

Говоря об УК РСФСР 1926 г., следует обратить внимание, что ст.74 была уже законодателем помещена в главу о преступлениях против порядка управления, что с точки зрения теории и практики считалось более правильным. Сам же состав хулиганства, как ранее было отмечено, подвергся редакционным изменениям. При этом преступления, направленные против политических и общественных мероприятий, которые совершались группами хулиганов, или связанные с избиением

¹ Крыленко Н.В. Что такое хулиганство?// Хулиганство и преступление: Сборник статей. Л.; М., 1927. С.13-14.

² Люблинский П.И. Указ.соч. С.42

³ Оршанский Л.Г. Указ.соч. С.35

общественников и активистов квалифицировались уже не как хулиганство, а по другим статьям УР РСФСР.

Данное положение обосновывалось, прежде всего, тем, что основным непосредственным объектом хулиганства являлся общественный порядок, что позволяло отличать его от преступлений против личности и других общественно опасных деяний, которые находились в других главах Особенной части УК РСФСР 1926 г.

С другой стороны, основной состав хулиганства по своим объективным и субъективным признакам значительно отличался от хулиганства, предусмотренного ст. 176 УК РСФСР 1922 г. Согласно ч.1 ст.74 УК РСФСР 1926 г. хулиганство представляло собой озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу различные действия, совершенные в первый раз, за которые было предусмотрено лишение свободы на срок до 3 месяцев, если до возбуждения уголовного преследования ранее не было наложено административного взыскания¹.

Что же касается «злостного хулиганства», предусмотренного ч.2 ст.74 УК, то под ним понималось, если указанные действия основного состава (ч.1 ст.74 УК) заключались в буйстве или бесчинстве или совершенные повторно, а также упорно не прекращались, несмотря на предупреждение органов, охраняющих общественный порядок либо по своему содержанию совершались с исключительным цинизмом или дерзостью. Наказание предусматривало лишение свободы на срок до 2 лет.

Не случайно в этот период времени злостное хулиганство довольно часто приравнивалось к бандитизму и другим опасным преступлениям. Так, например, Президиум Верховного Суда РСФСР от 17 марта 1935 г. постановил, что суды должны усилить репрессию против хулиганства. При этом как бандиты должны караться опасные хулиганы, которые совершают одиночные нападения, связанные с убийством и вооруженным сопротивлением органам власти².

¹Карницкий Д., Рогинский Г. Уголовный кодекс РСФСР: Пособие для слушателей правовых вузов.школ и юридических курсов. 8-е изд. М.: ОГИЗ, 1936. С. 121.

² Там же. С.97.

В дальнейшем 29 марта 1935 г. в период борьбы за завершение строительства социалистического общества было принято постановление ЦИК и СНК «О мерах борьбы с хулиганством», которым значительно усиливалось наказание за злостное хулиганство. Соответственно санкция ч.2 ст.74 УК предусматривала наказание на срок 5 лет тюрьмы¹. Аналогичные изменения по усилению наказания за злостное хулиганство были произведены и в уголовных кодексах других союзных республик.

Таким образом, в условиях советского тоталитарного режима борьбы с хулиганством приобрела особую значимость и уже давно обращала на себя внимание государства в лице партийных и судебных органов, принимавших жесткие меры наказания к лицам, совершающим повторные хулиганские действия. Именно в этот период времени особо наблюдается расширение судебной практики по борьбе с хулиганством в стране. Нередко обычные драки, оскорбления и другие правонарушения без учета объективных и субъективных признаков рассматривались судебными органами как хулиганские действия.

Данное положение искажало истинную картину борьбы с хулиганством и не давало возможности выявлять причины существования и распространенности этого массового явления в стране.

В условиях предвоенного времени произошло дальнейшее изменение уголовного законодательства о хулиганстве. Свидетельством этого является Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и хулиганство». Данным законодательным актом было установлено, что хулиганские действия на предприятиях, в учреждениях, а также в общественных местах караются тюремным заключением сроком на 1 год, если эти действия по своему характеру не влекут за собой по закону более тяжкого наказания².

Анализируя данный закон, следует обратить внимание, что из объективной стороны хулиганства законодатель исключил признак — озорные действия,

¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. М., 1953. С. 281

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. №28.

значительно сузив его широкое толкование и не изменив его внутреннего содержания как преступления.

В начале Великой Отечественной войны Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «Об утверждении положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» военным трибуналам предоставлялось право рассматривать дела в кратчайшие сроки по истечении 24 часов с момента, когда было вручено обвинительное заключение о совершенном преступлении. При этом приговоры военных трибуналов кассационному обжалованию не подлежали и могли быть отменены или изменены только в порядке надзора¹.

Таким образом, с начала Великой Отечественной войны репрессивный характер уголовного законодательства, в частности за хулиганство и другие преступления, представляющие большую общественную опасность, в значительной степени усиливается. Не исключением в условиях военного времени является применение уголовного наказания и в отношении несовершеннолетних за совершение ими не только умышленных, но и неосторожных преступлений.

После окончания Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. в уголовной политике государства произошли существенные изменения. Отменяются уголовные законы, действовавшие в период военного времени. В 1953 г. наметилась тенденция на сужение уголовной ответственности за отдельные преступления. Например, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1956 г. была отменена уголовная ответственность за самовольный уход с предприятий и учреждений и за прогулы без уважительных причин².

Особое значение в послевоенное время в условиях развернутого строительства социализма и укрепления государства приобретали задачи борьбы с преступностью и совершенствование уголовного законодательства. Однако вопросы уголовной ответственности за хулиганские проявления требовали соответствующей законодательной корректировки.

¹ Там же. 1941. №29.

² Там же. 1956. №10

Вскоре, 19 декабря 1956 г., Президиум Верховного Совета РСФСР принимает Указ «Об ответственности за мелкое хулиганство», дополненный позднее Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 апреля 1961 г. Согласно закону, мелким хулиганством признавались действия, связанные с нарушением общественного порядка и спокойствия граждан либо оскорбительное отношение к ним, сквернословие, а также различные непристойные проступки. Данное административное правонарушение влекло ответственность в виде ареста на срок от 3 до 15 суток или штраф от 10 до 30 руб¹.

На усиление борьбы с хулиганством обращалось внимание и в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 19 декабря 1959 г. №5 «О деятельности судебных органов в связи с повышением роли общественности в борьбе с преступлениями», в котором отмечалось, что в 1959 г. при общем снижении числа осужденных за преступные деяния по сравнению с 1958 г. судимость за хулиганство сократилась на 10,9%².

Важное значение в решении вопросов уголовной ответственности за хулиганство имеет принятие 27 октября 1960 г. 3-й сессией Верховного Совета РСФСР пятого созыва нового Уголовного кодекса.

УК РСФСР 1960 г. в ст. 206 определял хулиганство как «умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу». Данные действия наказывались лишением свободы на срок до 1 года либо исправительными работами на такой же срок, а также штрафом до 50 рублей или общественным порицанием³. При этом ст.206 УК была законодателем помещена в главу 10 УК РСФСР с названием «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения».

Особенность нового определения хулиганства заключалась в том, что законодатель исключил термин «озорные действия», которые имели место в УК

¹ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР, т.5. 1954-1956 гг. М.: Госюриздат, 1959. С. 674; Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1961. №16. С.246.

² Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1973 гг. М., 1974. С.253

³ Уголовный кодекс РСФСР. М., 1962. С. 103-104.

РСФСР 1922 и 1926 гг. Данный термин был не совсем удачным и фактически не в полной мере раскрывал общественную опасность преступного деяния.

Непосредственным объектом состава хулиганства являлся общественный порядок.

Квалифицированный вид преступления (ч.2 ст.206 УК) –злостное хулиганство, в отличие от ч.2 ст.74 УК РСФСР 1926г., по своему содержанию законодателем несколько редакционно уточнен. Под злостным хулиганством понимались те же действия, совершенные лицом, ранее судимым за хулиганство, связанное с сопротивлением представителю власти либо представителю общественности, выполняющему обязанности по охране общественного порядка, а также хулиганство, совершенное лицом, отличающееся по своему содержанию исключительным цинизмом либо дерзостью. За злостное хулиганство предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет.

В связи с распространенностью хулиганства в стране и усиления борьбы с ним была также установлена уголовная ответственность в ч.3 ст.206 УК РСФСР за мелкое хулиганство, совершенное лицом, к которому дважды в течение года применялись меры административного или общественного воздействия за мелкое хулиганство. По ч.3 ст.206 УК предусматривалось наказание в виде исправительных работ на срок до 1 года или штраф до 50 руб¹.

На активизацию борьбы с преступностью и повышения роли общественности в предупреждении административных правонарушений обращали внимание и высшие судебные инстанции. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 26 марта 1960 г. №2 «О выполнении судебными органами постановлений Пленума Верховного Суда СССР», от 19 июня 1959 г. №3 «О практике применения судами мер уголовного наказания» и от 19 декабря 1959 г. №5 «О деятельности судебных органов в связи с повышением роли общественности в борьбе с преступлениями» указывались недостатки судебной практики. При этом особое внимание обращалось на недостаточную практику применения народными судьями указов Президиумов

¹ Так же. С.104.

Верховных Советов союзных республик об ответственности за мелкое хулиганство, а также за мелкую спекуляцию. В частности, слабая практика передачи административных материалов на рассмотрение товарищеских судов¹.

В условиях развернутого строительства социалистического общества все более нетерпимыми становятся любые антиобщественные проявления, в особенности факты хулиганства, на почве которого совершаются тяжкие и другие преступления.

Существенные изменения в уголовное законодательство и его применение были внесены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство», который явился важным средством повышения эффективности борьбы с преступностью, в частности с хулиганством, носившим распространенный характер в стране. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. не только усилил ответственность за хулиганство, но и расширил охрану здоровья граждан от посягательств хулиганов и других правонарушителей, предусмотрев два вида ответственности – административную и уголовную.

Административная ответственность наступила только при наличии определенных признаков, предусмотренных правовой нормой. Мелким хулиганством согласно ст.1 Указа от 26 июля 1966 г. признавалось нецензурная брань в общественных местах, а также оскорбительное приставание к гражданам и другие подобные действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие граждан, если эти действия по своему характеру не могут влечь применения уголовного наказания. Мелкое хулиганство предусматривало наказание арест от 10 до 15 суток, или исправительные работы на срок от 1 до 2 месяцев с удержанием 20% заработка, либо штраф от 10 до 30 руб².

Материалы о мелком хулиганстве рассматривались в течение суток начальником органа милиции либо направлялись в народный суд с одновременным доставлением труда задержанного нарушителя. Народный судья рассматривал данные материалы о мелком хулиганстве единолично в течение суток. Лица,

¹ Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1973 гг. М., 1974. С.258-259.

² Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР 1938-1967. В 2т. Т. 2. М., 1968. С. 480-481

подвергнутые аресту за мелкое хулиганство, содержались под стражей в местах, которые определялись органами охраны общественного порядка.

Привлечение к административной ответственности за мелкое хулиганство требовало его разграничивать от уголовно наказуемого хулиганства. На это обстоятельство обращал внимание Пленум Верховного Суда СССР в своем Постановлении от 16 октября 1972 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве».

В нем указывалось, что суды не должны допускать случаев привлечения к административной ответственности за мелкое хулиганство лиц, действия которых содержат признаки каких-либо преступлений (самоуправство, оскорбление, нанесение побоев или легких телесных повреждений и т.п.)¹.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. уточнил также уголовную ответственность за простое и квалифицированное хулиганство. Согласно редакции данного Указа ч.1 ст.206 УК РСФСР определяла, что хулиганством являются «умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, а равно мелкое хулиганство, совершенное лицом, к которому в течение года была применена мера административного воздействия за мелкое хулиганство». Наказывалось простое хулиганство лишением свободы на срок от 6 месяцев до 1 года, либо исправительными работами на тот же срок, или штрафом от 30 до 50 руб².

Таким образом, ч.1 ст.206 УК РСФСР содержала как бы два вида состава преступления, объективные признаки которых существенно различаются: 1) грубое нарушение общественного порядка и 2) повторное мелкое хулиганство, совершенное после применения в течение года мер административного воздействия.

Наряду с основным составом, предусмотренным в диспозиции ч.1 ст.206 УК РСФСР, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г., было предусмотрено и два квалифицированных вида хулиганства – злостное (ч.2 ст.206 УК) и особо злостное (ч.3 ст.206 УК). Для квалифицированных видов

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924-1973 гг.). М., 1974. С.543-544.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1966. №30. Ст.595.

преступлений необходимо наличие общих признаков состава хулиганства, изложенных в ч.1 ст.206 УК РСФСР.

Согласно ч.2 ст.206 УК РСФСР в редакции Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. под злостным хулиганством понимались те же действия, которые по своему содержанию отличались исключительным цинизмом либо особой дерзостью, а также связанные с сопротивлением представителю власти или представителю общественности, которые выполняли обязанности по охране общественного порядка, либо другим гражданам, пресекающим хулиганские действия, или совершенные лицом, которое ранее было судимо за хулиганство. Наказание за данный вид хулиганства предусматривало лишение свободы на срок от 1 года до 5 лет¹.

Злостными (ч.2 ст.206 УК РСФСР) хулиганские действия признавались, если они были сопряжены хотя бы с одним из квалифицирующих признаков, предусмотренных данной статьей. Следовательно, для квалификации хулиганства по ч.2 ст.206 УК РСФСР достаточно было установить наличие указанных в законе альтернативных признаков:

- 1) исключительный цинизм;
- 2) особую дерзость;
- 3) сопротивление представителю власти, общественности или гражданам;
- 4) наличие судимости за хулиганство.

Необходимо отметить, что злостное хулиганство, по сравнению с аналогичной ст.206 УК РСФСР в более ранней редакции, законодатель несколько уточнил, введя дополнительные термины «особая» дерзость, а также когда оказывается сопротивление еще и «иными гражданами», а не только представителю власти и представителю общественности.

Уголовная ответственность за особо злостное хулиганство в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. предусмотрена ч.3 ст.206 УК РСФСР. Согласно данной статье особо злостным хулиганством признаются

¹ Там же. №30. Ст.595.

действия, предусмотренные ч.1 и 2 ст.206 УК РСФСР, если они совершены с применением либо попыткой применения огнестрельного оружия, а равно иных предметов, которые специально приспособлены для нанесения каких-либо телесных повреждений. Совершение данного квалифицированного вида хулиганства предусматривало наказание лишение свободы на срок от 3 до 7 лет¹.

Выделение законодателем в особый вид хулиганства с применением оружия и других подобных ему предметов, вероятно, преследовало цель усиления борьбы с наиболее опасными хулиганскими проявлениями и обеспечения более действенной защиты граждан от преступных посягательств.

Дела о хулиганстве, по которым обязательно было производство дознания или предварительного следствия, рассматривались в судебном заседании, как правило, в десятидневный срок с момента поступления их в суд. При этом в отношении лиц, задержанных за хулиганские действия, до рассмотрения дела в суде обычно применялась мера пресечения содержание под стражей.

Таким образом, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. впервые предусмотрел уголовную ответственность за хулиганство общесоюзным законом, текст которого вошел в соответствующие статьи уголовных кодексов союзных республик.

В последующие годы данный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. постоянно совершенствовался и в него законодателем систематически вносились соответствующие изменения и дополнения. Так, например, вскоре были приняты Указы Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1977 г., от 5 июня 1981 г., от 15 октября 1982 г., от 21 января 1985 г. и от 16 мая 1985 г.² и Указы Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 августа 1966 г., от 11 марта 1977 г. и от 3 декабря 1982 г.³

¹ Там же. №30. Ст.595.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. №7. Ст.116; 1981. №23. Ст.782; 1982. №42. Ст. 793; 1985. №4. Ст. 56; №21. Ст.369.

³ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1966. №32. Ст. 769; 1977. №12. Ст.255; 1982. №49. Ст.1821; Уголовный кодекс РСФСР. Спб., 1995

На основании указанного законодательства соответствующие изменения и дополнения вносились в ст.206 УК РСФСР,предусматривающую уголовную ответственность за хулиганство.

Важное значение по единообразному применению уголовного закона по борьбе с хулиганством имели рекомендации высших судебных инстанций Пленумов Верховного Суда СССР и РСФСР.

Так, Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении от 16 октября 1972 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве» разъяснял судам, что в практике применения судами законодательства об ответственности за хулиганство имеют место недостатки, которые снижают борьбу с этим преступлением. При этом многие суды не соблюдают требований закона о назначении наказания, а также не учитывают общественную опасность преступного деяния, обстоятельства дела и личность виновного лица¹.

Ориентировал суды на усиление борьбы с хулиганством и Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении «О судебной практике по делам о хулиганстве» от 24 декабря 1991 г., в котором отмечалось, что хулиганство продолжает оставаться опасным и распространенным правонарушением, посягающим на общественный порядок, спокойствие граждан и достаточно часто приводит к совершению более тяжких преступлений².

Руководящие указания высших судебных инстанций были направлены не только на усиление борьбы с хулиганством во всех его проявлениях, но и позволяли выявлять недостатки в судебно-следственной практике, связанные с решением вопросов уголовной ответственности и применением наказания в отношении данной категории лиц.

Вместе с тем активизация борьбы с хулиганством в 90-е годы требовала и дальнейшего совершенствования уголовного законодательства в этом направлении как на федеральном, так и на региональном уровнях в стране. В связи с этим следует

¹ Ласточкина С.Г., Хохлова Н.Н. Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. М., 1999. С.226.

² Там же. С.248.

отметить, что в редакции законов РФ от 20 октября 1992 г. и от 29 апреля 1993 г. ч.1 ст.206 УК РСФСР определяла хулиганство как «умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу»¹. При этом последние редакции ст.206 УК РСФСР 1960 г. носили уточняющий характер и мало чем отличались от предшествующих не только основного состава (ч.1 ст.206 УК), но и квалифицированных видов злостного (ч.2 ст.206 УК) и особо злостного (ч.3 ст.206 УК) хулиганства.

С принятием 24 мая 1996 г. Государственной Думой нового уголовного закона состав хулиганства (ст.213 УК РФ) значительно изменился, особенно это касается простого (ч.1 ст.213 УК) и злостного хулиганства (ч.2 ст.213 УК).

Постоянные изменения и дополнения законодательства, регламентирующего уголовную ответственность и наказание за хулиганство на различных этапах развития нашего государства, свидетельствует о том, что данное преступление носит распространенный характер, является основной для совершения тяжких и особо тяжких преступлений, а также вызывает большие трудности как в его понимании, так и при квалификации хулиганских действий.

Вместе с тем важное значение для единообразного применения закона о хулиганстве имеют совершенствование уголовного и административного законодательства, а также судебной практики, что будет способствовать более эффективному предупреждению данного преступления в стране.

1.3. Ответственность за хулиганство в уголовном законодательстве зарубежных стран

Анализируя уголовное законодательство зарубежных государств, следует особо отметить, что Соединенные Штаты Америки представляют наибольший интерес для исследования хулиганства как наиболее распространенного преступления, ответственность за которое наступает, как правило, за нарушение общественного порядка.

¹ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. №47. Ст.2664; 1993. №22. Ст.789.

Само слово «хулиганство», по мнению П.И. Люблинского, попало в Россию из Англии, которая, в свою очередь, заимствовала его в 70-х годах, из Америки, и уже давно известно Западу¹.

Термину «хулиганство» в уголовном праве США соответствует термин «нарушение общественного порядка»: “disorderly conduct”, “breach of the peace”.

Авторы авторитетного в США юридического словаря Black’s Law Dictionary дают следующие определения вышеуказанных терминов.

“Disorderly conduct” – поведение, направленное на нарушение общественного порядка, посягательство на нормы общественной нравственности или угроза общественной безопасности².

“Breach of the peace” – уголовно наказуемое деяние, провоцирующее общественные беспорядки, либо участие в общественных беспорядках, в частности создание громкого шума³.

«Начало нашего уголовного судопроизводства, - пишут английские ученые Роллин М. Перкинс и Рональд Н. Бойс, - было связано в значительной степени с проблемой обеспечения общественного порядка, гарантируемого короной всем поданным и находящимся под ее защитой лицам. Поэтому первые обвинительные акты большого жюри (indictments) содержали фразу «против порядка короны»; и до недавнего времени обвинительные акты считались неполными без такого заключения, как «нарушение против порядка и знати государства». Вследствие этого все подсудные преступления иногда рассматривались как деяния, нарушающие общественный порядок и, следовательно, в широком смысле термин “breach of the peace” (нарушение общественного порядка) считается синонимом термина «преступление» (Rollin M. Pekins, Ronald N. Boyce. Criminal Law 477, 3 ded., 1982)⁴.

Однако, если обратиться к Примерному уголовному кодексу (США) 1962 г., то в Особенной части данного федерального закона имеет место раздел 250 с названием

¹ Отчет X общего собрания русской группы Международного союза криминалистов 13-16 февраля 1914 г. в Петрограде. Пг., 1916. С.166.

² Garner B. Black’s Law Dictionary. Seventh edition. St. Paul, Minn.: West Group, 1999. P. 292.

³ Ibid. P. 183.

⁴ Ibid.

«Учинение беспорядков, поведение, нарушающее публичный порядок и родственные им посягательства», в который входят преступления, посягающие на общественный порядок. К таким преступным деяниям относятся учинение беспорядков и неподчинение приказу разойтись (ст.250.1) и поведение, нарушающее общественный порядок (ст.250.2).

Наиболее полно по своим объективным и субъективным признакам, как представляется, под хулиганство подпадает преступление, предусмотренное ст.250.2 Примерного уголовного кодекса.

Непосредственным объектом данного преступления является общественный порядок.

Объективная сторона преступления характеризуется совершением различных хулиганских действий в виде: участия в драке, произнесения угроз, насильственного, а также буйного поведения, учинения неоправданного шума, осуществления оскорбительных грубых выражений, жестов или оскорбительной демонстрации чего-либо в отношении кого-либо из присутствующих, а также создания опасности причинения физического вреда путем совершения различных противоправных действий¹.

При этом хулиганские действия, предусмотренные диспозицией ст.250.2 Примерного уголовного кодекса, совершаются, как правило, в публичном месте. Характерно, что термин «публичный» законодателем подробно раскрывается в данной статье и означает «затрагивающий или могущий затронуть лиц в месте, куда имеет доступ различная публика или достаточно многочисленная группа лиц»; к таким местам также относятся проезжие дороги, транспортные средства, школы, тюрьмы, жилые дома, деловые либо зрелищные предприятия или различные места, расположенные поблизости от них².

Что же касается субъективной стороны рассматриваемого преступления, то хулиганство характеризуется умышленной виной. Доминирующим мотивом, как и по ст.213 УК РФ, являются хулиганские побуждения. Однако данное преступление

¹ Примерный уголовный кодекс (США). М., 1969. С.184-185.

² Там же. С.185.

предусматривает и специальную цель – причинение публичного неудобства, беспокойства, тревоги или создания риска их причинения.

Однако преступление будет квалифицироваться по ст.250.2 Примерного уголовного кодекса при условии, если цель виновного лица состоит в причинении существенного вреда либо серьезного неудобства, когда лицо упорствует в нарушающем общественный порядок поведении после сделанного ему предупреждения или требования воздержаться от такого поведения¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что преступление, предусмотренное ст.250.2 Примерного уголовного кодекса США, во многом схоже с хулиганством, которое нашло свое законодательное закрепление в ст.213 УК РФ, хотя при сравнении обоих составов имеют место и свои принципиальные различия, обусловленные особенностями уголовного законодательства в той или иной стране, которые характерны для англосаксонской и романо-германской систем права.

Анализируя уголовное законодательство зарубежных государств континентальной системы права, следует заметить, что вопросы ответственности за хулиганство в соответствующих разделах уголовных кодексов решаются по-разному.

Так, например, вызывают определенный интерес некоторые нормы Уголовного кодекса Голландии, которые находятся в разделе 5 «Преступления против общественного порядка». Согласно ст.142 лицо, умышленно нарушающее общественный порядок ложными криками тревоги или ложными сигналами, подлежит тюремному заключению на срок не более 2 недель. А согласно ст.144 лицо, которое путем создания общественного беспорядка либо шума срывает законный общественный митинг или законную демонстрацию, подлежит также тюремному заключению на срок не более 2 недель².

Элементы хулиганских действий могут иметь и в других уголовно-правовых нормах, когда они сопровождаются актом насилия или угрозой при проведении законных общественных мероприятий (ст.143, 145, 146 УК Голландии). Вместе с тем специальная норма, которая бы предусматривала уголовную ответственность за

¹ Там же.

² Уголовный кодекс Голландии. Спб., 2001. С.281,282

хулиганство, в УК не имеется. В данных случаях речь идет о хулиганских действиях, присущих тому или иному составу преступления.

Если обратиться к Уголовному кодексу Дании, то в гл.15 «Преступления против общественного спокойствия и порядка» имеет место преступление, которое по своим признакам может подпадать под понятие «хулиганство». Так, например, согласно § 134а, любые участники уличных скандалов либо другого серьезного нарушения общественного спокойствия и порядка, если они действуют по договоренности или совместно, подлежат, простому заключению под стражу или тюремному заключению на срок, не превышающий 6 месяцев¹.

Следовательно, можно предположить, что рассматриваемое в виде уличных скандалов и нарушения общественного спокойствия, а также общественного порядка деяние является хулиганством.

В уголовном кодексе Швеции в гл. 16, объединяющей преступления против общественного порядка, представляет интерес ст.16, предусматривающая ответственность в отношении лица, которое шумит в общественных местах или публично ведет себя так, что вызывает общественное негодование. Данное лицо приговаривается к наказанию за поведение, нарушающее общественный порядок².

Исходя из текста закона можно сказать, что речь идет о преступлении, которое по своим признакам подпадает под хулиганство в общепринятом его понимании, непосредственным объектом которого является общественный порядок. Вместе с тем объективные признаки данного преступления достаточно четко указаны в диспозиции уголовно-правовой нормы.

Если обратиться к Уголовному кодексу Турции, то в нем на первый взгляд вызывает интерес раздел 5 «Преступления против общественного порядка» (ст.311-314). Вместе с тем указанный раздел состава хулиганства не имеет. В данном случае обращают на себя внимание проступки, направленные против общественной нравственности, охватываемые разделом 3 (ст.567-577), в котором имеются нормы, похожие по некоторым признакам на хулиганские действия. Так, например, в ст.571

¹ Уголовный кодекс Дании. Спб., 2001. С.124.

² Уголовный кодекс Швеции. Спб., 2001. С.263.

говорится, что лицо, появляющееся в публичном месте в состоянии опьянения, беспокоящем людей или вызывающем скандал, а также, если оно в пьяном виде (ст.572) оскорбляет кого-либо и нарушает отдых людей, то оно в первом случае наказывается легким заключением на срок не менее 15 дней, а по ст.572 – легким заключением на срок не менее 2 месяцев¹.

Вместе с тем ст.576 УК Турции предусматривает ответственность виновного за непристойное обнажение себя полностью или частично в общественном месте перед людьми, а также оскорбление словом или пением либо другим образом общественную мораль².

Представляется, что в указанных нормах имеют место признаки, позволяющие предположительно говорить о хулиганских проявлениях в этих преступлениях.

Так же неопределенно решается вопрос уголовной ответственности за хулиганство в Уголовном кодексе Австрии, когда речь идет о разделе 20, в который входят преступные деяния против общественного спокойствия.

В качестве примера можно привести § 274, устанавливающий ответственность за нарушение общественного порядка, сопряженное с насильственными действиями группы лиц. Вместе с тем, исходя из содержания уголовно-правовой нормы, здесь вряд ли следует говорить о хулиганстве, когда речь идет о сознательном участии в сборище группы лиц, которое создается, чтобы под его влиянием совершить тяжкое убийство, тяжкое телесное повреждение или тяжкое повреждение вещей³. Представляется, что анализируемое преступление скорее всего посягает на общественное спокойствие при совершении группой лиц различных насильственных преступлений.

Похожим образом решается вопрос об ответственности за нарушение общественного спокойствия, сопряженное с насильственными действиями группы лиц (§125), в УК Федеративной Республики Германии. Согласно данному параграфу раздела 7 «Наказуемые деяния против общественного порядка» ответственность

¹ Уголовный кодекс Турции. Спб., 2003. С.360.

² Там же. С.362.

³ Уголовный кодекс Австрии. Спб., 2004. С.300.

предусмотрена за насильственные действия против людей, а также разрушительных действиях против людей, а также разрушительных действиях против вещей и угрозах применения насильственных действий сообща группой людей, угрожающих общественной безопасности¹.

Видимо, можно утверждать об отсутствии состава хулиганства и в УК Германии, что нельзя сказать о вандализме (§304).

В Уголовном кодексе Республики Польша из статей, посвященных преступлениям, посягающим на общественный порядок, в главе 32 (ст.252-264) наибольший интерес представляет ст.261, согласно которой если лицо оскверняет памятник либо другое публичное место, устроенное с целью ознаменования исторического события, а также оказания почестей лицу, оно подлежит штрафу или наказанию ограничением свободы².

Представляется, что данное преступление посягает на публичный порядок и по своим объективным признакам несколько напоминает вандализм, но не хулиганство. Следовательно, в УК Республики Польша специальная уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за хулиганство, видимо, отсутствует.

Относительно Уголовного кодекса Швейцарии следует заметить, что состав хулиганства в нем также отсутствует, хотя в первом разделе Особенной части (вторая книга) имеет место ст.133, устанавливающая ответственность за участие в драке, приведшей к смерти или причинению телесного повреждения человеку³. Однако данное преступление посягает на общественные отношения, связанные с охраной жизни и здоровья человека, но может быть совершено из хулиганских побуждений.

Если говорить об Уголовном кодексе Японии, то, как отмечает А.И. Коробеев, послевоенная реформа УК имела целью привести Кодекс в соответствие с новой Конституцией 1946 г. и по закону от 26 октября 1947 г. в Особенной части отменены нормы о посягательстве на общественное спокойствие и порядок⁴.

¹ Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. СПб., 2003. С.281.

² Уголовный кодекс Республики Польша, СПб., 2001. С.178.

³ Уголовный кодекс Швейцарии. СПб., 2002. С.168.

⁴ Уголовный кодекс Японии. СПб., 2002. С.16.

Несколько по-другому решается вопрос уголовной ответственности за хулиганство в странах бывшего социалистического лагеря, например в Болгарии и Монголии.

Так, в Уголовном кодексе Республики Болгарии в гл.10, объединяющей преступления против порядка и общественного спокойствия, предусмотрена конкретная норма, устанавливающая ответственность за хулиганство. В ст.325 УК говорится, что кто совершает какие-либо непристойные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок до 2 лет или исправительным работам, либо наказывается общественным порицанием.

При этом квалифицированный состав данного преступления, согласно ч.2, предусматривает деяние, соединенное с сопротивлением представителю власти, а также представителю общественности, исполняющим обязанности по охране общественного порядка, которое отличается исключительным цинизмом либо дерзостью. Оно называется лишением свободы до 5 лет¹.

Таким образом, данное преступление по своим объективным и субъективным признакам имеет много общего с хулиганством, посягающим на общественный порядок, понятие которого определялось по-разному в уголовном законодательстве нашего государства на различных этапах его развития. Болгария, действительно, как страна, близкая нам по духу и связанная вековыми корнями с Россией, много позаимствовала от нее и учла в своем уголовном законодательстве.

Если обратиться к Монголии, то она, как и большинство стран социалистической ориентации, на протяжении многих лет сталкивается с ростом числа регистрируемых преступлений, в том числе и с хулиганством.

Понятие хулиганства в законодательстве Монголии было впервые закреплено в Уголовном уложении МНР 1926 г. Принятие этого законодательного акта означало конец действия Маньчжурского уголовного права и стало началом создания

¹ Уголовный кодекс Республики Болгарии. Спб., 2001. С.223

уголовного права социалистического типа¹. Так, в гл.10 «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения» УК МНР 1961 г. законодатель предусмотрел специальную норму, устанавливающую ответственность за хулиганство.

Согласно ст.169, под хулиганством понимаются умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок, а также правила социалистического общежития, выражающие явное неуважение к обществу. Вместе с тем квалифицированный состав данного преступления предусматривал ответственность за совершение хулиганства, соединенного с насилием в отношении представителя власти или лица, поддерживающего общественный порядок, осуществленное с исключительным цинизмом и дерзостью, а также лицом, ранее судимым за хулиганство².

В связи с этим следует отметить, что редакция ст.169 УК МНР фактически воспроизводила ст.206 о хулиганстве УК РСФСР 1960 г., учитывая развитие социалистической Монголии.

В настоящее время в Монголии действует новый Уголовный кодекс 2002 г., содержащий ст.181, предусматривающую ответственность за хулиганство. При этом данная законодательная новелла в последние годы постоянно подвергается существенным изменениям с учетом особенностей развития страны и предупреждения преступности в ней.

Что же касается стран ближнего зарубежья, в частности бывших союзных республик, входивших в состав СССР, то и уголовное законодательство до сих пор испытывает сильное влияние бывшего союзного государства, но развивается уже с учетом новых исторических условий.

Нормы уголовных кодексов бывших союзных республик о хулиганстве ранее были изложены в соответствии со ст.9 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство», но в последние

¹ Уголовно-правовая и криминологическая характеристика хулиганских действий по законодательству Монголии: Автореф.дис. ... канд.юрид.наук. Спб., 2008. С.7.

² Уголовный кодекс Монгольской Народной Республики. Улан-Батор, 1969. С.91.

годы, следует заметить, восприняли многие положения Модельного уголовного кодекса для государств – участников СНГ. При этом, как правило, законодатели постсоветских государств учитывали также большой практический опыт подготовки и применения Уголовного кодекса России 1996 г.

В частности, вступивший в действие с 1 января 2000 г. Уголовный кодекс Республики Беларусь в гл.30 «Преступления против общественного порядка и общественной нравственности» в ст.339 определяет хулиганство как умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок, выражающие явное неуважение к обществу, которые сопровождаются применением насилия либо угрозой его применения, а также уничтожением или повреждением чужого имущества.

Согласно ч.2 предусмотрено квалифицированное злостное хулиганство, отличающееся по своему содержанию исключительным цинизмом, либо связанное с сопровождением лица, пресекающего нарушение общественного порядка, а также совершенное повторно или группой лиц, либо сопряженное с причинением менее тяжкого телесного повреждения. За простое хулиганство наказание предусмотрено лишение свободы на срок до 2 лет, а за злостное лишение свободы на срок от 1 года до 6 лет¹.

Необходимо отметить, что Модельный уголовный кодекс для государств – участников СНГ, принятый на седьмом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств Содружества 17 февраля 1997 г., в качестве признака особо квалифицированного состава хулиганства рекомендовал предусмотреть «применение предметов, используемых в качестве оружия».

Следуя этим рекомендациям, УК Республики Беларусь признаками особо квалифицированного состава хулиганства (ч.3 ст.339) считает действия, предусмотренные ч.1 и 2 данной статьи, совершенные с применением оружия, а также предметов, используемых в качестве оружия или с угрозой их применения.

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь. Спб., 2001. С.378-379.

Наказывается данное преступное деяние ограничением свободы на срок от 3 до 5 лет либо лишением свободы от 3 до 7 лет¹.

Понятие простого хулиганства, предусмотренного ч.1 ст.339 УК РБ, практически не отличается от ч.1 ст.213 УК РФ, чего нельзя сказать о злостном хулиганстве. Так, например, в ч.2 ст.339 УК имеют место такие признаки, как совершение хулиганства с исключительным цинизмом, а также сопряженное с причинением менее тяжкого телесного повреждения, которые отсутствуют в ч.2 ст. 213 УК РФ. Признак особо злостного хулиганства (ч.3 ст.339 УК РБ) «угроза применения оружия или других предметов, используемых в качестве оружия» также отсутствует в ст.213 УК РФ.

Вместе с тем существуют и другие отличительные признаки хулиганства, которые характерны для России и Республики Беларусь при решении вопросов уголовной ответственности за это преступление и совершенствования национального уголовного законодательства.

Среди новелл, предусмотренных разделом 12 «О преступлениях против общественного порядка и нравственности» Уголовного кодекса Украины особый интерес вызывает редакция состава хулиганства (ст.296). В ч.1 данной статьи говорится, что хулиганство есть грубое нарушение общественного порядка по мотивам явного неуважения к обществу, которое сопровождается особой дерзостью либо исключительным цинизмом. Преступление наказывается штрафом, арестом до 6 месяцев или ограничением свободы до 3 лет.

Более опасное хулиганство в соответствии с ч.2 УК совершается группой лиц, за которое установлено наказание ограничение свободы до 5 лет или лишение свободы на срок до 4 лет².

Хулиганство, предусмотренное ч.3 ст.296 УК Украины, устанавливает ответственность за действия, если они совершены лицом, ранее судимым за хулиганство, а также связанные с сопротивлением представителю власти либо

¹ Там же. С.379.

² Уголовный кодекс Украины. Спб., 2001. С.257.

представителю общественности, которые исполняли обязанности по охране общественного порядка, или другим гражданам, пресекающим хулиганские действия.

Указанные признаки частично совпадают с ч.2 ст.339 УК Республики Беларусь и ч.2 ст.213 УК РФ, что делает эти составы несколько похожими.

Под более опасным, по ч.4 ст.296 УК Украины, понимается хулиганство, совершенное с применением огнестрельного или холодного оружия, а также предметов, которые специально приспособлены или заранее заготовлены лицом для нанесения телесных повреждений. Наказывается такое хулиганство лишением свободы на срок от 3 до 7 лет¹.

Особо квалифицирующие признаки хулиганства имеют место и в УК Республики Беларусь с соответствующими редакционными изменениями и уточнениями.

Что же касается прибалтийских государств, то вопросы уголовной ответственности за хулиганство в их законодательстве имеют свои особенности. При этом законодательное решение данной проблемы также во многом основывается на Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство» и некоторого опыта законотворческой деятельности СССР, РСФСР и РФ.

Вызывает интерес в Уголовном кодексе 2000 г. Литовской республики гл.40 «Преступления и проступки против общественного порядка», содержащая составы трех преступных деяний: массовые беспорядки (ст.283 УК), нарушение общественного порядка (ст.284 УК) и ложное сообщение об угрожающей обществу опасности либо о случившемся несчастье (ст. 285 УК).

В данном случае привлекает к себе внимание, как сформулировано законодателем, понятие хулиганства (ст.284 УК). Согласно ч.1 данной статьи, если лицо в общественном месте дерзкими действиями, угрозами, издевательством, а также вандалистскими поступками совершало неуважение к окружающим и нарушало общественный покой или порядок, то оно называется лишением свободы

¹ Там же. С.258.

на срок до 2 лет или другими более легкими наказаниями. Под квалифицированным (злостным) по ч.2 ст.284 УК понимается хулиганство, совершенное в общественном месте, когда лицо выражалось нецензурными словами или неподобающим поведением нарушало общественный покой или порядок либо совершило уголовный проступок¹.

Таким образом, рассматриваемый состав хулиганства в значительной степени по конструкции и объективным признакам отличается от хулиганства, предусмотренного ст.213 УК РФ, ст.339 УК РБ, ст.296 УК Украины.

Относительно Уголовного кодекса Латвийской республики, принятого 8 июля 1998 г. И введенного в действие с 1 апреля 1999 г., следует сказать, что преступные деяния общественной безопасности и общественного порядка предусмотрены в гл.20 основного уголовного закона Латвии. В ч.1 ст.231 говорится, что под хулиганством понимаются действия, грубонарушающие общественный порядок, выражающиеся в явном неуважении к обществу либо в дерзости, когда игнорируются общепринятые нормы поведения, нарушаются спокойствие людей или работа предприятий, учреждений либо организаций. Наказываются они лишением свободы на срок до 2 лет или арестом, либо принудительными работами, а также денежным штрафом.

Под злостным хулиганством, предусмотренным ч.2 ст.231 УК Латвии, понимается преступление, совершенное группой лиц, а также соединенное с причинением потерпевшему телесных повреждений либо с повреждением или уничтожением имущества или с сопротивлением представителю власти либо лицу, которое пресекает нарушение общественного порядка, а также с применением оружия и других предметов, используемых для причинения каких-либо телесных повреждений. Данный квалифицированный состав предусматривает наказание лишение свободы на срок до 7 лет и контроль полиции до 3 лет².

По своей сути хулиганство, охарактеризованное законодателем в ст.231 УК Латвийской республики, во многом напоминает редакцию ст.206 УК РСФСР 1960 г.,

¹ Уголовный кодекс Литовской республики. Спб., 2003. С.354-355.

² Уголовный кодекс Латвийской республики. Спб., 2001. С.226.

особенно речь идет о квалифицированном составе (ч.2 ст.231 УК Латвии), в котором объединены злостное и особо злостное хулиганство.

Относительно Уголовного кодекса Эстонской Республики, который был введен с 1 июня 1992 г., следует сказать, что в гл.10 «Преступления против общественного порядка и общественной безопасности» законодатель поместил состав хулиганства на первое место.

Простое хулиганство в соответствии с ч.1 ст.195 УК предусматривает умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, которые наказываются штрафом и арестом¹.

Что же касается злостного (ч.2 ст.195) и особо злостного (ч.3 ст.195 УК Эстонской Республики) хулиганства, то квалифицированные составы, как и ч.1 данной статьи, по существу воспроизводят текст ст.206 УК РСФСР 1960 г. рассматриваемого преступления.

При этом новая редакция УК Эстонской Республики по состоянию на 1 августа 2001 г. полностью совпадает с текстом ст.195 о хулиганстве УК Эстонии 1992 г.

Обращает на себя внимание гл.13 Уголовного кодекса Республики Молдова. В данной главе предусмотрена уголовная ответственность за преступления против общественной безопасности и общественного порядка. Учитывая уголовное законодательство России, Беларуси, Украины и других постсоветских государств и следуя Модельному уголовному кодексу для государств – участников СНГ, Молдова также предусматривает в ст.287 УК уголовную ответственность за хулиганство, учитывая особенности борьбы с ним в современных условиях предупреждения преступности в стране.

Основным составом преступления, закрепленным в ч.1 ст.287 УК, охватываются умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие к обществу, которые сопряжены с применением насилия к людям или с угрозами его применения, а также сопротивлением представителю власти или другому лицу, пресекающему хулиганские действия, а равно действия,

¹ Ведомости Эстонской Республики. 1992. 29мая; Уголовный кодекс Эстонской Республики. Спб., 2001. С.203-204.

отличающиеся исключительным цинизмом либо особой дерзостью. Наказывается лишением свободы на срок от 2 до 5 лет, а также штрафом¹.

По существу простое хулиганство, описанное в диспозиции ч.1 ст.287 УК Республики Молдова, воспроизводит простое и злостное хулиганство ч.1 и 2 ст.206 УК РСФСР и УК Республики Беларусь.

Что же касается квалифицированным составом хулиганства, то ч.2 ст.287 предусматривает совершение его повторно либо двумя или более лицами, а ч.3 – с применением или попыткой применения огнестрельного или холодного оружия, а равно других предметов, приспособленных для причинения вреда здоровью².

Не менее интересно решается вопрос уголовной ответственности за хулиганство в суверенных среднеазиатских государствах постсоветского пространства.

Так, например, в УК Республики Казахстан в ч.1 ст.257 под хулиганством понимается особо дерзкое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, которое сопровождается применением насилия к гражданам или угрозой его применения, уничтожением либо повреждением действий, отличающихся исключительным цинизмом. Наказание за простое хулиганство – лишение свободы на срок до 3 лет, общественные или исправительные работы либо арест от 3 до 6 месяцев³.

Надо отметить, что в основном составе хулиганства (ст.257 УК Республики Казахстан) закреплён такой признак, как «совершение во время хулиганства непристойных действий, отличающихся исключительным цинизмом», который присущ, как правило, злостному хулиганству, указываемому во многих рассмотренных нами ранее уголовных кодексах суверенных государств.

Что же касается квалифицированного хулиганства, предусмотренного ч.2 данной статьи, то оно совершается группой лиц или организованной группой, а также связано с сопротивлением представителю власти или другому лицу, пресекающему

¹ Уголовный кодекс Республики Молдова. Спб., 2003. С.332.

² Там же. С.332-333.

³ Уголовный кодекс Республики Казахстан. Спб., 2001. С.286.

нарушение общественного порядка, либо совершено лицом, ранее судимым за хулиганство.

Особо злостное хулиганство (ч.3 ст.257 УК) совершается с применением огнестрельного или холодного оружия или предметов, специально приспособленных для причинения вреда здоровью, и наказывается лишением свободы от 3 до 7 лет.

Аналогичные признаки злостного и особо злостного хулиганства с добавлением новых, таких как «группой лиц или организованной группой» (ч.2) или применение «газового оружия, ножей, кастетов и иного холодного оружия» в основном совпадают с квалифицированными признаками в ч.2 и 3 ст.206 УК РСФСР 1960 г.

В Уголовном кодексе Республики Таджикистан хулиганство предусмотрено в десятом разделе «Преступления против общественного порядка и нравственности».

Согласно ст.237 УК Таджикистана под хулиганством понимается грубое нарушение общественного порядка, выражающее неуважение к обществу, которое сопровождается применением насилия к гражданам или угрозой применения такого насилия, а также уничтожением или повреждением чужого имущества. Называется простое хулиганство лишением свободы на срок до 2 лет либо штрафом или арестом¹.

В редакционном плане основной состав (ч.1 ст.237 УК) отличается от законодательного определения хулиганства, которое предусмотрено в ч.1 ст.257 УК Республики Казахстан, хотя суть его остается неизменной.

Вместе с тем в ч.2 ст.237 УК, когда речь идет о злостном хулиганстве, предусмотрен новый признак «причинение вреда здоровью средней тяжести», а в ч.3 данной статьи – хулиганство, совершенное «при опасном или особо опасном рецидиве». Наказывается лишением свободы от 5 до 10 лет. В остальном ч.1 и ч.2 ст.237 УК Республики Таджикистан совпадают с признаками ст. 257 УК Республики Казахстан, которые предусматривают ответственность за злостное и особо злостное хулиганство.

¹ Уголовный кодекс Республики Таджикистан. Спб., 2001. С.247. 80

ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ХУЛИГАНСТВА ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ

2.1. Характеристика объективных признаков состава преступления, предусмотренная ст. 213 УК РФ

Объект хулиганства, прежде всего – о доктринальной классификации объектов преступления по вертикали. Классическим вариантом построения системы объектов по вертикали служила до изменения в УК 1996 г. трехчленная структура, в которой выделялись объекты общих, родовой (специальный, групповой), непосредственный

(видовой). В современной литературе нет единства мнений по поводу количественной составляющей объекта преступления по вертикали. Отдельные авторы считают приемлемой четырехчленное деление объекта на общий, родовой, видовой и непосредственный¹. Другие полагают, что выделение общего объекта преступления не имеет никакого смысла, поскольку понятия и признаки объекта преступления как элемента состава и общего объекта преступления полностью совпадают, следовательно, одно из сравниваемых понятий обладает нулевым объемом содержания, что является логически некорректным². Следовательно, с практической и теоретической позиции имеет смысл выделить лишь три объекта преступного посягательства – родовой, видовой и непосредственный. Мы полагаем, что именно такое трехчленное деление объектов посягательства по вертикали наиболее приемлемо практически и отвечает логическим резонам построения системы.

Совокупность объектов преступлений Особенной части УК не может быть общим объектом преступлений. Это логический нонсенс. Совокупность объектов представляет собой систему, в пределах которой выделяются ряды подсистем с их элементами и частями. К таким подсистемам относятся объекты одного рода, что соответствует разделу Особенной части; одного вида, что соответствует главе Особенной части, и индивидуальные объекты, присущие конкретным составам.

Родовой объект, включает в свой объем некий класс предметов, в состав которого входят другие классы предметов, являющиеся видами данного рода. Родовой объект выражает существенные признаки образований одного рода, которые выступают в качестве подчиняющих, сосредотачивающих в своих рамках меньшие по объему видовые образования. Так, преступления против личности включают в свой состав различные видовые образования, подчиненные родовым признакам, - жизнь, здоровье и т.д.

¹ См., например: Уголовное право России. Части Общая и Особенная / Под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2007. С. 62; Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. В.С. Комиссарова. СПб.: Питер, 2005. С. 150-151.

² Иванов Н.Г. Уголовное право России. М.: ЭКЗАМЕН, 2003. С. 128.

Родовой объект, как любое родовое образование, обозначает те признаки, которые повторяются в каждом объекте, являясь общими для данного рода. Так, видам убийства, причинения вреда здоровью и т.д. свойственно то обстоятельство, что их объединяет понятие личности.

Видовому объекту присущи признаки, характерные не для всех образований данного рода, а лишь для образований конкретного вида. Признаки видового образования являются подчиненными и входят в состав родового образования. Всем элементам конкретного вида присущи все признаки рода, в который вид входит, но вместе с тем им присущи свои видовые признаки, отличающие их от элементов других видов, входящих в данный род.

Непосредственный объект сосредотачивает в своих границах признаки, свойственные данному единичному образованию и отсутствующие у других. Из множества признаков, присущих другим объектам, объем признаков единичного или непосредственного объекта не превышает одного элемента.

По такому принципу в большинстве случаев построена система объектов Особенной части УК РФ. Так, раздел 7 содержит в качестве родового объекта посягательства отношения по поводу интересов личности. Видовой объект главы 16 – жизнь, как одна из форм существования материи. Непосредственным объектом убийства является жизнь конкретного человека или конкретных людей. В видовом и непосредственном объекте содержатся признаки рода – интересы человека, однако каждый обладает собственной спецификой, которая отражается применительно к видовому объекту рассматриваемых преступлений в отношениях по поводу жизни как некоего блага, относящегося к абсолютным ценностям, а применительно к непосредственному объекту – в отношениях по поводу жизни конкретного человека или конкретных людей.

Родовым объектом преступлений главы 23 УК РФ традиционно считается «общественная безопасность как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от различного рода в основном

внутренних, а также внешних угроз общепасного характера»¹. Рассмотрение общественной безопасности в качестве родового образования по отношению к преступлениям против общественного порядка и общественной безопасности содержится на том основании, что общественная безопасность оценивается как род по отношению к общественному порядку, который рассматривается в качестве видового образования. А.В. Готовцев пишет в данной связи: «Общественный порядок – это обеспечение безопасности людей, общественная безопасность – это и сохранность имущества, и нормальная работа источников повышенной опасности, представляющих угрозу для человека и общества. Отсюда следует вывод, что общественная безопасность несколько шире общественного порядка»². Однако, в названии раздела 9 Особенной части УК РФ общественная безопасность и общественный порядок употребляются отдельно друг от друга, что свидетельствует о желании законодателя представить два родовых образования равного достоинства.

Исходя из соотношения общественной безопасности и общественного порядка как родового и видового образования, видовым объектом преступлений главы 24 УК РФ считается «общественная безопасность в узком смысле слова, т.е. совокупность общественных отношений, обеспечивающих безопасные условия жизни каждого члена общества, общественный порядок, безопасность личных, общественных или государственных интересов при производстве различного рода работ в процессе обращения с общепасными предметами»³.

Традиционно специальным и обязательным объектом хулиганства признается общественный порядок⁴. При этом общественный порядок, по классическому образцу соотношения общего и особенного, справедливо рассматривается как элемент

¹ Уголовное право России. Часть Особенная / Под ред. Л.Л. Кругликова, М.: ВолтерсКлувер, 2005. С. 402.

² Готовцев А.В. Организационно – правовые вопросы взаимодействия милиции и внутренних войск в охране общественного порядка: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 13.

³ Уголовное право России. Части Общая и Особенная / Под ред. А.И. Рарога. М.: ПРОСПЕКТ, 2007. С. 481.

⁴ Халдеев Л. Ответственность за хулиганство // Российская юстиция. 1997. № 5. С. 38; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Б.Т. Разгильдиева, А.Н. Красикова. Саратов, 1999. С. 366; Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. И.Э. Звечаровского. М.: ЮРИСТЪ, 2004. С. 290; Российское уголовное право. Особенная часть. Т. 2 / Под ред. Л.В. Иногамовой – Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М.: ИНФРА-М, 2003. С. 419; Уголовное право России. Часть Особенная / Под ред. Л.Л. Кругликова. М.: ВолтерсКлувер, 2005. С. 439; Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М.: ИФРА-М-НОРМА, 1997. С. 388; Иванов Н.Г. Уголовное право России. М.: ЭКЗАМЕН, 2003. С. 637; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: Проспект, 2006. С. 402.

общественной безопасности¹. В учебнике по уголовному праву, изданном коллективом МГУ, дано более развернутое понятие объекта хулиганства, под которым предлагается понимать «систему общественных отношений, сложившихся на основе соблюдения норм права, направленных на поддержание общественного спокойствия и нравственности, взаимного уважения, надлежащего поведения граждан в общественных местах, отношений в сфере социального общения»². По существу, определение непосредственного основного объекта хулиганства, данное в учебнике МГУ, расшифровывает компоненты, составляющие общественный порядок, поэтому данное определение следует воспринимать как раскрывающие параметры общественного порядка.

Определение непосредственного основного объекта хулиганства как общественного порядка естественно вытекает из диспозиции ст. 213 УК РФ, в которой нарушение общественного порядка выступает центральным звеном уголовной ответственности. Вместе с тем необходимо заметить, что нормы ст. 213 УК РФ находятся в главе, которая носит название «Преступления против общественной безопасности». По поводу общественного порядка в главе ничего не сказано. Более того, общественная безопасность, которая является в доктринальной интерпретации родовым объектом преступлений, включенных в раздел 9 Особенной части УК, во – первых, указана наряду с общественным порядком, который также выступает родовым объектом преступлений раздела 9 Уголовного кодекса, а во – вторых, данному объекту вовсе не находится места в качестве видового объекта преступлений, составляющих рассматриваемый раздел. Что хотел сказать такой структурой родового и видового объектов посягательства законодатель, не совсем ясно. Скорее всего, подчеркивается зависимость общественного порядка от общественной безопасности, определение которой дано в Законе РФ от 5 марта 1992 г. «О безопасности» (с изменениями от 25.07.2006 г.), где под безопасностью предлагается понимать состояние защищенности жизненно важных интересов

¹ Уголовное право России. Часть Особенная / Под ред. Л.Л. Кругликова. М.: ВолтерсКлувер, 2005. С. 439.

² Курс уголовного права. Т. 4. Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: Зерцало-М, 2002. С. 299.

личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Полагаем, что именно соотношение между общим и частным имел в виду законодатель, не выделяя специально общественный порядок в качестве видového объекта конкретных преступных посягательств. В данном контексте правы авторы, которые считают, что общественный порядок есть часть общественной безопасности.

Необходимо заметить, что в качестве родового объекта посягательства раздела 9 УК РФ законодатель не выделил специально отношения, которые регулируются нормами глав 25 (здоровье и общественная нравственность), 26 (отношения в сфере экологии), 27 (транспортная безопасность). Такое отношение к названным объектам можно объяснить тем, что они входят составной частью в единый родовой объект «безопасность», что, в частности, вытекает из цитируемого закона РФ «О безопасности», где в ч.3 ст.1 указано: «К основным объектам безопасности относятся: личность – ее права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальная ценность». Но в таком случае возникает недоуменные вопросы, на которые мы попытаемся дать ответ в процессе дальнейшего изложения: зачем выделять в качестве «родового» объекта общественный порядок, который также является частью безопасности? Объект безопасности столь масштабен, что под его эгиду подпадают практически все преступные посягательства, поскольку любое преступление представляет собой угрозу обществу. Надо ли выделять такой объект в качестве самостоятельной единицы?

В литературе выделяются специальные составы, посвященные преступлениям против общественного порядка. К таковым преступлениям относят всего два посягательства – хулиганство и вандализм¹. Полагаем между тем, что специальный аспект на преступлениях против общественного порядка не вызывается необходимостью. Выделение отдельных норм, имеющих специфическую направленность на защиту именно общественного порядка, вряд ли соответствует

¹ См., например: Российское уголовное право. Особенная часть. Т. 2 / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М.: ИНФРА-М., 2003. С. 419; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Б.Т. Разгильдиева, А.Н. Красикова. Саратов, 1999. С. 366.

онтологическому пониманию общественного порядка как целостной совокупности общественных отношений. Для доказательства выдвинутого тезиса необходимо рассмотреть феномен общественного порядка, который неадекватно толкуется в теории права.

Считается, что наиболее полно понятие общественного порядка дано в литературе по административному праву. В соответствующих источниках общественный порядок принято понимать в широком и узком (специальном) смыслах. В широком смысле общественный порядок представляет собой желательный для общества конечный результат осуществления требований социальных норм, конкретизированных в субъективных правах и обязанностях. Он олицетворяет жизнь, реальное бытие этих норм, поскольку каждая из них представляет собой не только должное, но и сущее при своей реализации в адекватном поведении субъектов¹. Рабинович П.М. указывал, что общественный порядок следует понимать как определенное состояние урегулированных социальными нормами общественных отношений. Он включает в себя такие свойства, как согласованность, скоординированность, структурную организованность². В связи с тем, что общественный порядок представляет собой состояние урегулированных общественных отношений, его необходимо рассматривать как определенную систему взаимосвязанных и образующих целостное единство элементов, каковыми являются социальные нормы, урегулированные ими общественные отношения и фактическое поведение субъектов этих отношений, соответствующее предписаниям социальных норм. По существу, общественный порядок представляет собой систему общественных отношений, урегулированную социальными нормами³. Из данного определения вытекает, что общественный порядок прежде всего регулируется социальными нормами, к которым могут относиться не только официально – легитимные предписания, выраженные в форме

¹ Кудрявцев В.Н. Юридические нормы и фактическое поведение // Советское государство и право. 1980. № 2. С. 14.

² Рабинович П.М. Упрочение законности – закономерность развитого социализма: Автореф. дис. ...док.юрид. наук. М. 1979. С. 12-13.

³ Еропкин М.И. Управление в области охраны общественного порядка. М., 1965. С. 11; Серегин А.В. Советский общественный порядок и административно-правовые средства его укрепления. М., 1975. С. 17; Веремеенко И.И. Сущность и понятие общественного порядка // Советское государство и право. 1982. № 3. С. 27.

законов, указов, императивов, содержащихся в подзаконных актах, но и правила поведения в быту, неписанные моральные императивы. Социальные нормы, регулирующие общественный порядок, регламентируют общественные отношения, предписывая субъектам определенные варианты поведения в соответствии с общепринятыми представлениями о композиционном единстве в процессе социального общения и индивидуализируя варианты поведения в виде конкретных прав и обязанностей субъектов.

Фактическое поведение субъектов представляет собой внутренние их волевые устремления, которые нацелены на достижение гармонии между индивидуальным поведением и нормативными требованиями. В конце концов общественный порядок образуется в итоге социально – нормативного регулирования общественных отношений и воплощения предписаний социальных норм в поведении субъектов.

Общественный порядок характеризует порой как «состояние закреплённости в нормах отношения между людьми, возникающих в процессе их общения¹». Однако состояние закреплённости еще не означает фактора упорядоченности. Такой фактор возникает тогда, когда обнаруживается правильная реакция субъектов урегулированных отношений на требования социальных норм. Таким образом, связь механизма социально-нормативного регулирования с общественным порядком не является непосредственной. Она осуществляется через механизм реализации социальных норм.

Поскольку общественный порядок, понимаемый в широком смысле слова, представляет собой желательный для общества конечный результат осуществления требований социальных норм, конкретизированных в субъективных правах и обязанностях, поскольку нормативной основой его регулирования являются все существующие в обществе социальные нормы, объектом регулирования которых выступают все существующие в обществе отношения.

¹ Еропкин М.И., Попов Л.Л. Административно – правовая охрана общественного порядка. Л., 1973. С. 7.

Общественный порядок в узком смысле слова Н.И. Загородников предлагал понимать как отношения, складывающиеся «в местах, имеющих общественное значение»¹.

Л.Д. Гаухман, С.В. Максимов определяют общественный порядок как «совокупность отношений, определяющих обстановку порядка и общественного спокойствия в общественных местах, обеспечивающих достойное поведение в них граждан, нормальную работу учреждений и организаций публичного характера, а также физическую и моральную неприкосновенность личности в условиях пребывания в общественном месте»².

В качестве нормативной базы регулирования общественного порядка в узком смысле слова предлагается понимать все социально-правовые отношения³, т.е., по существу, нормативная база общественного порядка в узком смысле слова аналогична соответствующей нормативной базе регулирования общественного порядка в широком его понимании.

Как следует из приведенных определений, понимание общественного порядка в узком смысле слова отличается от его широкого толкования сферой урегулированных социальными нормами общественных отношений. Что касается приоритетов современного право-понимания, то единства мнений по данному вопросу нет. Так, в комментарии к Уголовному кодексу авторы пишут: «Под общественным порядком следует понимать систему отношений между людьми, правил поведения, общежития, установленных социальными нормами: нормативными актами, обычаями, традициями, нравственными нормами, обеспечивающими обстановку спокойствия, защищенности личности в сфере труда, быта и отдыха»⁴. В данном определении предложен широкий подход к пониманию общественного порядка, затрагивающий практически все сферы жизнедеятельности граждан.

¹ Загородников Н.И. Общественный порядок и пути его укрепления // Советское государство и право. 1971. № 10. С. 5.

² Уголовное право. Особенная часть / Под ред. Л.Д. Гаухмана, С.В. Максимова. М., 1999. Т. 2. С. 33-34.

³ См., например: Еропкин М.И. Указ.соч. С. 11; Серегин А.В. Советский общественный порядок и административно-правовые средства его укрепления. М., 1975. С. 17.

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.И. Рарога. М.: ПРОСПЕКТ, 2006. С. 402.

В учебнике авторского коллектива МГУ под общественным порядком предлагается понимать «систему общественных отношений, поддержание общественного спокойствия и нравственности, взаимного уважения, надлежащего поведения граждан в общественных местах, отношений в сфере социального общения»¹. Определение авторского коллектива МГУ содержит в себе смешанный – узкий и широкий подход к трактовке общественного порядка. Ссылка авторов на общественные места, характерная для определений объекта хулиганства прошлого века, свидетельствует об узком подходе к трактовке рассматриваемого явления.

Исключительно лишь узкая трактовка общественного порядка посредством основополагающего акцента на совершение хулиганских действий в общественных местах, предложена в диссертации В.С. Егорова «Уголовная ответственность за хулиганство»². Однако в любом случае, понимается ли общественный порядок в узком или широком смысле слова, возникает естественный вопрос: а не посягают ли все преступления на общественный порядок?

Правопорядок рассматривается в литературе как составная часть общественного порядка. Л.С. Явич отмечает: «Правопорядок – составная часть общественного порядка, т.е. порядка фактических отношений общественного характера. ...правопорядок – особое состояние фактически существующих отношений, опосредованных правом или точнее, существующих как правовые общественные отношения»³. Если понимать общественный порядок как родовое образование по отношению к правопорядку, обеспечивающему конечный результат требований социальных норм, конкретизированных в субъективных правах и обязанностях, тогда оказывается, что практически все преступления тем или иным образом, но непременно нарушают правопорядок, а следовательно, и общественный порядок. Например, убийство, телесные повреждения, клевета, кража и т.д. непременно посягают на определенные сферы общественных отношений, урегулированных правовыми нормами. Так, обязанностью гражданина является

¹ Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 4 / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: Зерцало-М, 2002. С. 299.

² Егоров В.С. Уголовная ответственность за хулиганство: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 37.

³ Явич Л.С. Сущность права. Л., 1985. С. 160.

разрешение конфликтных ситуаций посредством «правового поля». Убийство нарушает данную обязанность, если оно совершается из мести. Все иные преступления также должны быть рассмотрены под углом зрения нарушения общественного порядка хотя бы уже потому, что преступное посягательство – это не порядок, это нарушение субъективных или объективных обязанностей гражданина.

Н.Г. Иванов отмечал, что общественные отношения, обеспечивающие общественный порядок, на которые посягает хулиганство, не обладает какой – либо спецификой и данный объект нарушается любым преступлением¹. Полагаем необходимым присоединиться к высказанному мнению, отражающему реальность непосредственного объекта в виде общественного порядка.

В качестве дополнительного объекта хулиганства в литературе выделяют здоровье человека, отношения собственности², честь, достоинство³, порядок управления⁴, личную безопасность⁵, свободу личности⁶. Причем необходимо отметить, что такие дополнительные объекты, как здоровье, отношения собственности, свобода личности выделяются в современной литературе, выпущенной намного позже, чем как произошли изменения в ст.213 от 8 декабря 2003г. Возникает существенный вопрос: почему видные авторы выделяют в качестве дополнительных объектов хулиганства отношения, которые на момент формирования УК РФ в 2003 г. являются объектами других преступлений – ст. 111, 112 и т.д.? Для ответа на поставленный вопрос целесообразно обратиться к современной судебной практике. Коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ осуществляет ч.1 ст. 213 УК РФ по следующим основаниям.

Гражданин К., у которого были неприязненные отношения с Н., предлагает ранее знакомому С. Совершить убийство Н., на что С. согласился. С целью

¹ Иванов Н.Г. Хулиганство: проблемы квалификации // Российская юстиция. 1996. С. 39.

² Российское уголовное право. Особенная часть. Т. 2 / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М.: ИНФРА-М, 2003. С. 420.

³ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Б. Т. Разгильдиева, А.Н. Красикова. Саратов, 1999. С. 366.

⁴ Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. Л.Л. Кругликова. М.: ВолтерсКлувер, 2005. С. 439.

⁵ Саркисов Г.С. Предупреждение нарушений общественного порядка. Ереван: Айстан. 1972. С. 29-30.

⁶ Борисов С.В. Непосредственный объект хулиганства // Актуальные проблемы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии. М., 2005. С. 170.

совершения убийства взял по собственной инициативе переделанный под боевой пистолет модели «ИЖ-79», подстерег Н., но довести до конца свой умысел не сумел по независящим от его воли обстоятельствам (промахнулся).

В результате С. был осужден по ч.1 ст.213 УК РФ, поскольку стрелял в общественном месте¹.

По делу Х. было установлено, что подсудимый, в составе группы лиц по предварительному сговору, из мести за причиненный вред здоровью члену другой преступной группировки, в помещении кафе нанес обрезком металлической трубы Р-ву три удара по голове, часть из которых не достигла своей цели в силу сопротивления потерпевшего и пришлась в плечо, причинив ему телесные повреждения, от которых он скончался. В результате Х. был осужден по ч.2 ст.213 УК РФ, а осуждения за причинения вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть, с него были сняты, поскольку суд признал его непричастным к преступлению, предусмотренному ч.4 ст.111 УК РФ. Преступления были совершены 27 апреля 2004 г.²

«Д. признан виновным в том, что 13 февраля 2004 г. в г. Нурлат Республики Татарстан в ходе ссоры со своей сожительницей Р. нанес ей деревянной ручкой от дивана не менее трех ударов по различным частям тела, причинив потерпевшей вред здоровью средней тяжести. Он же 7 марта 2004 г. и 15 марта 2004 г. в ходе ссоры причинил Р. побои, кроме того, 7 марта 2004 г. из хулиганских побуждений нанес Б. удары штыковой лопатой по различным частям тела». В результате Д. был осужден по совокупности преступлений, предусмотренных ч.1 ст.116, ч.1 ст.112 и ч.1 ст.213 УК РФ³.

Сотрудник правоохранительных П.И. избил без видимого повода П., затем, войдя в кафе, имея умысел на убийство С., выстрелил в С., смерть которой наступила от кровопотери. В результате П.И. был осужден по совокупности преступлений, предусмотренных п. «а» ч.3 ст.286, п. «и» ч.2 ст. 105 и ч.1 ст. 213 УК РФ. При этом, мотивируя необходимость квалификации содеянного по ч.1 ст.213 УК РФ, суд указал:

¹ Кассационное определение от 19 сентября 2006 г. Дело № 48-о06-85сп. СПС «Консультант Плюс».

² Постановление от 5 июля 2006 г. № 341-П06. СПС «Консультант Плюс».

³ Надзорное определение от 1 июня 2006 г. Дело № 11- дп06-41. СПС «Консультант Плюс».

«По ч.1 ст.213 УК РФ действия П.И. квалифицированы правильно, так как, выстрелив два раза в помещении кафе-бара, он грубо нарушил общественный порядок, выразив явное неуважение к обществу, применив для этого огнестрельное оружие»¹.

При анализе судебных приговоров, касающихся уголовной ответственности за хулиганство, нам не встретилось ни одного дела, где хулиганство было бы представлено вне посягательства на иные объекты. Да и вряд ли такое будет возможно впредь. Подчеркивая данное обстоятельство, судья Верховного Суда РФ Н.А. Колоколов пишет, анализируя соотношение ч.2 ст.115 и ч.2 ст.116 УК РФ с хулиганством: «Как вновь включенные в ткань УК РФ 1996 г. специальные нормы на практике соотнесутся с базовыми – ч.1 и 2 ст.213 УК РФ, пока не знает никто»². Именно на основании современной, да и прошлой правоприменительной практики исследователи выделяют в качестве дополнительных объектов хулиганства иные ценности, посягательства на которые регламентированы собственным нормативным комплексом. Строго говоря, если, например, в результате так называемых хулиганских действий был причинен вред здоровью или жизни, то деяние должно квалифицироваться как преступление против здоровья или жизни, а вовсе не как хулиганство. В данной связи особо примечательно последнее приведенное нами дело по обвинению П.И. Ему было вменено убийство из хулиганских побуждений и хулиганство, несмотря на то что был доказан умысел на убийство. Кроме того, если выстрелы в кафе считать уголовно наказуемым хулиганством, то как быть со ст.20.13 Кодекса РФ об административных правонарушениях, в которой устанавливается ответственность за стрельбу из оружия в населенных пунктах и в других не отведенных для этого местах вне зависимости от мотивов совершенного деяния?

Получается, что, посягая на любой объект, субъект всегда нарушает одновременно и общественный порядок, а если такое посягательство носит публичный характер, то он всегда совершает и хулиганство, что несомненно абсурдно. То же касается всех других преступных посягательств, где может присутствовать хулиганский мотив. Таким образом, в качестве дополнительного

¹ Кассационное определение от 30 марта 2006 г. Дело № 38-о05-31. СПС «Консультант Плюс».

² Колоколов Н.А. Цит. соч.

объекта хулиганства могут быть признаны любые общественные отношения, которые нарушаются в процессе хулиганских действий. Однако в данном случае возникает важный вопрос: не являются ли различные выделенные нами в качестве дополнительных объекты хулиганства так называемыми обязательными дополнительными объектами рассматриваемого преступления?

Например, злоумышленник молча стоит в вагоне метро и держит в руках разбитую бутылку (так называемая розочка) или полную бутылку пива. В данном случае об уголовно наказуемом хулиганстве речи быть не может, хотя он совершил правонарушение, которое согласно приложению № 2 к распоряжению мэра Москвы от 28 октября 1994 г. № 522-РМ «Об упорядочении и приведении в соответствие с законодательством действующих городских нормативных актов, касающихся правил пользования московским метрополитеном» является наказуемым. Для уголовной ответственности такое поведение безразлично. Но если злоумышленник поднял бутылку или иным образом продемонстрировал ее и при этом произнес угрозу, возникают основания для квалификации деяния. Но какого? Угроза не бывает «пустой». Она всегда содержательна. Например, угроза убийством, причинением вреда здоровью или имуществу. Однако в таком случае субъект посягает на иные отношения – по поводу жизни, здоровья или имущества.

Для уголовной ответственности за хулиганство необходимо, чтобы злоумышленник посягнул на какой-либо иной объект помимо общественного порядка. Например, грубые приставания к сидящим в вагоне с применением предметов, используемых в качестве оружия или по экстремистским мотивам, что, строго говоря, является оскорблением (в определенных ситуациях) и должно квалифицироваться по ст.130 УК РФ, которая в качестве непосредственного объекта имеет честь и достоинство. То же касается, например, причинения телесных повреждений с применением предметов, используемых в качестве оружия, - объект в виде здоровья человека и соответствующая квалификация. Таким образом, оказывается, что для уголовной ответственности за хулиганство вовсе недостаточно нарушение и других отношений. Причем без нарушения других отношений хулиганство вовсе немыслимо. В итоге оказывается, что непосредственным объектом

хулиганства являются и общественные отношения по поводу соблюдения общественного порядка, и другие отношения, которые, в свою очередь, выступают в качестве обязательного объекта иных, четко и конкретно предусмотренных в УК РФ преступлений. Возникает противоречивая ситуация, свидетельствующая о том, что конкретного объекта, присущего только хулиганству, нет. А коль скоро это так, тогда возникает вопрос о целесообразности наличия состава ст.213 в рамках УК РФ.

Следует, однако, заметить, что в литературе предложен вариант выхода из создавшегося по поводу непосредственного объекта хулиганства положения. С.В. Борисов, разделяя высказанные ранее мнения Л.Д. Гледова, В.С. Устинова, Л.Д. Гаухмана, считает, что «если при совершении конкретного уголовно наказуемого деяния объектом является общественный порядок, а другие объекты в данном случае менее значимы, все совершенное следует рассматривать как хулиганство. Если же в конкретном случае посягательство на личность более значимо, чем нарушение общественного порядка, например, при убийстве, а равно при причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего из хулиганских побуждений, основным объектом следует признать общественные отношения, обеспечивающие жизнь либо здоровье человека, следовательно, деяние будет квалифицировано как преступление против личности»¹. Разумеется, если совершается иное чем хулиганство деяние, которое может быть совершено по хулиганским мотивам, при обязательном условии, что хулиганский мотив является либо квалифицирующим, либо конститутивным признаком преступления, тогда, естественно, деяние будет квалифицировано по соответствующей статье, предусматривающей такой признак. Но что означает выражение «менее значимые» объекты? Разве, например, объект истязания менее значим чем общественный порядок?

Приведенный С.В. Борисовым довод нельзя признать корректным, тем более что, как нам удалось выяснить, практически все преступления в той или иной мере посягают на общественный порядок. И если законодатель не предусмотрел хулиганский мотив в качестве криминообразующего признака, это вовсе не означает,

¹ Борисов С.В. Цит. соч. С. 168.

что объект конкретного преступления менее значим, чем общественный порядок. Если же автор имел ввиду иерархию объектов от более значимого к менее значимому по шкале ценностей, используемой законодателем при конструировании глав Особенной части УК РФ, тогда преступление, предусмотренное ст.245 УК, где хулиганский мотив является криминообразующим признаком, уступает хулиганству, что является весьма сомнительным.

Итак, единственный вывод, который следует из изложенного, заключается в том, что у хулиганства нет присущего именно данному составу преступления непосредственного объекта.

Мы начали параграф с анализа родового, видового и непосредственного объекта преступных посягательств. В процессе анализа оказалось, что и родовой и видовой объект преступления совпадают, а непосредственный объект не обладает какой-либо спецификой, являясь составной частью родового и видового объекта преступного посягательства. Такое положение является аналогичным, поскольку противоречит логическому императиву деления объема понятия. Логические императивы свидетельствуют: объем любого понятия представляет собой круг предметов, который отображен в данном понятии, и если объем такого понятия делится, то оно (понятие) является родом, а новые понятия – видами по отношению к роду. В каждом новом видовом образовании должна содержаться часть родового признака и присущие виду особенности. Так, родовое понятие «автомобиль» можно разделить по меньшей мере на два вида – грузовой автомобиль и легковой автомобиль. То же самое должно происходить и с соотношением родового, видового и непосредственного объекта преступления. Однако применительно к разделу 9 УК РФ логические правила деления понятия явно нарушаются. Во-первых, потому, что в качестве родовых объектов законодатель выделил общественную безопасность и общественный порядок как равноценные образования. Вместе с тем видовым объектом главы 24 УК названа только общественная безопасность, а общественному порядку вообще не нашлось места в системе видовых объектов. Но даже то обстоятельство, что в качестве видового объекта выделена общественная безопасность свидетельствует о нарушении логических приемов деления объема

понятия, так как род и вид не могут полностью совпадать. Таким образом, оказывается, что и в части логических правил построения объектов преступления по вертикали законодателем нарушены важные условия такого построения, что является грубым нарушением логических оснований построения суждений и понятий.

В литературе предпринята попытка выделения предмета хулиганства в качестве признака, влияющего на квалификацию преступления. Речь главным образом идет о конкретном имуществе, которое в процессе хулиганских действий может быть испорчено или уничтожено. С.В. Борисов пишет, что предмет хулиганства может способствовать либо наличию совокупности преступлений, либо конкуренции составов. Однако рассуждения цитируемого автора весьма оригинальны. Так, С.В. Борисов полагает, что при уничтожении или повреждении имущества в процессе хулиганских действий деяние следует квалифицировать как хулиганство, но если уничтожаемое или повреждаемое имущество «обладает еще и другими, имеющими уголовно правовое значение признаками, то содеянное, по нашему мнению, требует квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст.213 УК РФ и соответствующей статьей (статьями) этого УК об ответственности за посягательства на предметы, обладающими такими признаками (например, ст.215-243, 244, 245 УК РФ)»¹. Таким образом оказывается, что если в процессе хулиганских действий выведены из строя объекты жизнеобеспечения, тогда необходима совокупность ст.213 со ст.215-2, что решительно невозможно, поскольку в диспозиции ст.215-2 хулиганские побуждения предусмотрены в качестве криминообразующего признака. Если в процессе хулиганских действий были уничтожены или повреждены памятники истории и культуры (ст.243 УК РФ), тогда совокупность также не нужна, поскольку такое деяние посягает, во-первых, на конкретно определенный объект и, во-вторых, оно «безразлично» к мотивам совершения. В любом случае уничтожения или повреждения памятников истории и культуры, совершено ли деяние из хулиганских побуждений при наличии объективных признаков хулиганства или нет, деяние

¹ Борисов С.В. Цит. соч. С. 169

должно квалифицироваться по ст.243 Уголовного кодекса, как того требует принципы квалификации.

Непоследовательны рассуждения цитируемого автора привели его в итоге к выводу, что квалификация «будет определяться на основе не только и не столько предмета преступления, сколько способа, целей и мотивов деяния»¹. С последним заявлением можно согласиться. Действительно, у хулиганства нет присущего ему предмета хотя бы уже потому, что он не указан в ст.213 УК РФ в качестве обязательного признака состава. Вместе с тем предмет преступного воздействия, а также мотивы и цели воздействия на него могут иметь квалифицирующее значение. Так, если повреждаются памятники истории, тогда вне зависимости от мотивообразующего комплекса деяние должно быть квалифицирован по признакам предмета только по ст.243 УК, поскольку он четко указан в данной норме, а вот если был совершен взрыв в целях, указанных в ст.205 УК РФ, тогда деяние должно быть квалифицировано только по данной статье. В противном случае аналогичный взрыв должен квалифицироваться по ст.167 УК, предусматривающей конкретный ущерб, причиненный соответствующим способом из хулиганских побуждений.

Объективная сторона хулиганства Закон (ст.213 УК РФ) определяет объективную сторону хулиганства как грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Таким образом, объективная сторона хулиганства в новой редакции ст.213 УК РФ может быть представлена как деяние с оружием или иными предметами, используемыми в данном качестве, т.е. с конкретным предметом или без оружия или иных предметов, но по экстремистским мотивам, т.е. только как грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу.

¹ Борисов С.В. Цит. соч. С. 170.

Прежде всего возникает вопрос: возможно ли грубое нарушение общественного порядка только посредством действий или его можно нарушить и бездействием? Мнение о возможности совершения уголовно наказуемого хулиганства посредством бездействия высказывали отдельные авторы¹. С таким мнением, однако, трудно согласиться, поскольку мы рассуждаем не просто о нарушении общественного порядка, а о грубом нарушении, которому присущи либо дополнительные действия в виде применения оружия, либо экстремистский мотив. Общественный порядок действительно может быть нарушен путем бездействия. Например, нахождение в общественном месте в обнаженном виде, но для грубого нарушения бездействие невозможно. Именно такой позиции придерживается современная доктрина уголовного права. Совершение хулиганства только посредством действий подтверждается и проведенными нами исследованиями. Так, выборочный анализ уголовных дел о хулиганстве, рассмотренных судами России за последние три года, не выявил ни одного случая совершения уголовно наказуемого хулиганства путем бездействия.

Одним из признаков объективной стороны хулиганства закон называет грубое нарушение общественного порядка, термин, который наряду с термином «явное неуважение к обществу» Н.А. Колоколов справедливо отнес к размытым, неконкретным, непонятным правоприменителю². Интересно отметить удивительную солидарность исследователей, которые под грубым нарушением общественного порядка вслед за судебной практикой понимают «действия, совершаемые в общественных местах и сопряженные с нарушением покоя граждан, со срывом массовых мероприятий, нарушением работы транспорта, общественного спокойствия»³. Отдельные авторы добавляют к характеристике грубого нарушения

¹ См., например: Пионтовский А.А. Советское уголовное право. Особенная часть. Т.2. М.; Л., 1928. С. 287; Морщакова Т. Судебная защита основных прав граждан в общем и конституционном судопроизводстве: соотношение и особенности // Судебный контроль и права человека / Под ред. В.М. Савицкого. М., 1996. С. 29-33.

² Колоколов Н.А. Борьба с хулиганством: кризис правового регулирования // Российский следователь. 2004. № 11. С. 4,5.

³ Данилов Е.П. Уголовный кодекс Российской Федерации. Комментарии // Судебная и адвокатская практика: справочные материалы. М.: КНОРУС, 2004. С. 469. См. также: Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. А.И. Рарога. М., 2005. С. 450; Курс уголовного права, т. 4. Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: Зерцало-М, 2002. С. 300.

общественного порядка признак существенности или серьезности нарушения. Так, авторы учебника «Российское уголовное право» отмечают, что «грубым нарушением общественного порядка признается существенное серьезное нарушение такого порядка»¹, а авторы другого учебника подчеркивают, что «грубое нарушение общественного порядка означает нарушение, являющееся существенным, значительным, ущемляющим важные государственные, общественные или личные интересы»², резонно признавая вместе с тем, что данные характеристики носят оценочные свойства³.

В качестве примеров грубого нарушения общественного порядка называются такие, как срыв массовых мероприятий, временное прекращение работы транспорта, учреждения, нарушение покоя граждан в ночное время, нанесение телесных повреждений, уничтожение имущества, драка во время игры в боулинг (почему-то авторы отдали предпочтение в своих иллюстрациях именно этой игре) и т.д. Мнение о том, что признак грубости следует оценивать как объективный, количественный критерий, а признак явности как качественный, субъективный критерий, также не может быть принято в силу оценочных характеристик таких критериев.

Авторы не задаются целью перечислить все возможные действия, которые могут составить характеристику грубого нарушения общественного порядка, поскольку такое вряд ли возможно, учитывая мозаичность хулиганских действий. Однако небезынтересно заметить, что в свое время профессор М.М. Гроздинский предпринял такую попытку, сконцентрировав все возможные проявления хулиганства в две группы. В первую группу исследователь предлагал поместить, те действия, которые специально не предусмотрены какой-либо статьей Уголовного кодекса, учитывая при этом, что они совершаются с намерением нарушения общественного порядка и проявление неуважительного отношения к гражданам либо обществу в целом: появление в общественном месте в голом виде, произнесение

¹ Российское уголовное право. Особенная часть. Т.2 / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М.: ИНФРА-М, 2003. С. 420.

² Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Б.Т. Разгильдиева, А.Н. Красикова. Саратов, 1999. С. 366.

³ Уголовное право. Особенная часть / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. НезнамоваЮ Г.П. Новоселова. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997. С. 389.

неприличных слов, не адресованных конкретному лицу, и т.д. Во вторую группу, по мнению профессора М.М. Гроздинского, должны быть включены такие действия, которые по общим правилам являются преступлениями, предусмотренными соответствующей статьей Уголовного кодекса, однако «совершаются не для того, чтобы достичь той цели, которую обычно преследуют при совершении преступлений такого порядка, а лишь для нарушения общественного порядка для проведения неуважительного отношения к отдельным гражданам и всему обществу различными возбуждающими способами»¹. В дальнейшем предпринимались и иные попытки группировки хулиганских действий. Так, Коржуев Е.К. различал хулиганские действия (а) не имеющие непосредственной связи с посягательством на лицо или имущество, (б) имеющие связь с посягательством на лицо или имущество². Предлагаемые классификационные группировки не лишены теоретического и даже, пожалуй, практического интереса, однако мы полагаем, что разнообразие хулиганских действий вряд ли можно вместиť в какую-либо из предложенных группировок. Поэтому мы не считаем целесообразным создавать конкретные группировки хулиганских проявлений, отнеся данный вопрос к фактическим обстоятельствам. Более того, предлагаемые группировки «льют воду на мельницу» наших доводов об отсутствии у хулиганства конкретного объекта посягательства. Так, например, действия, не имеющие непосредственной связи с посягательством на лицо или имущество, сами по себе максимально разнообразны. Например, экономические преступления, преступления против интересов государства. Однако преступные посягательства, непосредственно не связанные с воздействием на лицо или имущество, вряд ли могут совершаться по хулиганским мотивам. Что касается действий, имеющих непосредственную связь с посягательствами на лицо или имущество, такие деяния имеют собственный непосредственный объект: жизнь, здоровье, имущественные интересы при хищениях и т.п., и по этой причине их трудно оценить как хулиганство.

¹Гроздинский М.М. Преступления против личности. М., 1924. С. 10.

²Коржуев Е.К. Ответственность за хулиганство по советскому уголовному праву: Автореф. дис. канд. юрид. наук. М. 1955. С. 4-6.

В классификации М.М. Гроздинского отмечается такая же картина. Вторая группа его квалификационного подразделения предусматривает непосредственно хулиганские проявления, однако и они имеют собственные объекты и предметы. Так, вандализм отличается от хулиганства предметом посягательства, убийство из хулиганских побуждений отличается от хулиганства непосредственным объектом. А в том случае, если совершенное деяние не имеет четкой направленности, в результате чего его правоприменитель может отнести к так называемым «без видимого повода» преступлениям, то все равно такое деяние имеет собственный непосредственный объект. Например, истязание.

Итак, грубость нарушения общественного порядка согласно теоретическим посылкам проявляется в серьезном, существенном нарушении общественного порядка, что в свою очередь, нарушает или создает угрозу нарушения важных интересов граждан или общества. Не акцентируя внимания на словарях, где грубый определяется как недостаточно культурный, неучтивый, неделикатный¹ или как жесткий, черствый, невежливый, дерзкий², имеет смысл подвергнуть краткому анализу доктринальные позиции по поводу определения грубого нарушения общественного порядка, сравнив уголовно наказуемое хулиганство с административно наказуемым.

Что такое серьезное, существенное нарушение общественного порядка? Можно ли, например, нецензурную брань или оскорбительные приставания к гражданам назвать несущественными и не серьезными нарушениями? Думаю, на данный вопрос следует дать отрицательный ответ, поскольку несерьезное нарушение вряд ли стоит довольно строго наказывать фактически лишением свободы, поскольку ст. 20.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях в качестве максимального наказания за такое правонарушение предполагает пятнадцать суток административного ареста. И потом, как отличить серьезное нарушение от несерьезного, да и вообще, надобно ли такое разграничение, учитывая определенный флер анализируемого понятия? Судебная практика, однако, предлагает пути

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1975. С. 135.

² Даль В.И. Толковый словарь русского языка. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2002. С. 195.

разграничения грубого и негрубого нарушения общественного порядка. Так, из приговора Елсакову суд исключил хулиганство, поскольку не усмотрел в его действиях грубого нарушения общественного порядка. Елсаков, на почве личных неприязненных отношений, встретив на улице свою бывшую жену, подошел к ней, ничего не объясняя, на виду у посторонних лиц из хулиганских побуждений ударил ее по голове разводными ключами от газовых труб и несколько ударов нанес коленом в грудь и лицо, причинив ей вред здоровью средней тяжести. Первоначально ему было вменено хулиганство, однако Верховный Суд РФ отменил приговор в части хулиганства с такой мотивировкой: «Неправомерные действия совершены Елсаковым в отношении Урозаевой из лично неприязни к потерпевшей, права и интересы других лиц им не нарушены.

Следовательно, вывод суда и судебной коллегии о том, что Елсаков своими действиями грубо нарушил общественный порядок и проявил явное неуважение к обществу, также является необоснованным»¹.

Другое подобного рода определение. Ковалев в нетрезвом состоянии, после незначительного конфликта с Быконя, взял двустольное охотничье ружье и около 19 час. пришел к его дому. Увидев Быконя, он из хулиганских побуждений с целью убийства произвел в него два выстрела сквозь окно, после чего ушел домой. Суд квалифицировал его действия по п. «и» ч.2 ст. 105 УК РФ. Однако Верховный Суд отменил приговор в этой части, указав, что конфликт, свидетельствующий о неприязненных отношениях, свидетельствует одновременно о том, «что в действиях Ковалева отсутствуют признаки грубого нарушения общественного порядка»².

Значит, если избить человека в присутствии других граждан или покушаться на его жизнь из личной неприязни, тогда общественный порядок грубо не нарушен, а если присутствуют так называемые «хулиганские» мотивы – тогда нарушен грубо. Но можно ли факт грубого или негрубого нарушения общественного порядка связать с мотивом? Разве общественному порядку не безразлично, с каким мотивом его

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 5. 2003. С. 11-12

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 11. 2002. С. 7.

нарушают. Ведь общественный порядок – категория объективная и безразличная к мотивам поведения.

Верховный Суд РФ в цитируемом постановлении «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» от 15 ноября 2007 г. предложил вариант ограничения преступлений против личности от хулиганства. По мнению Верховного Суда РФ, оскорбления, побои, причинения вреда здоровью человека, вызванные личными неприязненными отношениями, следует квалифицировать как преступление против личности «при отсутствии признаков преступления, предусмотренного частью 1 ст. 213 УК РФ» (п. 13 цитируемого постановления). Что имеется в виду: отсутствие оружия или иных предметов, отсутствие экстремистских мотивов? Если это так, то хулиганство отличается от преступлений против личности наличием или отсутствием у виновного соответствующих предметов или мотивов, что представляется явным парадоксом. Так, например, если супруг, проявляя явное неуважение к обществу, грубо нарушая общественный порядок, напал на жену без оружия – преступление против личности, с оружием – хулиганство. Полагаем, что такая трактовка вряд ли корректна (а именно такая трактовка следует из соответствующего пункта постановления), поскольку ряд преступлений против личности гораздо опаснее чем хулиганство.

Мы абсолютно согласны с заявлением Л. Халдеева: «Общественный порядок нарушается при совершении любых проступков и преступлений, равно как и любое правонарушение выражает явное неуважение к обществу»¹, тем более что общественный порядок, как мы показали в предыдущем параграфе, регулируется, по сути, всеми императивами, призванными регулировать существующие в обществе отношения (как моральными, так и правовыми).

Если исходить из предложенной нами посылки о том, что общественный порядок регулируется всеми императивами, долженствующими стабилизировать существующие в социуме отношения, тогда любое преступление не просто нарушает, а именно грубо нарушает общественный порядок. Более того, любое

¹ Халдеев Л. Ответственность за хулиганство // Российская юстиция. № 5. 1997. С. 38.

правонарушение также грубо посягает на общественный порядок, только вот степень грубости посягает на общественный порядок, только вот степень грубости различается в зависимости от отрасли, призванной регулировать соответствующие отношения. Данный вывод находит косвенное подтверждение и в отмененном ныне, но тем не менее отражающими и современные воззрения высшей судебной инстанции России постановлении пленума Верховного Суда России от 1991 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве», где в п. 6 указано: «Решая вопрос об ограничении уголовно наказуемого хулиганства от мелкого, следует учитывать степень нарушения общественного порядка, которая определяется на основании совокупности обстоятельства дела, включая место и способ совершения противоправных действий, их интенсивность, продолжительность и т.д.»¹. В современном постановлении пленума Верховного Суда «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» от 15 ноября 2007 г. прямо подчеркнуто, что грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, определяется через способ, время, место, совершения действий, а также через их интенсивность, продолжительность и т.д. (ч.2 п.1 постановления). Верховный Суд, таким образом, настаивает на учете степени нарушения, предлагая примерный перечень обстоятельств, определяющих такую степень, - место, способ, интенсивность, продолжительность совершения деяния. Однако Верховный Суд не затрагивает вопроса ограничения грубого нарушения от негрубого, поскольку такое отличие провести невозможно. Все позиции, которые предложены в решениях высшей судебной инстанции, носят оценочный характер и зависят исключительно от судебного усмотрения, а вовсе не от объективных показателей. Вместе с тем, как мы утверждали ранее, любое правонарушение в той или иной степени грубо нарушает общественный порядок. Следовательно, признак «грубое нарушение общественного порядка» является универсальным для всех правонарушений и характеризует не только хулиганство, а сам признак грубости, и, на наш взгляд, обладает определенными характерологическими чертами. По нашему

¹ Сборник постановлений пленумов Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам. М.: Проспект, 2005. С. 256.

мнению, грубым нарушением общественного порядка следует считать в том случае, если игнорируются нормативные императивы, запрещающие определенные варианты поведения. Следовательно, данный признак не является исключительной принадлежностью хулиганства.

Степень грубости зависит от ценностных предпочтений, которые, в свою очередь, находят отражение в отраслевом законодательстве. Учитывая степень репрессивности правового материала полагаем, что наибольшая степень грубости нарушения общественного порядка свойственна уголовно наказуемым деяниям.

Анализируя признак «грубое нарушение общественного порядка», мы показали, что теоретические позиции в данной связи учитывают публичность нарушения или общественное место, без наличия которого хулиганства быть не может. Такая позиция с неизбежностью порождает вопрос: если деяние совершено не в общественном месте или не публично, тогда хулиганство отсутствует? Отвечая на поставленный вопрос, нам одновременно необходимо будет раскрыть признак явности неуважения к обществу как конституционный признак уголовно наказуемого хулиганства.

Н.П. Грабовская отмечала, что «явное неуважение к обществу находит свое выражение в том, что хулиганские действия совершаются публично. Публичный характер действий при хулиганстве не означает совершения их лишь в общественных местах, где они становятся очевидными для присутствующих (на улице, в кафе, клубе, на вокзале и т.д.). Они могут быть совершены и в иных местах (лес, квартира и т.д.), общественный характер которых определяется присутствием там других, кроме виновного, лиц. Хулиганские действия могут быть совершены в отсутствие других граждан, но через некоторое время их совершение неминуемо должно стать известным и вызвать общественное осуждение и возмущение (осквернение памятника ночью, сжигание корреспонденции в почтовом ящике и т.д.)»¹. В современной литературе высказанное ранее мнение находит поддержку. Так, авторы учебника по уголовному праву отмечают: «Явное неуважение к обществу выражает

¹ Курс советского уголовного права. Т. 5 / Под ред. Н.А. Беляева. Л., 1981. С. 14-15.

социальную сущность этого преступления и воплощается в публичном характере хулиганских действий, грубо нарушающих общественный порядок...»¹. Причем публичность понимается как действия, совершаемые в общественном месте. Указания на общественное место совершения деяния выдается за обязательное условие квалификации деяния как хулиганство².

Судебная практика исповедует в данной связи весьма противоречивый подход. Так, Железнодорожный городской суд Курской области квалифицировал действия В., выразившиеся в сопротивлении работнику милиции, дополнительно по ст. 206 УК РСФСР на том лишь основании, что деяние было совершено в общественном месте³, а по делу Арипина Верховный Суд РСФСР подчеркнул, что «его действия нельзя признать грубо нарушающими общественный порядок, поскольку посторонние лица при конфликте не присутствовали»⁴.

В обзоре практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2000 г. было указано по конкретному делу: «Общественный порядок С. не нарушил, так как в момент совершения С. преступления посетителей и сотрудников в кафе не было, в зале находились лишь он и потерпевший»⁵.

Непоследовательность решений судебной практики проявляется прежде всего в том, что общественное место зачастую путается с безлюдностью, хотя, как правильно отмечается в доктрине, общественным может быть и такое место, где в момент совершения деяния не было людей, но они могли там появиться в другое время. Так, в определении Военной коллегии Верховного Суда РФ от 5 июля 2001 г. указано: «Учитывая, что все это происходило ночью и в безлюдном месте и что иных действий, образующих самостоятельный состав хулиганства, Булатов не совершал, квалифицировать содеянное им еще и по ст. 213 УК РФ излишне»⁶. В другом

¹ Уголовное право. Особенная часть / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселова. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997. С. 389. Примерно то же в другом пособии «Явное неуважение к обществу, т.е. открыто, очевидно для всех». Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2006. С. 402.

² См., например: Кузнецова Н.Ф. Уголовная ответственность за нарушение общественного порядка. М., 1963. С. 3; Саркисов Г.С. Предупреждение нарушений общественного порядка. Ереван, 1962. С. 141-143; 157-158; 161-162.

³ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1990. № 3. С. 43.

⁴ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1992. № 6. С. 7.

⁵ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 9. 2001. С. 17.

⁶ Судебная практика по уголовным делам Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека / Сост. Е.Н. Трикоз. М., 2006. С. 822.

определении Военная коллегия Верховного Суда РФ указала: «Поскольку события происходили глубокой ночью в отсутствии других людей, общественный порядок или чей-либо покой нарушены не были»¹. В итоге получается весьма интересная ситуация: с одной стороны, общественное место – это такое место, где в принципе могут оказаться люди, и для констатации наличия хулиганства достаточно самого факта совершения деяния в таком месте, а с другой стороны, отсутствие людей уже не может свидетельствовать о явном неуважении к обществу, хотя деяние совершается в общественном месте. Полагаем, что такой правоприменительный подход некорректен.

Явное неуважение к обществу коррелирует с грубым нарушением общественного порядка. Как указано в п. 15 постановления пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о хулиганстве» 1991 г., хулиганство присутствует там, где можно констатировать «очевидное для виновного грубое нарушение общественного порядка и явное неуважение к обществу». Очевидность грубого нарушения порядка не может быть без явного неуважения к общепризнанным нормам поведения, так как в случае если субъект знает, что нарушает общественный порядок, знает, что его действия попирают нормативные установки, цементирующие общественное развитие и выгодные общественному формированию, то таким образом он показывает свое пренебрежение к установленным в обществе правилам поведения, а следовательно, демонстрирует со всей очевидностью неуважение к нормам в частности и обществу в целом. Поэтому нам представляется, что явное неуважение к обществу, к установленным в обществе правилам поведения является, если пользоваться философскими категориями, целым по отношению к грубому нарушению общественного порядка, выступающим в качестве его составной части. Дело в том, что явное неуважение к обществу можно демонстрировать различными способами: посредством мелкого хулиганства, высказываний, соответствующего рода и т.п. Но если субъект демонстрирует свое неуважение посредством совершения уголовно наказуемого деяния, тогда речь идет о преступлении.

¹ Данилов Е.П. Уголовный кодекс Российской Федерации. Комментарии. Судебная и адвокатская практика: Справочные материалы. М.: КНОРУС, 2004. С. 470.

Явное неуважение к обществу может проявиться, например, посредством совершения легализации денежных средств, совершения убийства и других преступных посягательств. Оно может проявляться и посредством совершения гражданско-правовых деликтов, административно наказуемых деяний. Суть такого неуважения заключается в том, что субъект пренебрегает установленными в обществе правилами поведения, поэтому любое нарушение установленных «масштабов свободы» естественным образом рассматривается как неуважение к обществу, которое, в свою очередь, может быть явным, т.е. публичным, или неявным, т.е. скрытым (так называемая «кухонная критика»). Коль скоро общество установило правила (не кради, не имей дома ближнего своего...), граждане социума обязаны соблюдать их. В случае неуважения к установленным правилам, выгодным обществу в целом и отдельным гражданам в частности, справедливой реакцией является ответственность. При определенной степени грубости нарушения общественного порядка, которое естественно выражает явное неуважение к обществу, такой ответственностью должна быть уголовная. Таким образом, мы считаем, что явное неуважение к обществу, к установленным им нормам, выраженное в активной форме, свидетельствует одновременно о грубости нарушения общественного порядка и должно определенным образом наказываться (речь, разумеется, идет главным образом об умышленных деяниях, за некоторыми исключениями, свойственными аффективным преступлениям). Таким образом, оказывается, что явное неуважение к обществу сопровождает практически все умышленные преступления, за исключением преступлений, совершение которых сопровождается либо аффективным состоянием, либо повышенной эмоциональной возбудимостью, как, например убийство матерью новорожденного ребенка. В данном контексте мы присоединяемся к определению явности неуважения к обществу, предложенному в учебнике под редакцией Б.Т. Разгильдиева и А.Н. Красикова: «Явно неуважительным признается такое отношение к обществу, которое свидетельствует о высокой степени пренебрежения общественными интересами, оно очевидно как для преступника, так

и для окружающих»¹, с одной лишь ремаркой. Явно неуважительным следует признавать любое пренебрежение общезначимыми интересами вне зависимости от степени такого пренебрежения.

Объективная сторона хулиганства предполагает совершение его с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, либо с экстремистскими мотивами. Под оружием понимаются предметы, специально приспособленные для нанесения телесных повреждений, как определено в постановлении пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о хулиганстве». Как на практике, так и в доктрине под оружием понимаются «устройства и предметы как отечественного так и иностранного производства, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели»², а под иными предметами, используемыми в качестве оружия, понимаются любые предметы, способные причинить вред здоровью человека, включая предметы бытового назначения. (Такое понимание оружия несколько отличается от соответствующего определения, предлагаемого в законе «Об оружии», где в ст. 1 под оружием понимаются «устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов»³. Так, в определении Судебной коллегии Верховного Суда РФ было указано, что «молоток» и является тем предметом, который был использован в качестве оружия»⁴. По другому делу крышка кастрюли-скороварки, которой виновный причинил потерпевшему телесное повреждение, признано предметом, используемым в качестве оружия⁵. Для уголовной ответственности за хулиганство не имеет значения, специально ли субъект приготовил такие предметы для совершения деяния или обнаружил их на месте совершения преступления, на что специально обращает внимание Верховный Суд России⁶. Собственно говоря, факт определения

¹ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Б.Т. Разгильдиева, А.Н. Красикова. Саратов, 1999. С. 366.

² Уголовное право России. Часть Особенная / Под ред. Л.Л. Кругликова. М.: ВолтерсКлувер, 2005. С. 440.

³ Федеральный закон «Об оружии» от 13 ноября 1996 г. (в ред. От 29.12.2006 г. №258-ФЗ)

⁴ Судебная практика по уголовным делам Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека / Сост. Е.Н. Трикоз М., 2006 С. 839.

⁵ Данилов Е.П. Уголовный кодекс Российской Федерации. Комментарии, судебная практика, справочные материалы. М.: КНОРУС, 2004. С. 470.

⁶ Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.М. Лебедева, С.В. Бородина. М.: Спарк, 2005. С. 747.

предмета как оружия или используемого в этом качестве предмета затруднений на практике не вызывает. Определенные сложности вызывает вопрос применения оружия, который порождает первое недоумение: коль скоро закон связывает грубое нарушение общественного порядка и проявление явного неуважения к обществу с применением оружия или предметов, используемых в таком качестве, то возможно ли уважение к обществу без оружия? Утвердительный ответ на поставленный вопрос получен в результате включения в качестве конститутивного признака хулиганства наличие экстремистских мотивов. Благодаря новелле оказалось, что хулиганство может ограничиться только грубым нарушением общественного порядка, выражающим явное неуважение к обществу без каких-либо предметов, но с экстремистскими мотивами.

Кодекс РФ об административных правонарушениях определяет хулиганство (мелкое хулиганство) в ст.20.1 «Мелкое хулиганство» таким образом: «Мелкое хулиганство, т.е. нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающее нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества». Таким образом, во-первых, оказывается, что нецензурная брань без оружия или без экстремистских мотивов представляет собой хотя и явное неуважение к обществу, но все же негрубое нарушение общественного порядка. Грубость появляется только тогда, когда виновный применяет оружие или иные предметы, используемые в таком качестве, или действует по экстремистским мотивам, хотя явное неуважение к обществу все равно остается в любой ситуации. Верховный Суд РФ в цитируемом постановлении «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» от 15 ноября 2007 г. в п. 1 подтвердил данный тезис: «В соответствии с законом уголовно наказуемым хулиганством может быть признано только такое грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, которое совершено с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти

или вражды в отношении какой-либо социальной группы». Но в таком случае получается интересная картина. Так, террористический акт, например (ст. 205 УК РФ), предполагает повышенную ответственность в случае применения огнестрельного оружия (ч. 2 ст. 205 УК РФ). В первой части данной статьи оружие не является признаком состава. Следовательно, если исходить из предложенного решения, которое выводится из сопоставления разновидностей хулиганства по УК и КоАП и из цитируемого постановления пленума, преступление первой части ст. 205 УК нарушает общественный порядок, но не грубо, преступление, предусмотренное второй частью и только в отношении применения огнестрельного оружия, порядок нарушает грубо, хотя ст. 205 УК РФ имеет еще и часть третью, устанавливающую повышенную ответственность за более тяжкое, по мнению законодателя, преступление. Учитывая, что любое преступление в той или иной степени грубо нарушает общественный порядок, полагаем, что такое решение вопроса является по меньшей мере наивным.

Во-вторых, признак «явности» неуважения к обществу присущ как мелкому, так и уголовно наказуемому хулиганству. Причем в КоАП явное неуважение к обществу связывается с конкретными деяниями – оскорбительным приставанием, уничтожением или повреждением имущества. Возникает вопрос: если имущество повреждено кулаком – явное неуважение к обществу очевидно, хотя нарушение общественного порядка будет считаться не грубым (если, разумеется, нет экстремистских мотивов). Если имущество повреждено с использованием, например, молотка, тогда явное неуважение к обществу тоже будет констатировано, но нарушение общественного порядка превращается в грубое. А разве не все равно собственнику, каким образом повредят его имущество – посредством кулака или молотка или по каким мотивам)? А если имущество вообще не будет повреждено, но злоумышленник будет угрожать при этом оружием?

Акцентируя внимание на поставленном вопросе, мы рассматриваем его между тем как риторический, ответ на который мы дали в предыдущих параграфах: без сомнения, грубое нарушение общественного порядка и явное неуважение к обществу могут быть явлены и без оружия в руках, а также без экстремистских мотивов.

Законодательная конструкция хулиганства и в этой части представляется нам некорректной, а в определенной мере даже забавной.

Сравнивая УК и КоАП в части регламентации ответственности за хулиганство, мы должны отметить, что рекомендации КоАП гораздо более прагматичные и целесообразные, чем решения УК. В КоАП, по крайней мере, совершенно четко обозначены конкретные действия, которые наказуемы в административном порядке как хулиганские – нецензурная брань в общественных местах, оскорбительное приставание к гражданам, уничтожение или повреждение чужого имущества. В ст. 213 УК РФ масштаб деяний, которые могут быть квалифицированы как хулиганские, аморфен, четко не определен, в результате чего сюда могут быть отнесены любые действия, подпадающие под иные нормы УК, на что справедливо обращают внимание Л. Андреева и Г. Овчинникова¹. Такая абстракция нарушает принципиальные основы законодательной техники, согласно которым регламентации подлежит конкретно определенное поведение.

Другое недоумение вызывает вопрос о применении оружия, под которым чаще всего понимается не только использование его поражающих свойств, но и угроза такого использования, т.е. использование его как средства психического насилия². В постановлении пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» от 15 ноября 2007 г. в п. 2 под применением оружия или иных предметов предлагается понимать «умышленные действия, направленные на использование лицом указанных предметов как для физического, так и для психического воздействия на потерпевшего, а также иные действия, свидетельствующие о намерении применить насилие посредством этого оружия или предметов, используемых в качестве оружия». Новая редакция ст. 213 УК РФ и рекомендации пленума Верховного Суда РФ связывает применения оружия или иных

¹ Андреева Л., Овчинникова Л. Ответственность за хулиганство // Законность. 2004. № 5. СПС «Консультант Плюс». Раздел «Комментарии законодательства».

² См., например: Мальцев В. Ответственность за хулиганство // Законность. 2000. № 7. С. 10; Овчаренко Е.И. Правовая характеристика хулиганства // Журнал Российского права. № 3. 2004. СПС «Консультант Плюс». Раздел «Комментарии законодательства».

предметов лишь с фактом грубого нарушения общественного порядка и проявлением явного неуважения к обществу. То есть нарушение считается грубым, а неуважение явным, если при этом применяется оружие или иной предмет, используемый в данном качестве. Закон, не уточняя детали, т.е. не называя, при каких конкретно действиях оружие или иные предметы применяются и какое целевое предназначение имеет их применение, предлагает, в сущности, широчайший масштаб таких действий, каждое из которых может характеризовать нарушение как грубое, а неуважение как явное. К таким действиям может быть отнесена, например, угроза повреждение или уничтожения имущества, причинение вреда здоровью и т.п. Вместе с тем УК РФ имеет достаточное количество норм, устанавливающих ответственность за совершения деяния, связанное с обращением с оружием. Но если сопоставить формулировку ст. 213 УК РФ в части применения оружия и иных предметов, используемых в качестве оружия, с формулировками других норм УК, где также речь идет о применении оружия, то такое сопоставление внесет лишь путаницу в вопросы квалификации хулиганства, поскольку в иных случаях применение оружия связано с насилием над людьми (ст. 126, 127, 162, 206 и т.д.) либо с применением только огнестрельного оружия или просто оружия (ст. 205, 212, 333-335, 356). Кроме того, в Законе РФ «Об оружии» ст. 24 связывает его применение с причинением вреда здоровью или лишением жизни, а ст. 15 Закона РФ «О милиции» оперирует двумя терминами – «использование» и «применение» оружия. Применение оружия возможно для причинения вреда здоровью или жизни правонарушителя, а использование – для остановки автомобиля, предупредительного выстрела и т.п. Таким образом, в федеральных законах, нормы которых посвящены обращению с оружием, термины «применение» и «использование» оружия употребляются в различных значениях, а о предметах, которые могут выступать в качестве оружия, вообще ничего не говорится.

В диспозиции ч.1 ст.213 УК РФ законодатель скорее всего имел ввиду использование оружия по его прямому назначению или для психической атаки, создания угрозы жизни, здоровью или имуществу потерпевшего. Данный вывод (о терминах «применение» и «использование») носит оценочный характер, но

аморфность и не корректность законодательной формулировки ст. 213 УК РФ не позволяет толковать термин «применение» более конкретно и, кроме того, не дает возможности разграничить применение и использование оружия. Пленум в данной связи, предлагая собственное понимание законодательно установленному термину «применение», не удосужился сообразовать свои резоны с уже существующими нормативными толкованиями данного термина.

Следует также принять во внимание, что широкий диапазон действий, связанных с применением оружия или иных предметов, влечет уголовную ответственность на основании собственной нормативной базы. Если речь идет об уничтожении имущества с применением оружия или иных предметов, используемых в таком качестве, тогда такой обще опасный способ уничтожения регламентирован в ст. 167 УК РФ; если имеет место нападение с целью хищения чужого имущества с применением оружия – ч.2 ст. 162 УК РФ и т.д. Наконец, использование (а не применение) оружия названо в качестве обстоятельства, отягчающего наказание (п. «к» ст. 63 УК РФ). В данном контексте возникает очень важный с позиции теории и практики вопрос о разграничении понятий «применение» и «использование» оружия. Однако даже сейчас, пока такого разграничения нет, при назначении наказания необходимо учитывать данное обстоятельство как отягчающее наказание, если оно не предусмотрено в диспозиции соответствующей нормы.

Следующее недоумение связано с сомнением, что любые действия, совершенные с использованием иных предметов, составляют особый вид преступления, называемого хулиганством. Так, когда виновный из хулиганских побуждений ударил потерпевшего крышкой от кастрюли по голове, причинив ему легкий вред здоровью, казалось бы, такое деяние подпадает под признаки ч.2 ст. 115 УК РФ, однако Верховный Суд квалифицировал деяние по ч.1 ст. 213 УК РФ. Строго говоря, причинение вреда здоровью должны квалифицироваться как преступление против здоровья. Логика квалификации требует такого решения. Суд, однако, принимает противоречивое решение с учетом наличия в УК ст. 213, несмотря на то что действия виновного выразились в причинении здоровью вреда, т.е. это конкретные действия, которые урегулированы специально созданной для таких

ситуаций нормой – ст. 115 УК РФ. То же самое касается других преступлений, при совершении которых причиняется конкретный вред – различного рода телесные повреждения или уничтожение или повреждение предметов собственности. Для квалификации таких деяний в УК существуют собственные нормы, и следует квалифицировать деяние по той части соответствующей статьи, которая предусматривает наличие хулиганского мотива. Если хулиганский мотив отсутствует, тогда он должен рассматриваться как обстоятельство, отягчающее наказание.

У хулиганства нет специфических действий, которые могли бы характеризовать именно данное преступление. Все действия, которые совершает хулиган, имеют собственную нормативную основу, регламентирующую ответственность за их совершение. В данной связи представляет интерес уголовное дело по обвинению С., А., Ч. И других, которые, как сказано в постановлении Президиума Верховного Суда РФ, «действуя в составе организованной группы, взяв с собой металлические предметы для использования в качестве оружия, желая запугать М., Б и других, приехали к дому 12 по ул. Достоевского. Около дома, грубо нарушая общественный порядок, выражая явное неуважение к обществу, совместно и согласованно стали наносить М. и Б удары руками, ногами и металлическими предметами», в результате причинив различной степени тяжести вред здоровью. Президиум констатировал: «По факту хулиганства виновность установлена показаниями потерпевших, из которых следует, что приехавшая на автомобилях группа стала избивать их битами и металлическими прутьями.

Судом правильно установлено, что при этом был грубо нарушен общественный порядок». Действия виновных были квалифицированы по п. «а» ч.3 ст. 111 и ч.2 ст. 213 УК РФ¹. Но ведь в данном случае осужденные совершили совершенно конкретные действия, направленные на причинение вреда здоровью. При чем здесь хулиганство? – первый вопрос. И второй: не было бы насилия с использованием предметов в

¹ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 25 октября 2006 г. № 54-п06. СПС «Консультант Плюс».

качестве оружия, была бы тогда констатация нарушения общественного порядка как грубого (при отсутствии экстремистского мотива)?

Внесенные в ст. 213 УК РФ изменения в виде включения экстремистского мотива как конститутивного признака хулиганства еще более усугубили проблему определения специфики объективной стороны хулиганства, как, впрочем, и других элементов состава рассматриваемого преступления. В результате произошедших изменений на долю уголовно наказуемого хулиганства оставалась только полимотивированность, которую мы рассмотрим в параграфе, посвященном субъективной стороне деяния. В объективной стороне оказалось только грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное с применением соответствующих предметов. Но ведь такое отношение к нормам общежития и гражданам не может выражаться абстрактно. Должны быть какие-то действия, свидетельствующие о такой грубости и явности. И здесь мы вновь сталкиваемся с преступлениями, ответственность за совершение которых предусмотрена другими нормами УК, - против жизни, здоровья и т.д., тем более что соответствующие экстремистские мотивы стали составной частью убийства (ст. 105 УК РФ), умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК), умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК), умышленного причинения легкого вреда здоровью (ст. 115 УК), побоев (ст. 116 УК), истязании (ст. 117 УК), угрозы убийством или причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК). Включение в состав хулиганства экстремистского мотива с очевидностью демонстрирует, что собственной, специфической объективной стороны у хулиганства нет.

По поводу момента окончания хулиганства в юридической литературе представлены различные мнения. Так, В. Мальцев считает, что «состав хулиганства сконструирован в законе скорее по типу материальных, нежели формальных составов»¹, не приводя, однако, аргументов в пользу сделанного вывода. Подавляющее большинство исследователей тем не менее считают состав хулиганства

¹ Мальцев В. Ответственность за хулиганство // Законность. 2000. № 7. С. 9.

формальным, справедливо настаивая на том, что деяние окончено «с момента совершения действий, изложенных в диспозиции ст. 213 УК РФ»¹. Такое решение представляется совершенно справедливым хотя бы потому, что в диспозиции ст. 213 УК о последствиях равным счетом ничего не сказано, за тем лишь исключением, о котором упоминают сторонники материального состава хулиганства: хулиганство нарушает общественный порядок. Но, как мы показали ранее, любое преступление и даже любое правонарушение в той или иной степени нарушает общественный порядок, что свидетельствует только о невозможности существования бесследственных преступлений. Любое преступление нарушает общественные отношения, и преступление как событие реальной действительности и состав преступления как некую формальную конструкцию, необходимую для квалификации деяния в качестве преступного.

Тот факт, что объективная сторона хулиганства не имеют собственной специфики, сказывается на процессе квалификации хулиганства, который, по справедливому замечанию Л. Андреевой и Г. Овчинниковой, вызывает значительные трудности². Речь идет прежде всего об ограничении хулиганства от иных преступлений, имеющие с хулиганством аналогичные объективные характеристики. Изученные нами материалы судебной и следственной практики показали, что практическое решение данной проблемы чаще всего всегда вызывало затруднение. Указанное обстоятельство нашло подтверждение и в результате опроса респондентов из числа опрошенных 54,8% заявили о постоянных трудностях, связанных с разграничением хулиганства и смежных составов преступлений.

Прежде всего об ограничении по признакам объективной стороны хулиганства от преступлений против жизни и здоровья, ответственность за причинение вреда которым установлена в конкретных нормах главы 16 УК и в ст. 213 Уголовного

¹ См., например: Уголовное право. Особенная часть / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселова. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997. С. 390; Курс уголовного права. Т. 4. Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: Зерцало-М, 2002. С. 301; Российское уголовное право. Т. 2. Особенная часть / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М.: ИНФРА-М, 2003. С. 421; Овчаренко Е.И. Правовая характеристика хулиганства // Журнал Российского права. 2004. № 3. СПС «Консультант Плюс». Раздел «Комментарии законодательства».

² Андреев Л., Овчинникова Г. Цит.соч.

кодека. А. Андреева и Г. Овчинникова предлагают самый простой способ такого ограничения – в зависимости от санкций. Если хулиганство выразилось в причинении легкого вреда здоровью или в побоях, тогда деяние следует квалифицировать только по ч.1 ст. 213 УК, но если в результате хулиганства было совершено убийство или причинение тяжкого вреда здоровью – тогда по п. «и» ч.2 ст. 105 или по п. «д» ч.2 ст. 111 УК РФ. Что касается причинения вреда здоровью средней тяжести с применением оружия или иных предметов, то исследователи считают, что должна применяться ч.2 ст. 112 УК РФ, поскольку при одинаковом максимуме лишения свободы в ч.1 ст. 213 предусмотрены иные, более мягкие меры наказания, а следовательно, данное преступление является более тяжким, чем хулиганство¹. Предлагаемое решение основано на теоретических посылах теории квалификации преступлений, согласно которым «сложные составные деяния не могут выходить за пределы родового объекта посягательства и быть по категории и связанной с ней наказуемостью опаснее, нежели единое сложное преступление»². Мы согласны с такого рода правилами квалификации. Естественным, что убийство опаснее хулиганства, и если оно совершено по хулиганским мотивам, тогда такой мотив должен быть учтен в квалификации более тяжкого преступления, тем более если он составляет конститутивный элемент конкретного состава.

Законодатель действительно сконструировал санкцию ч.2 ст. 112 УК таким образом, что данное деяние оказалось более опасным, чем хулиганство. Согласно императиву квалификации в случае конкуренции данных норм деяние следует квалифицировать по ч.2 ст. 112 УК РФ по признаку хулиганского мотива. Но что, прежде всего, означает такая квалификация? Она означает, что деяние оценивается по тем характерным действиям, которые присущи преступлению против здоровья и которые вовсе не составляют специфику хулиганства. Строго говоря, рекомендации цитируемых исследователей подтверждают наш вывод о том, что хулиганство лишено собственной специфики объективной стороны. Но как быть в случае, если в процессе хулиганских действий потерпевшему были нанесены побои с применением

¹ Там же.

² Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 3 / Под ред. А.И. Коробеева. Владивосток, 2000. С. 27.

иных предметов, используемых в качестве оружия? Сопоставление санкций свидетельствует, что преступление, предусмотренное ч.2 ст. 116 УК РФ, менее опасно, чем деяние, ответственность за совершение которого установлено в ч.1 ст. 213 Уголовного кодекса. Исходя из принципов квалификации по ч.1 ст. 213, несмотря на то что телу человека или по меньшей мере его анатомической конституции причинен вред посредством действий, конкретизированных в ст. 116 УК, где в качестве квалифицируемого признака предусмотрены хулиганские мотивы. Представляется, что такое решение вопроса противоречит общему правилу квалификации при конкуренции части и целого, согласно которому «должна» применяться та норма, которая охватывает с наибольшей полнотой все фактические признаки совершенного деяния»¹.

Побои направлены на причинение вреда здоровью человека, и если были совершены побои, тогда деяние должно квалифицироваться именно таким образом, а вовсе не как хулиганство. Тем более что хулиганство относится к формальным составам и считается оконченным с момента неких действий, сопровождающихся применением оружия или иных предметов или по экстремистским мотивам. Нанесение побоев или различного рода телесных повреждений при законодательном бытии ст. 213 УК РФ это деяние является более опасным, чем побои, следовательно, оно должно квалифицироваться только как хулиганство. Получается, что наличие состава хулиганства в рамках УК Ю состава, в котором законодатель не указал, какие конкретно действия присущи данному преступлению, нарушают конкретно правила квалификации или, точнее говоря, вносят элемент дисгармонии в процесс квалификации.

Практически безразмерные рамки состава хулиганства фактически поглощают другие составы преступлений. В.Г. Свешников совершенно справедливо отмечал в данной связи: «Фактическое поглощение составом хулиганства ряда составов преступлений против личности таит в себе опасность умаления целей уголовно-правовой охраны здоровья личности. Объектом хулиганства является общественный

¹ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юридическая литература, 1972. С. 259.

порядок в смысле нормальных условий труда, быта и отдыха граждан. По сравнению с данными условиями здоровье личности является более ценным благом. Между тем при квалификации посягательства на здоровье личности из хулиганских побуждений как преступления против общественного порядка здоровье личности расценивается тем самым как составной элемент менее ценного социального блага – нормальных, спокойных условий труда, быта и отдыха граждан»¹.

Другой, довольно оригинальный критерий для разграничения хулиганства от преступлений против личности предложил Л. Халдеев. Исследователь полагает, что «при хулиганстве объективная сторона характеризуется расплывчатыми хаотичными действиями, слагаемыми из отдельных, изолированных друг от друга эпизодов, не связанных между собой... Кроме того, эти действия нередко сопровождаются умышленным и зачастую бессмысленным уничтожением или повреждением чужого имущества»². Думается, что такого рода отличительный «алгоритм» не выдерживает критики как построенный исключительно на умозрении.

Весьма значительные трудности возникают при ограничении хулиганства от вандализма, который, по справедливому замечанию В.М. Шинкарук, является социальной формой ненасильственного хулиганства³. С объективной стороны хулиганство характеризуется, как мы указывали, двумя обстоятельствами: грубым нарушением общественного порядка с явным неуважением к обществу и применением оружия или подобных предметов или по экстремистским мотивам. Для вандализма применение оружия не является обязательным, но зато для вандализма характерно осквернение зданий и сооружений, порча имущества, в частности и по экстремистским мотивам. Возникает вопрос: как квалифицировать действия субъекта, если он в автобусе режет перочинным ножом сиденья, нецензурно при этом бранясь в присутствии пассажиров? Общественный порядок в такой ситуации бесспорно нарушен грубо, явное неуважение к обществу проявлено, но деяние

¹ Свешников В.Г. Об уголовной ответственности за хулиганство // Советское государство и право. 1993. № 6. С. 125.

² Халдеев Л. Ответственность за хулиганство // Российская юстиция. 1997. № 5. СПС «Консультант Плюс». Раздел «Комментарии законодательства».

³ Шинкарук В.М. Ответственность за хулиганство в российском уголовном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. С. 156.

совершено с применением предмета, используемого в качестве оружия, что является признаком хулиганства. В то же время деяние совершено относительно конкретных предметов, которые в качестве обязательного признака предусмотрены в составе вандализма. Если учитывать степень общественной опасности деяний, исходя из санкций сравниваемых норм, тогда хулиганство следует признавать преступлением более общественно опасным, чем вандализм, и квалифицировать совершенное преступление придется как хулиганство. Но что же тогда остается для вандализма? Получается, что хулиганство в большинстве случаев полностью поглощает вандализм, который может быть квалифицирован как таковой только в случае его совершения без подручных средств, которые могут быть признаны как эрзац-оружие (за исключением экстремистского мотива). Но и в таком случае возникает необходимость ограничивать вандализм от мелкого хулиганства (ст. 20.1 КоАП) по признаку порчи имущества, что практически аналогично его повреждению. В результате получается, что даже мелкое хулиганство в части повреждения чужого имущества поглощает уголовно наказуемый вандализм или по крайней мере данные два правонарушения настолько одинаковы, что разграничить их практически невозможно. Именно на данное обстоятельство обратили внимание 87% опрошенных нами следственных прокурорских работников. Более того, из 48 изученных нами в процессе проводимого исследования уголовных дел, возбужденных следователями и дознавателями Московского УВДТ по ст. 214 УК РФ за период с 2004 по 2006 г., в 53,7% случаев прокурорами утверждались решения об их возбуждении по ст. 214 УК, хотя по материалам предварительной проверки складывалась совершенно иная ситуация – в большинстве случаев деяние следовало квалифицировать как хулиганство.

Совершенно аналогичные доводы касаются и вопросов разграничения хулиганства и умышленного уничтожения и повреждения чужого имущества, а также других преступлений, совершенных из хулиганских побуждений, по признакам объективной стороны. Речь можно вести только по поводу сравнительной строгости санкций.

Что касается вопросов совокупности хулиганства с другими тождественными, если так можно выразиться, преступлениями, то в данном вопросе мы полностью солидарны с высказанным в теории мнением, согласно которому при нынешнем законодательном бытии состава хулиганства такой вопрос может встать только в случае реальной совокупности преступлений¹.

Таким образом, единственной возможностью разграничения составов хулиганства и иных преступлений, совершаемых по хулиганским мотивам, по признакам объективной стороны выступает только санкция соответствующих норм, поскольку все объективные признаки иных составов аккумулярованы в хулиганстве, которое, повторим вновь, полностью лишено собственной специфики относительно объективной стороны.

Вывод, который следует из анализа объективной стороны хулиганства, заключается в том, что норма ст. 213 УК РФ отличается аморфностью признаков, не позволяющих справедливо оценить конкретное деяние. Признаки объективной стороны хулиганства, такие как явное неуважение к обществу, грубое нарушение общественного порядка, присущи всем правонарушениям, а то обстоятельство, что хулиганство не наделено законодателем спецификой конкретных действий, лишает данный состав определенности. Дополнительный «хаос» в оценку рассматриваемого преступления вносит и термин «применение» оружия или иных предметов, который, во-первых, необходимо отличать от аналогичных признаков других составов преступлений, а во-вторых, от термина «использование» оружия или других предметов, что является принципиально важным в плане грамматического толкования уголовного закона.

2.2 Характеристика субъективных признаков состава преступления, предусмотренная ст. 213 УК РФ

Субъект хулиганства. Субъект преступления является одним из необходимых элементов состава преступления. «Субъект преступления, - отмечал Я.М. Брагинин, -

¹Адреева Л., Овчинникова Г. Цит. соч.

не может быть исключен из числа элементов состава преступления, так как ни деяние как основа объективной стороны, ни вина как основа субъективной стороны не мыслимы без субъекта – конкретного физического лица, совершившего преступление. Деяние и вина слиты с личностью субъекта преступления и только через него получают свое существование во внешнем мире; следовательно, личность субъекта неотделима от состава преступления в целом»¹.

Согласно ст. 19 УК РФ субъектом преступления признается вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом. Закон, таким образом, выделяет три основных признака субъекта преступления – вменяемость, статус лица как физического, возрастной критерий.

Субъектами преступления вообще и хулиганства в частности могут быть лишь физические лица, которыми в соответствии со ст. 11 УК РФ являются граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства. Юридические лица субъектами преступления и, в частности, хулиганства быть не могут, хотя данный вопрос относится к числу полемических².

Вменяемость – следующий признак субъекта преступления.

К уголовной ответственности может быть привлечено только лицо, которое в состоянии сознательно воспринимать воздействия внешнего мира, критически оценивать собственное поведение и руководить своими действиями (бездействием). Невменяемый не считается субъектом и уголовной ответственности не подлежит.

Российское уголовное законодательство помимо нормы о невменяемости, исключающей уголовную ответственность, содержит также норму о так называемой «ограниченной вменяемости» или, по формуле закона, об ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости (ст. 22 УК РФ). Такие лица подлежат уголовной ответственности, и хотя закон не содержит такого рода рекомендаций, по справедливому замечанию исследователей феномена, наказание

¹ Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М.: Юридическая литература, 1963. С. 219.

² См., например: Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998; Милюков С.В. Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа. СПб.: Знание, 2000. С. 52-53; Антонова Е.Ю. Юридическое лицо как субъект преступления: опыт зарубежных стран и перспективы применения в России: Дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток. 1998; Жевлаков Э.Н. Экологические преступления (понятие, виды, квалификация). М., 2002.

для них должно быть смягчено¹. Исследователи справедливо, на наш взгляд, утверждают, что лица с психическими расстройствами, не исключаяющими вменяемости, подавлены в поведенческом плане аномалийными процессами, господство которых приводит к неизбежному поведенческому акту. Вместе с тем, такие лица в состоянии избрать иной вариант поведения, хотя такого рода выбор для них затруднен. Получается, что аномалийный субъект действует, фатально побуждающему импульсу, хотя при известном напряжении воли он мог бы избрать иной вариант поведения. Учитывая, что аномалийный субъект вовсе не лишен возможности выбора варианта поведения, он должен подлежать уголовной ответственности в случае выбора криминального варианта. Вместе с тем затруднения, которые аномалийный субъект испытывает в процессе выбора поведенческого варианта, должны, исходя из принципа справедливости, учитываться при назначении наказания вплоть до возможности освобождения от него.

Факт наличия у лица психических аномалий не влияет на уголовную ответственность за хулиганство, оказывая влияние исключительно на назначение наказания. Вместе с тем психические аномалии в литературе рассматривается не только в ракурсе дисбаланса процессов возбуждения и торможения как неких психофизиологических аномалий, но и в контексте ответственности за преступления, совершенные в состоянии опьянения, в связи с чем данный вопрос приобретает известную актуальность.

Практика свидетельствует, что в подавляющем большинстве случаев хулиганство совершается лицами, находящимися в состоянии опьянения. Наши исследования показали, что из всего числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности за хулиганство в период с 2003 по 2005 г., в различной степени опьянения совершили это деяние 87,6%. В медицинской и юридической литературе различают патологические и физиологическое опьянение. Патологическое опьянение – разновидность расстройства душевной деятельности, что означает признание лица невменяемым. Физиологическое опьянение, напротив, не дает оснований для

¹ См., например: Иванов Н.Г. Аномальный субъект преступления. М.: ЮНИТИ, 1998. С. 163; Ситковская О.Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: ЗЕРЦАЛО, 1999. С. 31.

признания лица невменяемым в силу отсутствия соответствующего медицинского критерия. Лицо, находящееся в таком состоянии в момент совершения преступления, признается субъектом преступления и подлежит уголовной ответственности. Даже тяжелое физиологическое опьянение не позволяет говорить о психическом состоянии, подпадающем под признаки невменяемости.

Рассматривая вопрос о субъективных основаниях ответственности за преступления, совершенные в состоянии алкогольного опьянения, А.Б. Сахаров отмечал, что законодатель, не исключая уголовной ответственности человека в таких случаях, отнюдь не исходит только из сохранившейся у лица возможности всегда сознавать значение совершенного и руководить своим поведением. Законодатель исходит из того положения, что доведения человеком себя до опьянения заведомо чревато опасностью совершения ненадлежащих поступков. «Субъективная связь в этих случаях как бы удлиняется и расширяется, - пишет А.Б. Сахаров, - соединяя общественно вредные последствия причиненные в состоянии опьянения, не только с действиями, непосредственно их вызвавшими (удар, выстрел и т.п.), но и с фактом злоупотребления алкоголем»¹. В целом позиции авторов, разделяющих «судейский негативизм» в отношении лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения, разделяется и современными авторами², хотя законодатель изъял из ст. 63 УК РФ («Обстоятельства, отягчающие наказание») ссылку на данное обстоятельство как отягчающее наказание, а в ч. 2 п. 10 постановления пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» от 11 января 2007 г. прямо указано: «Совершение лицом преступления в состоянии опьянения... законом не отнесено к обстоятельствам, отягчающим наказание».

В юридической литературе по данному поводу была представлена и другая позиция, согласно которой при совершении преступления в состоянии глубокого физиологического опьянения у лица отсутствует вина³. Данная позиция была

¹ Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961. С. 222.

² См., например: Шагабудинов А. Ошибки одного расследования // Законность. 2000. № 8 С. 26-28.

³ Смирнов В.Г. Основания уголовной ответственности и наказания за преступления, совершенные в состоянии опьянения // Вестник ЛГУ. 1964. № 11. С. 27-28.

подвергнута критике, однако современные авторы, исходя из концепции «уменьшенная вменяемость – уменьшенная вина – уменьшенное наказание», предложили весьма оригинальное решение вопроса ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения. Н.Г. Иванов, отмечая, что состояние опьянения представляет собой разновидность аномальных процессов¹, пишет, что состояние опьянения должно учитываться как смягчающее наказание обстоятельство, за некоторыми исключениями, не позволяющими суду принять такое решение². Мы полагаем, что автор прав в том смысле, что состояние опьянения способствует дисбалансу процессов возбуждения и торможения, что, по формуле цитируемого автора, свидетельствует об аномальном состоянии психики и в таком качестве может быть учтено судом в качестве смягчающего наказания обстоятельства. Мы считаем вместе с тем, что суд может, а вовсе не должен учитывать такое состояние как смягчающее наказание в отношении преступлений против личности, что отчасти соответствует составу хулиганства.

Следующим признаком субъекта преступления является возраст, по поводу которого в контексте ответственности за хулиганство высказываются критические соображения. Согласно императивным ст. 20 УК РФ возраст уголовной ответственности за совершение хулиганства (ч. 2 ст. 213 УК РФ) возрастной порог понижен до 14 лет. В литературе отмечается по данному поводу: «Разработчики законопроектов последнего времен, как уже отмечалось, весьма далеки от системного восприятия “реформируемого” ими Уголовного кодекса. Именно этим, например, объясняется несурезица с пониманием субъекта преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ в новой редакции»³.

В.Ткаченко задает вполне обоснованный вопрос: «Какой логикой руководствовался законодатель, предусмотрев ответственность несовершеннолетних до 16 лет только за квалифицированное хулиганство?»⁴, хотя за ряд преступлений,

¹ Иванов Н.Г. Аномальный субъект преступления. М.: ЮНИТИ, 1998. С. 191.

² Там же. С. 204-205.

³ Алексеев А.И., ОВчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: НОРМА, 2006. С. 54.

⁴ Ткаченко В. Ответственность за хулиганство // Законность. 2006. № 7. СПС Консультант Плюс». Раздел «Комментарии законодательства». Лист 2.

совершаемых по хулиганским мотивам, ответственность установлена с 14 лет – ст. 111, 112, 167. Возникает весьма оригинальная ситуация: если субъект по хулиганским мотивам, т.е. грубо пренебрегая социальными нормами и выражая явное неуважение к обществу, умышленно повредил чужое имущество с причинением значительного ущерба, он будет нести ответственность по ст. 167 ч. 2 УК РФ с 14 лет. Если он сделал то же самое, но с применением предметов, используемых в качестве оружия, что, между прочим, более опасно, он будет нести ответственность по ч. 1 ст. 213 УК РФ только с 16 лет. Между тем преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 213 УК РФ, законодатель оценил как менее опасное деяние, чем преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 167 Кодекса, учитывая наличие альтернативных санкций за «простое» хулиганство, что также нам представляется лишенным всякой логики. Но даже если встать на позиции законодателя, который считает уничтожение или повреждение имущества менее опасным, чем простое хулиганство, преступлением, то почему ответственность за такое деяние по хулиганским мотивам определена с 14 лет, несмотря на то что действия подобного рода составляют и объективную сторону хулиганства? Более того, уголовная ответственность за вандализм, который, как мы показали, практически не отличим от хулиганства, установлена с 14 лет, хотя это преступление законодатель посчитал на несколько порядков менее опасным, чем хулиганство, не предусмотрев за его совершение лишения свободы.

Н.А.Колоколов, иллюстрируя законодательное недоразумение, связанное с возрастными критериями уголовной ответственности за хулиганство, отмечает парадоксальную ситуацию, связанную с тем, что хулиган в возрасте до 16 лет, совершая деяние в одиночку, к уголовной ответственности не привлекается¹. Возмущение судьи Верховного Суда РФ Н.А. Колоколова понятны – абсолютная законодательная нелогичность, в результате которой страдает процесс правоприменения.

Установив пониженный возрастной ценз ответственности за квалифицированное хулиганство, законодатель создал практически необъяснимый

¹ Колоколов Н.А. Борьба с хулиганством: кризис правового регулирования // Российский следователь. 2004. № 11. СПС «Консультант Плюс». Раздел «Комментарии законодательства». Лист 7.

прецедент, согласно которому менее тяжкое деяние наказывается более строго, чем более тяжкое. Например, в том случае, если несколько подростков грубо бранятся в общественном месте, угрожая предметами, используемыми в качестве оружия, но реального вреда здоровью не причиняют, ответственность наступает с 14-летнего возраста по ч. 3 ст. 213 УК РФ. В ситуации, когда грубо нарушает общественный порядок один подросток с применением предмета, используемого в качестве оружия, и при этом причиняет легкий вред здоровью, то в таком случае он будет нести ответственность только с 16 лет и то неизвестно по какой статье – то ли по ч. 1 ст. 213, то ли по ч. 2 ст. 115 УК РФ. Более того, в такой законодательной ситуации может возникнуть еще одна неразрешимая проблема: с какого возраста наступает уголовная ответственность, если легкий вред здоровью субъекта причиняют из хулиганских побуждений, но с использованием оружия, несколько 14-летних подростков, заранее договорившихся о совершении такого деяния? Поскольку уголовная ответственность по ст. 115 УК РФ наступает с 16 лет, логически обоснованный ответ на поставленный вопрос дать невозможно, ибо причинение легкого вреда здоровью человека может быть как признаком хулиганства, так и признаком преступления против здоровья человека. Интересно отметить, что по ныне действующему законодательству многих республик бывшего СССР уголовная ответственность за хулиганство предусмотрена с 14 лет – УК Украины, Латвии, Эстонии, Армении, Беларуси.

Установление пониженного возрастного ценза за совершение хулиганства, а в целом за совершение иных преступлений по хулиганским мотивам обусловлено возрастающим ростом преступлений такого рода именно в возрасте от 14 до 16 лет. Изученные нами уголовные дела позволяют утверждать, что 76,4% виновных в совершении хулиганства совершили деяние именно в этом возрасте. Можно констатировать, что наибольшей криминогенностью в ракурсе хулиганства обладает именно данная возрастная категория.

Исследования в области психологии и педагогики делают акцент на так называемый «подростковый период» развития, который характеризуется как период окончательного формирования характера. Этот период характеризуется противоречивостью суждений, несдержанностью в поступках, развитым чувством

самоуверенности и явно недостаточной критической оценкой своего поведения. Психологи отмечают, что в период 13-17 лет у мальчиков возбуждение преобладает над торможением, наблюдается психическая неуравновешенность, экзальтированность. В этот период подростки отличаются непоседливостью, быстротой реакции, совершая порой неадекватные поступки¹, сопровождаемые дерзостью, грубостью, на что обращалось внимание и криминологами². Вместе с тем уровень развития подростка позволяет ему осознавать как содержание соответствующего уголовно правового запрета, так и общественную опасность совершаемых действий. При этом следует учитывать, что для совершения хулиганских действий нет нужды в специальных знаниях или криминальном опыте. В сравнении со многими другими преступлениями такие действия не требуют специальной подготовки. Таким образом, нам представляется, что уголовная ответственность за хулиганские действия или деяния, совершаемые по хулиганским мотивам, должна наступать с 14-летнего возраста. Из 100% опрошенных нами респондентов за такое решение высказалось 67%.

Подростковый период, формирующий характерологические особенности психофизиологии человека, характеризуется, однако, своими особенностями, свойственными разным категориям подростков. Одни из них развиваются быстро, для других период развития характеризуется некоторой заторможенностью, которая является следствием психических отклонений, воспитательными «аномалиями» и даже длительным болезненным состоянием, не связанным с душевной болезнью. Такие лица действительно могут отставать в своем развитии и не понимать опасность своего поведения. Для подобной категории подростков законодатель установил определенные гарантии в рамках так называемой «возрастной невменяемости», предусмотрев в ч. 3 ст. 20 УК РФ правило, согласно которому несовершеннолетний не подлежит уголовной ответственности, если он вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать

¹Чайченко Г.М., Харченко П.Д. Физиология высшей нервной деятельности. Киев. 1981. С. 207-208.

² См., например: Криминология: Учебник для вузов / Под ред. А.И. Долговой. М.: НОРМА, 1997. С. 685-701.

фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими¹.

Кроме того, несовершеннолетний возраст учитывается судом в качестве смягчающего наказания обстоятельства (п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ), а также является одной из причин освобождения от уголовной ответственности по правилам ст. 90 УК РФ. Таким образом, несовершеннолетний, совершивший хулиганский проступок, может не понести реального наказания, но несомненно будет в определенной мере уstraшен фактом применения к нему карательных мер, что представляется правильным и с позиции профилактической деятельности.

Опыт уголовного законодательства ряда стран СНГ, установивших возрастной порог ответственности за хулиганство с 14 лет, нам представляется целесообразным. Однако, рассуждая о хулиганстве как преступлении, не имеющем собственного объекта, специфики объективной стороны, иллюстрируя противоречивую практику применения нормы о хулиганстве, мы намеренно создавали пассионарное состояние, для того чтобы собрать достаточно аргументов для вывода о необходимости отказаться от состава хулиганства. Вместе с тем мы ни в коем случае не намерены отказаться от хулиганства как мотива преступления. И в данном контексте нам представляется целесообразным установить уголовную ответственность за преступления, совершаемые по хулиганским мотивам именно с 14 лет. Такое законодательное решение соответствует психофизиологическим кондициям поведения лиц подросткового периода и криминологическим данным, согласно которым, как мы отмечали, чаще всего деяния с «хулиганским флером» совершают именно подростки, достигшие 14-летнего возраста.

Субъективная сторона хулиганства. Согласно общепринятому в юридической литературе мнению хулиганство характеризуется с субъективной стороны как умышленное преступление. Однако по поводу видов умысла при хулиганстве мнения разнообразны.

¹ Мы считаем приведенную формулу закона некорректной в сопоставлении со ст. 22 УК РФ. Благодаря такой формуле получается, что в случае психических расстройств, не исключающих вменяемости, несовершеннолетний подлежит уголовной ответственности, а в случае отставания в психическом развитии – не подлежит.

Существующие в юридической литературе соображения по поводу умысла хулиганства можно представить в виде двух позиций. Первая позиция характеризуется тем, что хулиганство может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом¹. Данная позиция по поводу косвенного умысла, в свою очередь представлена в двух вариантах. Согласно одному из них виновное лицо сознает общественную опасность своих действий, предвидит неизбежность возникновения опасных последствий, но относится к ним безразлично². В данном случае позиция автора обусловлена тем, что хулиганство выступает как материальный состав, требующий наступления последствий.

Отстаивая возможность косвенного умысла хулиганства, В. Мальцев, ссылаясь на постановление пленума Верховного Суда России «О судебной практике по делам о хулиганстве» (ныне не действует) 1991 г., где в п. 15 сказано: «Нанесение оскорблений, побоев, причинение легких или менее тяжких телесных повреждений и другие подобные действия, совершенные в семье, квартире, в отношении родственников, знакомых и вызванные личными неприязненными отношениями, неправильными действиями потерпевших и т.п., должны квалифицироваться по статьям УК, предусматривающим ответственность за преступления против личности. Однако в тех случаях, когда такие действия были сопряжены с очевидным для виновного грубым нарушением общественного порядка и выражали явное неуважение к обществу, их следует квалифицировать как хулиганство»³. Из цитируемой части постановления делается следующий вывод: «Как видим, Верховный Суд РФ допускает возможность совершения хулиганства по мотиву личных неприязненных отношений, а следовательно – и с косвенным умыслом»⁴. Сделанный исследователем вывод действительно справедлив. Высшая судебная

¹ См., например: Утевский Б.С. Уголовное право. М., 1950. С. 271; Молодцов А.С. Причины хулиганства и его предупреждений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 1968. С. 6; Иманов С. Хулиганство – враг народа. Баку, 1967. С. 18-19; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М.: ИНФРА-М, 2002. С. 225; Уголовное право России. Часть Особенная / Под ред. Л.Л. Кругликова. М.: ВолтерсКлувер, 2005. С. 443.

² Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. М., 1930. С. 169.

³ Сборник постановлений пленумов Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам. М.: Проспект, 2005. С. 258.

⁴ Мальцев В. Ответственность за хулиганство // Законность. 2000. С. 9.

инстанция полагает возможным, строго говоря, квалифицировать как хулиганство любое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу. Однако диспозиция ст. 213 УК РФ построена вовсе не по принципу материальных составов. Можно предположить, что в процессе хулиганских действий субъект причинит вред здоровью потерпевшего или нанесет ущерб его собственности. В отношении данных последствий он может обнаружить косвенный умысел. Но такие последствия вовсе не являются обязательным признаком объективной стороны хулиганства, которое считается оконченным преступлением с момента грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, с применением оружия или иных предметов или совершенное по экстремистским мотивам. Логически последовательно рассуждая в русле В. Мальцева, можно прийти к выводу, что, например, косвенный умысел присутствует в отношении лица к тяжелой болезни, которой заболел, будучи оклеветанным (ст. 129 УК РФ).

Справедливо считая, что возможны последствия при хулиганстве, которые могут быть весьма значительными и вместе с тем весьма абстрактными, А.Н. Игнатов, последовательно выступавший за возможность косвенного умысла при хулиганстве, отмечал: « При совершении хулиганства с косвенным умыслом субъект предвидит, что его действия могут нарушить общественный порядок и затронуть общественные интересы, и совершает такие действия, сознательно допуская объективное проявление неуважения к обществу»¹. А.Н. Игнатов переносит косвенный умысел не на последствия, а на факт грубого нарушения общественного порядка с проявлением явного неуважения к обществу. С таким мнением, пожалуй, можно согласиться, исходя из предложенного нами понимания хулиганского мотива, суть которого заключается в необходимости демонстрации собственного эго. К факту нарушения общественного порядка у субъекта действительно может быть безразличное отношение. И. Портнов пишет по этому поводу: «Сложнее, когда виновный не желал, но тем не менее сознательно допускал нарушение общественного порядка. Трудности

¹ Курс советского уголовного права. Т. 4. М.: НАУКА, 1971. С. 324.

при оценке деяния, как правило, возникают потому, что в данной ситуации имеется сочетание при условии реального нарушения общественного порядка все совокупное деяние должно квалифицироваться лишь как хулиганство»¹.

Критики косвенного умысла при хулиганстве отмечают, что такое положение противоречит теории вины в формальных составах. «Признание хулиганства как преступления с формальным составом исключает косвенный умысел, поскольку невозможно, совершая определенные действия по своей воле, не желать совершения этих действий»². Действительно, если человек совершает какой-либо поведенческий акт, носящий волимый характер, он не может не желать его совершить. Данное положение является аксиомой психофизиологии и психологической теории действия. Но это абсолютно справедливое утверждение означает, что в случае совершения деяния с косвенным умыслом человек желает совершить соответствующие действия, вот только к последствиям он относится безразлично. При хулиганстве субъект также совершает определенные действия, которые он желает совершить, желая при этом проявить собственное эго. Но такое отношение характеризует психологическую связь с действием, с поведением, а вот к последствиям поведения, к его, быть может, нравственному итогу субъект может быть безразличен. Так, например, Коптевским районным судом Лопухов осужден по ч. 3 ст. 213 УК РФ на том основании, что виновный напал в подъезде дома на ранее незнакомых ему граждан и стал угрожать им зажигалкой, выполненной в виде пистолета, которую использовал в качестве оружия, нанеся ею удары потерпевшим³. Без всякого сомнения, виновный желал совершить соответствующие действия, но можно ли с полной уверенностью утверждать, что он желал при этом грубо нарушить общественный порядок и выразить явное неуважение к обществу. В данном контексте представляет интерес итог интервьюирования судей, проведенный одним из авторов. Судьям задавался вопрос: выясняли ли они отношение обвиняемых за совершение хулиганства к факту грубого нарушения общественного порядка при наличии действий, которые

¹ Портнов И. Ограничение хулиганства от преступлений против личности // Советская юстиция. 1979. № 14. С. 6.

² Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 4 / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: Зерцало-М, 2002. С. 302.

³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2002. № 11. С. 11.

подпадали под признаки преступлений против личности (побои, легкий вред здоровью)? В результате опроса оказалось, что 89% осужденных даже не думали о факте нарушения общественного порядка, наплевательски относясь к нормам общежития.

С позиций характеристики субъективной стороны хулиганства необходимо выяснить отношение субъекта к действиям, которые он совершает, и его отношение к нравственным, моральным последствиям или моральной окраске таких действий. Пьяный субъект, например, размахивая гаечным ключом в вагоне метро, поносит присутствующих нецензурной бранью. Чего он при этом желает? Прежде всего он желает продемонстрировать свою значимость, проявить свое «Я», желает, чтобы на него обратили внимание. Данное утверждение с точки зрения психологии представляется несомненным. Но вот желает ли он проявить явное неуважение к обществу и грубо (именно грубо) нарушить общественный порядок? Думается, что на данный вопрос нельзя ответить абсолютно определенно. Вполне возможно, что именно на грубое нарушение общественного порядка направлены его побуждения, поскольку такой вариант поведения для субъекта является наиболее приемлемым в контексте объективации эго. Но вполне возможно и другое: субъект безразлично относится к факту грубого нарушения общественного порядка. Явное неуважение к обществу не является его стремлением, что характерно для прямого умысла. Нравственный флер собственного поведения его не волнует. Главное для него – любым способом продемонстрировать собственную значимость. Такой вариант психического содержания или отношения субъекта к нравственному итогу своего поведения также вполне уместен.

Более интересно, однако, другое. Сторонники как прямого, так и косвенного умысла чаще всего ссылаются на отношение субъекта к своим действиям и их последствиям. В. Мальцев имеет в виду конкретные последствия, которые могут быть итогом хулиганства, но которые составляют объективную сторону иных преступлений (телесные повреждения). Непримируемый последователь только прямого умысла при хулиганстве, Е.И. Овчаренко пишет: «Прямым умыслом должен охватываться не только сам факт хулиганства, но и наступление последствий. При

этом устанавливается не только абстрактный факт грубого нарушения общественного порядка, но и те конкретные проявления, которые входят в содержание поведения лица. Если здоровью потерпевшего в результате нападения на него был причинен вред, то это в обязательном порядке должно найти подтверждение в материалах уголовного дела»¹. Таким образом, речь идет о конкретных преступлениях, ответственность за совершение которых установлена также в конкретных нормах уголовного закона, что является далеко не лишним подтверждением отсутствия у хулиганства собственной объективной стороны. Кроме того, если умыслом субъекта охватывалось причинение здоровью потерпевшего вреда, если виновный желал причинить такой вред, тогда почему деяние следует оценивать как хулиганство? Скорее всего, вопрос разрешается в зависимости от места совершения преступления, что, как мы отмечали, юридический нонсенс. Деяние не может квалифицироваться в зависимости от места совершения преступления, если место его совершения не является признаком состава.

Противники косвенного умысла при хулиганстве настаивают на том, что такая конструкция психического отношения к преступлениям, характеризующимся формальными составами, нарушает теоретические каноны вины. Но теоретические каноны вины в формальных составах, в свою очередь, нарушает законодательные предписания, что с позиции принципа законности не может быть приемлемо.

Согласно ст. 3 УК РФ (принцип законности) преступность и наказуемость деяния определяются только настоящим Кодексом. В «настоящем» Кодексе ст. 25 четко формулирует понятие умысла через три составляющих: субъект осознает общественную опасность своего деяния, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления. Таким образом, прямой умысел (так же как и косвенный) ориентирован только на материальные составы преступлений. В формальных составах последствия находятся за рамками состава, и установление психического отношения к ним не требуется. Но в таком случае законодательное определение умысла приходится искажать в угоду

¹ Овчаренко Е.И. Доказывание по уголовным делам о хулиганстве. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 15.

формальных составов: момент предвидения выпадает вовсе, а момент желания с последствий переносится на деяние. На данное обстоятельство обращалось внимание в литературе¹, но пока закон устанавливает определенную конструкцию умысла, правоприменитель не вправе ее искажать. Что касается субъективной стороны хулиганства, то она представляет собой некий дуализм, предполагающий отношение виновного к факту объективации собственного «Я» и к нравственному флеру такой объективации в виде грубого нарушения общественного порядка. В хулиганстве-преступлении законодатель искусственно соединил мотив, который не может быть деянием, и деяние, ответственность за которое предусмотрена в иных нормах уголовного закона. Поэтому получился дуализм психического отношения, который свидетельствует о несообразности конструкции ст. 213 УК РФ. Более того, в постановлениях пленума Верховного Суда РФ по отдельным делам четко указывается, что при совершении хулиганства должен быть установлен хулиганский мотив. Например, в одном из постановлений сказано: «Отсутствие у виновного хулиганских побуждений к совершению преступлений явилось основанием для переквалификации содеянного им... с ч. 3 ст. 213 на ст. 115 УК РФ»². Строго говоря, высшая судебная инстанция разделяет мотив хулиганства и само хулиганство. Но если мотив – это грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, то что входит в хулиганство как деяние? Очевидно, такие действия, которые, как мы неоднократно подчеркивали, составляют объективную сторону других преступлений – против жизни или здоровья, против чужого имущества.

В литературе по данному поводу подчеркивается, что обязательным признаком субъективной стороны хулиганства является хулиганский мотив, который состоит в стремлении в неуважительной форме бросить вызов обществу, показать пренебрежение к правилам социального общежития³, т.е. все то, что субъект, по

¹ См., например: Иванов Н.Г. Принцип субъективного вменения и его реализация в УК // Государство и право. 1999. № 10. С. 57.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 11. С. 6-7.

³ Уголовное право России. Часть Общая и Особенная / Под ред. А.И. Рарога. М.: ПРОСПЕКТ, 2007. С. 498; Уголовное право России. Часть Особенная / Под ред. Л.Л. Кругликова. М.: ВолтерсКлувер, 2005. С. 443.

определению высшей судебной инстанции, должен сознавать и желать: «В соответствии с диспозицией ст. 213 УК РФ хулиганство может быть совершено только с прямым умыслом, т.е. когда лицо осознает, что субъект должен с прямым умыслом относится к факту нарушения общественного порядка, т.е. к мотиву совершаемого им деяния и умышленно – к хулиганству как конкретному итогу грубого нарушения общественного порядка в виде причиненных материальных или физических последствий (если, конечно, они есть). Такая конструкция представляется очевидным юридическим нонсенсом, который, однако, вытекает из отдельных теоретических положений и большинства судебных решений.

Таким образом, оказывается, что субъективная сторона хулиганства противоречива по той простой причине, что хулиганство не имеет собственных особенностей объективной стороны. Все компоненты объективной стороны хулиганства являются одновременно компонентами других составов преступлений, что отрицает объективную специфику именно хулиганства. Что касается предлагаемых возможностей отграничения хулиганства от других преступлений, в частности по мотивам, то в данном вопросе судебное толкование не вносит ничего позитивного, максимально запутывая ситуацию.

В цитируемом постановлении пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» от 15 ноября 2007 г. предлагается оригинальная конструкция такого решения. В ч. 2 п. 12 постановления сказано: «Под уголовно наказуемыми деяниями, совершенными из хулиганских побуждений, следует понимать умышленные действия, направленные против личности человека или его имущества, которые совершены без какого-либо повода или с использованием незначительного повода». Но что же тогда характеризует хулиганство, по поводу которого высшая судебная инстанция постоянно высказывается в смысле отсутствия видимого повода к совершению деяния? По такому признаку, который предложен высшей судебной инстанцией России, отличить хулиганство от преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений, невозможно. Судебные определения, в сущности, продолжают линию постановления, по существу разграничивая

хулиганство и другие преступления не столько по мотивам, которые ранее назывались мотивами личной неприязни, а по факту нарушения общественного порядка. Так, оказывая в квалификации деяния как убийства, совершенного из хулиганских побуждений, Верховный Суд отметил, что в действиях виновного не обнаружено открытого вызова общественному порядку и желания противопоставить себя окружающим, а поэтому деяние следует квалифицировать лишь по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ как совершенное из личной неприязни¹. Интересным в данной связи является определение Верховного Суда РФ по делу Ившина: «Из показаний Юлдашева и осужденного Ившина видно, что побои потерпевшему Ившин нанес не из хулиганских побуждений, а в связи с тем, что Юлдашев вызвал работников милиции, после чего Ившина доставили в вытрезвитель»². Совершенно непонятно, в каких случаях обнаруживаются хулиганские побуждения, а в каких нет. Если человека доставляют в вытрезвитель, а он устраивает драку, то почему такие действия не связаны с грубым нарушением общественного порядка? Впрочем, поставленный вопрос относится к категории риторических и свидетельствует лишь о том, что умысел при так называемом хулиганстве направлен чаще всего на совершение конкретных действий, ответственность за совершение которых установлена другими статьями Уголовного кодекса.

Вывод, который можно сделать на основании изложенного, заключается в том, что хулиганство с позиции характеристики его субъективной стороны, во-первых, практически неотличимо от хулиганского мотива, что категорически нарушает объективно-субъективную структуру состава преступления, и, во-вторых, установить конкретный вид умысла при хулиганстве практически невозможно, поскольку хулиганство не является преступлением, а является мотивом преступного поведения. Сделанный вывод находит определенное подтверждение на основании внесенных в диспозицию ст. 213 УК РФ изменений от 24 июля 2007 г., в результате которых часть первая указанной статьи дополнена признаком экстремистского мотива. В результате такого дополнения, как мы уже отмечали, хулиганство оказалось представленным в

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 1. С. 10-11.

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1989. № 5. С. 8.

двух видах (вариантах): (а) грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, и (б) грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное по мотивам политической ненависти или вражды расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, т.е. по экстремистским мотивам, как это следует из п. 1 ст. 8 Закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ. Благодаря неволлизации ст. 213 УК РФ хулиганство в части наличия экстремистского мотива оказалось полимотивированным. Одним из мотивов хулиганства является грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, другим – экстремистский мотив. Таким образом, в диспозиции анализируемой нормы объективная сторона и мотив в части, исключающей экстремистские побуждения и применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, оказались абсолютно идентичными.

В одном из последних постановлений президиума Московского городского суда при отмене приговора указано: «Таким образом, исследованные судом доказательства не подтверждают наличия у Орлова прямого умысла на совершение грубого нарушения общественного порядка и проявления явного неуважения к обществу...»¹ Ориентируя суды на подобное отношение к решению вопроса о наличии уголовно наказуемого хулиганства, Московский городской суд, по существу предлагает констатировать, что для наличия хулиганства по п. «б» ч.1 ст. 213 УК РФ необходимо доказать, что субъект грубо нарушил общественный порядок, выразив явное неуважение к обществу по мотивам грубого нарушения общественного порядка, выразившего явное неуважение к обществу (при наличии, согласно современной редакции ст. 213 УК РФ, еще и экстремистских побуждений). Решения

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 5.

такого рода представляют собой юридический нонсенс и решительно не могут быть приняты в правоприменительной практике.

2.3. Квалифицирующие признаки состава преступления, предусматривающие уголовную ответственность за хулиганство в действующем законодательстве России

Квалифицированным хулиганством (ч. 2 ст. 213 УК) признается деяние, предусмотренное частью первой, если оно совершено: а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; б) связано с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка.

В соответствии со ст. 19 УК уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее установленного законом возраста. Это правило нашло отражение в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», в соответствии с которым совершение преступления с использованием лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу возраста или невменяемости, не создает соучастия. Следовательно, групповое хулиганство возможно только при наличии как минимум двух соисполнителей, отвечающих требованиям субъекта данного преступления.

В первоначальной редакции ст. 213 УК России предусматривалась уголовная ответственность за совершение хулиганства различными видами преступных групп. Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ уголовная ответственность за анализируемое преступление при совершении его группой лиц без предварительного сговора исключена. Полагаем, что такие изменения не вполне оправданы и не отражают всей сущности общественной опасности хулиганства, поскольку лицо, присоединяясь к хулиганским действиям виновного, грубо нарушающим общественный порядок, подкрепляет в нем уверенность в безнаказанности, усиливает противодействие со стороны потерпевших и иных лиц. Безусловно, совместность

преступных действий хулиганов существенно повышает степень их опасности для общества. Кроме того, характер хулиганских действий, к которым присоединяется виновный, чаще всего очевиден.

В соответствии с новой редакцией ст. 213 УК хулиганские действия лиц, присоединившихся к начавшемуся преступлению и осознающих характер происходящего, могут квалифицироваться только по ч. 1 анализируемой статьи. Таким образом были квалифицированы действия Ф., П. и И., которые, находясь на остановке транспорта, из хулиганских побуждений избили несовершеннолетнего, применив при этом предметы, используемые в качестве оружия, - подобранные на остановке ящики¹.

Согласно данным, полученным в ходе исследований А.В. Рагулина, 75,8% групповых хулиганств совершается группой лиц, 23,9% - группой лиц по предварительному сговору и 0,3% - организованной группой².

В соответствии с ч. 2 ст. 35 УК России под группой лиц по предварительному сговору следует понимать совместное участие в выполнении объективной стороны преступления двух или более исполнителей, заранее договорившихся о совершении хулиганских действий. Для признания наличия у группы хулиганов предварительного сговора необходимо установить, что эти лица заранее договорились о совместном совершении преступления.

В содержании предварительного сговора, как правило, входит соглашение о совершении преступления, о функциях каждого из соучастников, хулиганские действия должны быть в определенной степени согласованными, при этом предварительность сговора означает, что он должен иметь место до начала совершения преступления.

Таким образом, хулиганство, совершенное по предварительному сговору группой лиц, совершается двумя или более лицами, которые действовали совместно с прямым умыслом и хулиганским мотивом, грубо нарушали общественный порядок

¹ См.: Архив Соверского районного суда г. Уфы за 2004 г. Уголовное дело №16-3.

² См.: Рагулин А.В. Ответственность за групповое хулиганство по современному российскому уголовному законодательству // Право и политика. 2004. № 10. С. 50.

и выразили явное неуважение к обществу своими действиями, применив при этом оружие или иные предметы, используемые в качестве оружия.

Поскольку п. «а» ч. 1 ст. 213 УК связан с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, для квалификации по ч. 2 ст. 213 УК важно установить, что сговор на его применение имел место до начала преступных действий. Именно такая позиция находит отражение в изученных нами судебных решениях. Органами предварительного расследования Б. и В. Обвинялись в хулиганских действиях, совершенных по предварительному сговору группой лиц. В судебном заседании установлено, что Б. около киоска, расположенного по ул. Маркова в г. Омске, из хулиганских побуждений ударил в спину ножом Д., после чего В. Ударил последнего кулаком по лицу, причинив потерпевшему побои. Суд вынес оправдательный приговор в отношении В. По ч. 2 ст. 213 УК и переквалифицировал действия Б. на ч. 1 ст. 213 УК, указав в приговоре, что в ходе судебного заседания не было установлено, что Б. и В. Совершали согласованные хулиганские действия с применением ножа, также не было установлено, что В. видел, как Б. ударил потерпевшему в спину¹. Полагаем, что данное решение основано на законе.

Анализ судебно-следственной практики свидетельствует, что имеет место различный подход к квалификации действий в тех случаях, когда в совершении преступления принимали участие пособники и подстрекатели преступления.

Возможно, причиной дискуссии является редакция ст. 35 УК России. В части 1 ст. 35 УК прямо закрепляется правило, согласно которому преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два и более исполнителя без предварительного сговора. Давая определение группы лиц по предварительному сговору, законодатель указывает на лиц, заранее договорившихся о совместном совершении преступления, не называя при этом вид соучастников. Заметим, что в юридической литературе высказывается мнение, что предварительный сговор возможен как в простой форме соучастия, так и при соучастии с

¹ См.: Архив Ленинского районного суда г. Омска за 2005 г. Уголовное дело № 1-442/05.

распределением ролей¹. А. Арутюнов считает недопустимым, когда действия исполнителя при наличии одного или нескольких пособников, подстрекателей или организаторов не рассматриваются как предварительный сговор группой лиц, поскольку они не менее опасны, чем действия двух исполнителей².

По мнению В.С. Комиссарова, занимающего промежуточную позицию в данном вопросе, в тех случаях, когда группа по предварительному сговору предусматривается в Особенной части УК как квалифицирующий признак преступления, она должна состоять только из исполнителей. В других случаях, когда группа лиц как квалифицирующий признак не рассматривается, возможно юридическое распределение ролей среди соучастников³.

Соисполнительство представляет собой форму соучастия, при которой все соучастники действуют совместно и непосредственно выполняют действия, входящие в объективную сторону преступления. При этом каждый из них может выполнять действия либо в полном объеме, либо частично. Главное, что в сложении совместных усилий соисполнителей достигается единая цель, объединенная единым хулиганским мотивом. При совершении хулиганских действий, группой лиц по предварительному сговору соучастие в распределение ролей возможно лишь в случае, когда есть как минимум два соисполнителя. В основном преступные группы хулиганов имеют по 2-3 участника (60%) и реже по 3 и более участников (40%), причем в 94% случаев при совершении групповых хулиганских действий присутствует соучастие в форме соисполнительства, в 3,9% в составе группы имеются подстрекатели, в 1,8% - пособники и лишь в 0,3% имеются организатор группы⁴.

Если один из виновных совершает действия, не охватывающиеся умыслом других соисполнителей, производимых в рамках совместно совершаемого

¹ См. напр.: Иванов Н.Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Саратов, 1991. С. 120; Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар, 2000. С. 16.

² См.: Арутюнов А. Ошибки при квалификации содеянного группой лиц по предварительному сговору // Российская юстиция. 2001. № 9. С. 65-66.

³ См.: Курс уголовного права: Общая часть. Том 1 / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 424-426.

⁴ См.: Рагулин А.В. Ответственность за групповое хулиганство по современному российскому уголовному законодательству // Право и политика. 2004. № 10. С. 50.

преступления, то следует руководствоваться правилами ст. 36 УК России, содержащей указание на эксцесс исполнителя.

В пункте 6 указанного выше постановления Пленума содержится достаточно дискуссионное, на наш взгляд, указание. Пленум рекомендует в случае вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, предусмотренного ст. 213 УК, действия виновного квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью ст. 213 УК РФ и ч. 4 ст. 150 УК РФ (за вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу). О вовлечении в группу может идти речь в случае если такая группа уже существует, независимо от того, присоединится к ней несовершеннолетний или нет, а если такую группу составляет вовлекающий и вовлекаемый, то данный квалифицирующий признак ст. 150 УК отсутствует.

Хулиганство признается совершенным организованной группой, когда оно совершается устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения, как правило, нескольких преступлений (ч. 3 ст. 35 УК). Об устойчивости группы могут свидетельствовать, в частности, такие признаки, как стабильность ее состава, тесная взаимосвязь между членами, согласованность их действий, длительность существования и т.д. В такой группе имеется организатор, координирующий действия участников преступлений, подбирающий и вербующий соучастников, распределяющий роли между ними, планирующий совершение преступлений и обеспечивающий меры по сокрытию преступной деятельности.

Едва ли найдется много примеров, когда участники организованных групп специально объединялись для совершения нескольких хулиганств. Подобные факты не исключены, однако следует констатировать, что в большинстве случаев организованные группы все же создаются для совершения иных преступлений¹. В изученной нами судебной практике по делам о хулиганстве преступлений, совершенных в составе организованной группы, не встречалось.

¹ См.: Мальцев В. Ответственность за хулиганство // Законность. 2000. № 7. С. 9.

В связи с этим в юридической литературе высказывается мнение о нецелесообразности включения в состав группового хулиганства такого квалифицирующего признака, как совершение хулиганства организованной группой¹. Полагаем, что недостаточная распространенность такого вида хулиганских действий не является основанием для исключения его из квалифицирующих признаков в силу их повышенной общественной опасности.

Еще одним квалифицирующим обстоятельством хулиганских действий, предусмотренных ч. 2 ст. 213 УК, является совершение хулиганства, связанного с сопротивлением представителю власти или иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка. Под сопротивлением представителю власти или иному лицу следует понимать умышленные действия лица по преодолению законных действий указанных лиц, а также действий других граждан, пресекающих нарушение общественного порядка, например при задержании лица, совершающего хулиганство, его обезоруживании, удержании или воспрепятствовании иным способом продолжению хулиганских действий. Понятие представителя власти раскрыто в примечании к ст. 318 УК. Представителем власти признается должностное лицо правоохранительного или иного контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости. В частности, к ним относятся депутаты, сотрудники правоохранительных и контролирующих органов (работники полиции, прокуратуры, суда, государственных инспекций и др.). Иными лицами следует признавать представителей общественности (дружинников, общественных инспекторов и т.д.), а также отдельных граждан, пресекающих хулиганские действия. Иным лицом, исполняющим обязанности по охране общественного порядка, может являться, например, военнослужащий, выполняющий указанные функции.

В содержании умысла виновного при совершении хулиганских действий, сопряженных с сопротивлением, входит осознание того, что потерпевшим является

¹ См.: Галиакбаров Р.Р. Указ.соч. С. 221.

представитель власти либо иное лицо, исполняющее обязанности по охране общественного порядка или пресекающее нарушение общественного порядка. Соппротивление представителю власти будет иметь место в случаях, когда лицо уведомлено о том, что перед ним представитель власти – сотрудник полиции или иных структур, относящихся к таким представителям. Если сотрудник полиции не был одет в форму или не уведомил любым способом нарушителя о своей принадлежности к представителям органов власти, то виновному следует вменять совершение хулиганства, связанного с сопротивлением лицу, пресекающему нарушение общественного порядка.

Пленум Верховного Суда от 15 ноября 2007 г. № 45 рекомендует хулиганские действия, связанные с сопротивлением представителю власти, в ходе которого применено насилие как неопасное, так и опасное для жизни и здоровья, квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 213 УК РФ и соответствующей частью ст. 318 УК РФ (п. 9). Из этого следует, что сопротивление, о котором говорится в ч. 2 ст. 213 УК, фактически переводится в разряд неповиновения, не предусматривающего применения насилия. Неповиновение содержит признаки административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.3 Кодекса об административных правонарушениях.

Заметим, что такой подход к квалификации действий, связанных с сопротивлением представителю власти, свидетельствует о непоследовательности Верховного Суда в решении данного вопроса. В предшествующем постановлении от 24 декабря 1991 г. № 5 «О судебной практике по делам о хулиганстве» (в редакции от 21 декабря 1993 г. с изменениями от 25 октября 1996 г.) Верховный Суд указывал, что действия, сопряженные с сопротивлением работнику полиции, народному дружиннику, военнослужащему, представителю власти или представителю общественности, выполняющему обязанности по охране общественного порядка, или иному гражданину, пресекающему хулиганские действия, в том числе и соединенные с насилием или угрозой его применения с отношении указанных лиц, полностью охватываются диспозицией ч. 2 ст. 206 УК РСФСР и дополнительной квалификации по другим статьям УК не требуют. Полагаем, что такое непостоянство относительно

вопросов квалификации хулиганских действий оказывает негативное воздействие на состояние борьбы с насильственной преступностью.

Считаем, что в данном случае, рассматривая вопрос о квалификации указанных действий, следует исходить из верхнего предела санкций обеих статей. Поскольку ч. 2 ст. 213 УК РФ предусматривает наказание до 7 лет лишения свободы, а ч. 1 ст. 318, включающая применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, - до 5 лет лишения свободы, то при причинении такого насилия вряд ли можно говорить о совокупности преступлений. Соппротивление представителю власти во время совершения хулиганских действий, безусловно повышает общественную опасность действий и именно поэтому нашло отражение в квалифицированном составе ст. 213 УК. Дополнительная квалификация действий по ч. 1 ст. 318 УК РФ приведет, на наш взгляд, к двойной квалификации одних и тех же действий виновного.

Если при совершении хулиганства, связанного с сопротивлением представителю власти, было применено насилие, опасное для жизни или здоровья, то оно, безусловно, должно квалифицироваться по совокупности со ст. 213 УК РФ. Под таким насилием следует понимать причинение легкого вреда, вреда средней тяжести и тяжкого вреда здоровью, а также насилие, которое в зависимости от способа и обстановки его применения представляет угрозу для жизни и здоровья потерпевшего, независимо от фактического наступления последствий, например сбрасывание с движущегося поезда.

Иной точки зрения придерживается А.А. Толкаченко, который указывает, что формальный состав преступления, предусмотренный ст. 213 УК, не содержит такого признака объективной стороны, как применение насилия (причинение вреда здоровью человека различной степени тяжести). При хулиганстве умысел направлен на грубое нарушение общественного порядка, следовательно, объектом рассматриваемого преступления является общественный порядок. Именно поэтому, когда в процессе хулиганства потерпевшему, а также лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка либо пресекающему хулиганские действия, нанесены побои или причинен вред здоровью различной тяжести из хулиганских побуждений, содеянное образует совокупность преступлений против

общественного порядка и против личности¹. Считаем, что данные рассуждения применимы к ч. 1 ст. 213 УК. Сопротивление представителю власти согласно ч. 2 ст. 213 УК следует рассматривать как многообъективное преступление, и этому не препятствует конструкция состава. Так, например, разбой традиционно относят к формальному (либо усеченному) составу, тем не менее, его многообъективный характер не ставится исследователями под сомнение.

Заметим также, что А.А. Толкаченко не последователен в своих рассуждениях, поскольку далее он отмечает, что, если действия виновного, начатые как хулиганство, впоследствии переросли в более тяжкое преступление – убийство двух и более лиц из хулиганских побуждений, дополнительной квалификации по ст. 213 УК РФ не требуют. В подтверждение своих доводов автор ссылается на постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 819-П06 по делу Б., опубликованное в Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за II квартал 2007 г. Установлено, что Б. и другие осужденные, предварительно договорившись о совершении хулиганских действий, используя малозначительный повод, в подъезде дома стали избивать потерпевших, нанося им удары по различным частям тела. В процессе избиения Б. нанес удар ножом в грудь одному из потерпевших, а также множественные удары в голову, грудь и живот потерпевшему Ч. От полученных ножевых ранений наступила смерть потерпевших. Суд первой инстанции квалифицировал действия Б. по пп. «а», «и» ч. 2 ст. 105 и п. «а» ч.2 ст. 213 УК РФ. Суд надзорной инстанции изменил состоящие решения и исключил осуждение Б. по п. «а» ч. 2 ст. 213 УК РФ². Такое решение не соответствует разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» (ст. 105 УК РФ) разъясняется, что если виновный помимо убийства из хулиганских побуждений совершил иные умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок, выражающие

¹ См.: Толкаченко А.А. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 г. № 45 // Уголовный процесс. 2007. № 12. С. 12.

² Там же. С. 13.

явное неуважение к обществу, то содеянное надлежит квалифицировать по п. «и» ч. 2 ст. 105 УК и соответствующей части ст. 213 УК.

Ответственность за сопротивление указанным лицам квалифицируется по ч. 2 ст. 213 УК только в случае, когда она оказывается в процессе пресечения хулиганства.

В тех случаях, когда сопротивление представителю власти оказано лицом после прекращения хулиганских действий, в частности в связи с последующим задержанием, его действия подлежат квалифицировать по совокупности преступлений, согласно ч. 1 ст. 213 УК и соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса, предусматривающей ответственность за совершенное преступление (например, по совокупности с применением насилия в отношении представителя власти (ст. 318) либо с применением насилия как преступления против личности, в частности как умышленное причинение легкого вреда здоровью).

В целях исключения расширительного толкования ч. 2 ст. 213 УК России А.В. Рагулиным предлагается ввести новую формулировку данного квалифицирующего признака и изложить его в следующей редакции: «хулиганство, сопряженное с оказанием сопротивления... в процессе хулиганских действий»¹.

¹Рагулин А.В. К вопросу о совершенствовании уголовно-правовой нормы об ответственности за хулиганство // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 4-й междунар. Науч.-практ. Конфер. 25-26.01.2007 г. М., 2007. С. 424.

ГЛАВА 3. ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХУЛИГАНСТВА

3.1. Разграничение уголовной и административной юрисдикции при квалификации хулиганства

Правонарушение представляет собой действия, противоречащие нормам права. Противоправность правонарушения выражается в том, что гражданин, иное лицо нарушает какую-либо действующую норму права, действует вопреки ее предписаниям и тем самым противопоставляет свою собственную волю воле государства, вступает с ним в конфликт.

Административным правонарушением (проступком) признается посягающее на государственный или общественный порядок, собственность всех видов, права и свободы, на установленный порядок управления противоправное, виновное (умышленное или неосторожное) действие либо бездействие, за которое законодательством предусмотрена административная ответственность.

Основными критериям наличия административного проступка, как и любого правонарушения являются противоправность и виновное поведение.

Противоправность административного проступка выражается в нарушении общеобязательных правил, которые государство устанавливает с целью соблюдения режима законности, защиты прав и свобод граждан, общественных и государственных интересов. Административный проступок является виновным поведением, умышленным или неосторожным. Отсутствие вины исключает административную ответственность.

Административное правонарушение может выражаться как в действии (мелкое хулиганство, незаконная порубка и повреждение деревьев) так и в бездействии (уклонение о подачи декларации о доходах).

Проступок не может быть одновременно уголовным преступлением, но если социально опасное деяние затрагивает различные стороны правопорядка, оно может быть квалифицировано и как административный проступок, и как гражданское правонарушение. Следствием этого может быть и одновременное наступление двух видов ответственности. Например, нарушение правил уличного движения водителем, причиняющее имущественный вред, совмещает в себе административное и гражданское правонарушение.

Проанализируем правовые критерии разграничения преступлений и административных проступков. Основным из них является различная степень общественной опасности этих деяний.

Из сопоставительного анализа УК видно, что и преступления, и административные правонарушения посягают на одинаковые по своему характеру объекты, и именно в этом прежде всего состоит их общественная опасность - материальный признак, определяющий их социальную сущность. Задачи уголовного и административного законодательства состоят в охране от посягательств одних и тех же объектов. Видимо, принципиальное различие между преступлением и административным правонарушением заключается в различной степени их общественной опасности. Эта степень определяется интенсивностью посягательства, реально наступившими или потенциальными общественно опасными последствиями. Преступления - более общественно опасные деяния, чем административные проступки. Единая сущность преступлений и административных правонарушений

подтверждается еще и следующим обстоятельством. Не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. При малозначительности совершенного административного правонарушения орган (должностное лицо), уполномоченный решать дело, может освободить нарушителя от административной ответственности и ограничиться устным замечанием. Очевидно, что правонарушение может быть признано малозначительным, если оно вовсе лишено общественной опасности или если его общественная опасность ничтожно мала.

Нельзя согласиться с мнением, что с закреплением понятия административного правонарушения (проступка) снят дискутировавшийся ранее вопрос о разграничении проступка и преступления по степени их опасности, что только преступление представляет общественную опасность, а проступок этим качеством не обладает. Реально оценивая социальный вред административных проступков, мы неизбежно будем приходить к выводу о том, что они общественно опасны.

Нельзя также согласиться с мнением, что общественная опасность преступления - это опасность для всего общества в целом, административные же проступки характеризуются лишь общественной вредностью, а общественно опасными они являются только в своей совокупности. На наш взгляд, и преступления, и административные проступки в своём реальном выражении посягают не на всю совокупность общественных отношений, не на весь правопорядок, но только на те или иные стороны этих отношений. Общественную же вредность следует понимать как общественно опасные последствия совершенного деяния (реальный или потенциальный вред). Она - только составной элемент или показатель общественной опасности.

Разграничить административные проступки и преступления можно и должно лишь по степени их общественной опасности. Задача эта сложная - особенно в случаях, когда речь идет о сходных по характеру проступках и преступлениях, но она должна решаться в точном соответствии с законом, ибо только таким путем можно избежать необоснованного установления уголовной ответственности за

административные правонарушения, совершенные повторно или при других отягчающих обстоятельствах. Будучи совершенным даже при определенных отягчающих обстоятельствах, административный проступок не может квалифицироваться как преступление, если его качественная определенность и степень его общественной опасности не выходят за границы проступка. Если же степень его опасности существенно повышается и достигает уровня преступления, то он должен признаваться таковым и влечь за собой уголовную ответственность.

Возникает вопрос: увеличивает ли повторное совершение административного проступка, в том числе после наложения административного взыскания, общественную опасность деяния и личности нарушителя настолько, чтобы повлечь за собой изменение юридической природы самого проступка и служить основанием для признания его преступлением и, следовательно, для применения к виновному уголовного наказания? На этот вопрос следует ответить отрицательно. В течение года совершение однородного правонарушения, за которое лицо уже подвергалось административному взысканию, и, более того, совершение правонарушения лицом, ранее совершившим преступление вполне обоснованно отнесены лишь к обстоятельствам, отягчающим ответственность за административное правонарушений. Этому положению общесоюзного административного закона не соответствуют нормы республиканских УК, в которых предусмотрена уголовная ответственность за административные проступки, совершенные повторно после наложения административного взыскания. Подобной коллизии норм быть не должно. Повторное совершение административного проступка, даже если за предыдущий проступок лицо подвергалось административному взысканию, не может служить основанием для признания его преступным. Преступление не есть сумма проступков. Следует согласиться с мнением о том, что наличие административного взыскания за предшествующий проступок относится только к личности нарушителя, не повышает степени общественной опасности деяния и, стало быть, не может служить основанием для превращения последующего проступка в преступление: сколько бы раз лицо ни совершало административного правонарушения, каждое из них - всего лишь

проступок, и по направлению умысла оно не может составлять единого целого и переходить в другое качество.

Обратим внимание и на следующие моменты. Административное взыскание может быть наложено не позднее двух месяцев со дня совершения правонарушения; если лицо, подвергнутое административному взысканию, в течение года со дня окончания исполнения взыскания не совершило нового административного правонарушения, то это лицо считается не подвергавшимся административному взысканию. Этими же положениями необходимо руководствоваться и при применении существующих уголовно-правовых норм с административной преюдицией, хотя такой подход и не согласуется с постановлениями уголовного закона о давности привлечения к уголовной ответственности, освобождении от уголовной ответственности и наказания, погашении и снятии судимости и др.

Если в будущем уголовном законодательстве вопрос об исключении уголовной ответственности за повторное совершение административных правонарушений будет решен положительно, то потребуются внести существенные коррективы и в административное законодательство. В этом случае необходимо будет предусмотреть более строгие меры административного взыскания за правонарушения, совершенные повторно после применения таковых или при наличии других квалифицирующих обстоятельств.

Если же обнаружится, что предусмотренные в действующем административном законодательстве санкции недостаточны для пресечения отдельных правонарушений, представляющих повышенную общественную опасность, может быть поставлен вопрос о расширении пределов действующие санкций и установлении новых более строгих видов административных взысканий, например увольнения от должности, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной работой и др. (скажем, в отношении лиц, неоднократно нарушавших правила торговли спиртными напитками, виновных в незаконном отпуске бензина и т. п.).

Вместе с тем в уголовном законе должны быть установлены новые, более чёткие критерии отграничения преступлений от сходных административных

проступков, т.е. должны быть учтены такие обстоятельства, которые, значительно повышая степень общественной опасности правонарушения, действительно превращают его в преступление (например, изготовление самогона без цели сбыта в крупных размерах, самовольное использование транспортных средств в корыстных целях, если оно причинило существенный или значительный ущерб или сопряжено с извлечением наживы в крупном размере и т. д.). С этой точки зрения правильно, как нам представляется, разграничивается административное правонарушение и преступление в виде нарушения правил пожарной безопасности. Нарушение или невыполнение правил пожарной безопасности считается административным проступком, а нарушение правил пожарной безопасности, повлекшее за собой возникновение пожара, причинение вреда здоровью людей или крупный ущерб, - преступлением.

По нашему мнению, в случае декриминализации рассматриваемых и некоторых других деяний, предусмотренных в действующем уголовном законе, перевода их в разряд административных правонарушений, установления более четких критериев разграничения проступков и преступлений новое уголовное законодательство станет более стабильным, менее подверженным всякого рода изменениям, зачастую обусловленным неблагоприятной социальной конъюнктурой, периодическими вспышками тех или иных правонарушений. Отпадет также необходимость выделять в число преступных деяний уголовные проступки. Предлагаемые меры повысят предупредительную и воспитательную роль и административного, и уголовного законодательства, что будет способствовать и усилению эффективности борьбы с правонарушениями.

3.2. Разграничение хулиганства с другими преступлениями

Разграничение хулиганства со смежными составами преступлений. Судебно-следственная практика свидетельствует о том, что наибольшие затруднения вызывает у правоприменителей вопрос о юридической оценке хулиганских действий в случаях причинения вреда здоровью из хулиганских побуждений, если эти действия совершены публично. Вызваны эти затруднения тем, что законодатель исключил из

диспозиции ст. 213 УК такой признак, как «применения насилия», и растворил его в преступлениях против личности (ч. 2 ст. 115 и ч. 2 ст. 116 УК).

Однозначного подхода к решению рассматриваемой проблемы практика не выработала, о чем свидетельствуют нижеприведенные примеры. Д., Г. и В. после распития спиртных напитков около 0 час. 30 мин. 12 июля 2005 г., находясь на территории садового общества «Дзержинец», громко разговаривали и кричали, нарушая общественный порядок. На шум вышли Костюченко В. и Власов, которые сделали им замечание. В ответ Д. поднял с земли бутылку и бросил в голову Костюченко В., причинив легкий вред его здоровью. После этого подозреваемые ушли и продолжали распивать спиртные напитки. В. предложил пройти на дачный участок Костюченко и разобраться с ним. Д., Г. и В., подобрав с земли пустые бутылки и другие неуставленные предметы, подошли к домику Костюченко и, грубо нарушая общественный порядок, стали бросать принесенные предметы в сторону людей, попали бутылкой в левое ухо Власова и в голову Костюченко Л., причинив ей закрытую черепно-мозговую травму, скальпированную рану, множественные ссадины, что относится к легкому вреду здоровью. После этого сломали деревянный забор и досками стали бросать в сторону потерпевших. Кроме причинения вреда здоровью потерпевших, они бутылками разбили крышу домика, причинив ущерб на общую сумму 986 рублей. В ходе предварительного расследования действия их квалифицированы по ч. 2 ст. 213 УК по признаку совершения хулиганства по предварительному сговору группой лиц. Причинение вреда здоровью дополнительной квалификации не получило несмотря на то, что действия происходили в общественном месте¹.

В аналогичной ситуации органами предварительного расследования действия виновных квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 116, ч. 2 ст. 167, ч. 2 ст. 213 УК. М. и С. 26 июня 2005 г. около 2 часов ночи, находясь около клуба XL в состоянии алкогольного опьянения, используя в качестве повода замечание, высказанное А. на то, что, проходя мимо его автомашины,

¹ См.: Архив Центрального районного суда г. Омска за 2005 г. Уголовное дело № 1-462/05.

повернули зеркало заднего вида, умышленно, грубо нарушая общественный порядок, вытащили потерпевшего из салона автомашины. М. нанес А. множественные удары руками и ногами по телу и голове, не причинившие вреда здоровью. С. находившейся при нем битой нанес несколько ударов по лобовому стеклу, кузову и стеклам автомашины, причинив имущественный ущерб на сумму 29850 руб. Суд исключил из обвинения ч. 2 ст. 116 и ч. 2 ст. 167 УК, указав, что нанесение побоев и повреждение чужого имущества, совершенное из хулиганских повреждений, охватывается составом преступления, предусмотренного ст. 213 УК, и дополнительной квалификации не требует¹. Полагаем, что такой вывод не соответствует закону, поскольку диспозиция статьи не может толковаться расширительно. Правильной нам представляется квалификация действий виновных лиц, данная в ходе предварительного расследования.

Наша точка зрения находит подтверждение в решении Ленинского районного суда г. Омска по уголовному делу по обвинению Р., который, находясь в кафе «Лавр», вступив в преступный сговор с неустановленным следствием лицом, используя малозначительный повод для совершения хулиганских действий, оскорбил нецензурной бранью Н. и О., а затем стал кидать в потерпевших стулья, пивные кружки, тарелки, фужеры, попадая по различным частям тела потерпевших, что повлекло причинение легкого вреда здоровью и повреждение имущества на общую сумму 10550 руб. Суд, посчитав установленной вину Р. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 116, ч. 2 ст. 167, ч. 2 ст. 213 УК, вынес обвинительный приговор по ч. 2 ст. 213 УК, а по двум другим статьям прекратил уголовное дело за примирением с потерпевшим².

Не являются исключением случаи, когда государственные обвинители отказываются от поддержания обвинения по ч. 2 ст. 115, ч. 2 ст. 116 УК, если эти действия сопряжены с совершением хулиганства, что еще раз подтверждает отсутствие единого подхода к решению данного вопроса.

¹ См.: Архив Центрального районного суда г. Омска за 2005 г. Уголовное дело № 1-495/05.

² См.: Архив Ленинского районного суда г. Омска за 2005 г. Уголовное дело № 1-405/05.

Мы солидарны с мнением А. Кибальника и И. Соломоненко, что в соответствии с новой редакцией статьи реальное причинение умышленного вреда здоровью потерпевшего, нанесением ему побоев, факты умышленного уничтожения (повреждения) чужого имущества требуют дополнительной квалификации по ст. 213 УК и соответствующим статьям Особенной части¹. Добавим, что такое решение может быть аргументировано, на наш взгляд, следующими доводами: исключение из ст. 213 УК такого признака, как «применение насилия», привело к тому, что деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 213 УК, перестало быть многообъектным, вред здоровью, причиненный хулиганскими действиями, не входит в последствия деяния, однако не дать оценку таким действиям нельзя, что и свидетельствует о наличии реальной совокупности нарушения общественного порядка и причинения вреда здоровью потерпевшего. Не исключает возможность реальной совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 111, 112 УК, при наличии квалифицирующего признака «хулиганские побуждения», и ст. 213 УК, и авторы научно-практического пособия по применению УК России².

Пленум Верховного Суда Российской Федерации высказал свою позицию по этому вопросу в п. 11 постановления от 15 ноября 2007 г. № 45. Поскольку состав преступления, предусмотренный ст. 213 УК, не содержит такого признака объективной стороны преступления, как «применения насилия» (причинение вреда здоровью человека различной степени тяжести), и с учетом того, что при хулиганстве умысел направлен на грубое нарушение общественного порядка, в случаях, когда в процессе совершения хулиганства потерпевшему, а также лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка либо пресекающему хулиганских побуждений, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности преступлений согласно соответствующей части ст. 213 УК и части (пункту части) соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса, предусматривающей ответственность за преступление против личности.

¹ См.: Кибальник А., Соломоненко И. Юридические оплошности действующего уголовного закона // Российская юстиция. 2004. № 6. С. 29.

² См.: Научно-практическое пособие по применению Уголовного кодекса Российской Федерации / Под ред. В.М. Лебедева. М., 2005. С. 529.

Данный подход не противоречит точке зрения, закрепленной ранее в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» (ст. 105 УК РФ).

В то же время в правоприменительной практике указанные действия не находят однозначной юридической оценки. Так, действия несовершеннолетних Б., Р., Ж. и Л. Органами предварительного следствия квалифицированы по пп. «д», «ж», «и», «л» ч. 2 ст. 105 УК и ч. 3 ст. 206 УК. В ходе расследования установлено, что указанные лица в связи с испытываемой ненавистью к жителям Средней Азии и Кавказа, вооружившись бейсбольной битой, металлической цепью, обрезком металлической трубы, с намерением избивать всех лиц нерусской национальности прибыли на лыжную базу «Сайма» г. Сургута. Подростки выстроились в колонну, строем прошли мимо старшего из них, выкрикивая «кричалку», смысл которой заключался в подтверждении их желания уничтожить всех лиц нерусской национальности. Все указанные и последующие действия снимались на видеокамеру. После этого подростки пошли по лыжной трассе вглубь леса, где, встретив жителя Таджикистана Х., причинили ему предметами, используемыми в качестве оружия, множественные удары по голове и туловищу. Б. прыгал сверху на потерпевшего, наносил удары ногами по голове Х. до тех пор, пока он не перестал подавать признаков жизни. В ходе судебного разбирательства государственный обвинитель отказался от обвинения Б., Р., Ж. и Л. По п. «и» ч. 2 ст. 105 УК – убийство из хулиганских побуждений и ч. 3 ст. 213 УК РФ как излишне вмененного¹.

Считаем необходимым обратить внимание на тот факт, что в ряде случаев суды, правильно оценив собранные по делу доказательства и давая квалификацию по ст. 213 УК, принимают необоснованные и незаконные решения о прекращении уголовного дела на основании ст. 76 УК, ст.ст. 25 и 254 УПК РФ за примирением сторон. Подтверждением тому является следующий пример. Б. подошел к ранее незнакомому Т. и из хулиганских побуждений нанес ему металлической трубой удары в область носа и лобной части головы, причинив перелом костей носа,

¹ См.: Архив суда Ханты-Мансийского автономного округа за 2003 г. Уголовное дело № 69-003-08.

относящихся к легкому вреду здоровью по признаку его кратковременного расстройства. Суд с учетом мнения потерпевшего прекратил уголовное дело за примирением сторон¹. Такое решение нельзя признать законным, поскольку объектом ст. 213 УК выступает общественный порядок в целом, который нарушается преступными деяниями, и желание конкретного лица, выступающего потерпевшим, не является основанием для прекращения дел данной категории. Другое дело, когда примирение имеет место по ч. 2 ст. 116 или ч. 2 ст. 115 УК России.

Анализ судебной-следственной практики показывает, то в ряде случаев у правоприменителя возникают сложности при разграничении вандализма, уголовно наказуемого хулиганства и умышленного уничтожения или повреждения имущества из хулиганских побуждений. Хулиганство и вандализм совпадают по основному непосредственному объекту, которым выступает система общественных отношений, связанных с обеспечением общественного порядка. Поэтому при разграничении этих преступлений необходимо акцентировать внимание на предмете, а также на специфике объективных и субъективных признаков элементов этих деяний, что подчеркивалось нами ранее.

В диспозиции ст. 214 УК РФ содержится примерный перечень предметов, которые могут быть осквернены или повреждены: здания и иные сооружения, имущество на общественном транспорте или в иных общественных местах.

В ст. 213 УК таких указаний не содержится. В ч. 2 ст. 167 УК называется такой признак предмета преступления, как чужое имущество.

В случаях, когда лицо, помимо уничтожения или повреждения имущества из хулиганских побуждений, совершает иные умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу (например, с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия в отношении физического лица), содеянное им надлежит квалифицировать по ч. 2 ст. 167 УК РФ и соответствующей части ст. 213 УК.

¹ См.: Архив Советского районного суда г. Омска за 2005 г. Уголовное дело № 1-671/05.

При решении вопроса о том, причинен ли потерпевшему значительный ущерб, следует исходить из стоимости уничтоженного либо восстановления поврежденного, значимости этого имущества для потерпевшего, материального положения последнего.

Хулиганство и вандализм следует разграничивать по степени общественной опасности, выражающейся в интенсивности и продолжительности совершаемых действий, а также в характере вредных последствий. Хулиганство, как правило, совершается публично, в то время как вандализм – в отсутствии посторонних лиц, в вечернее время и ночные часы приходится 95% случаев вандализма¹.

Обязательным признаком субъективной стороны хулиганства является хулиганский мотив. Акты вандализма могут быть совершены по различным мотивам (месть, корысть и пр.), которые уголовно-правового значения не имеют. Иллюстрацией этому является, на наш взгляд, следующий пример. В период с октября 2001 г. по январь 2002 г. С. Неоднократно наносил надписи оскорбительного характера на стены одного из районов Санкт-Петербурга. Первоначально действия С. Были квалифицированы по ст. 213 УК как хулиганство. Суд с такой квалификацией не согласился, указав, что действия С. Не нарушали общественный порядок в грубой форме, они производились ночью, в отсутствии свидетелей и были мотивированы чувством мести с его стороны к бывшей супруге, которая препятствовала воспитанию сына. С учетом этого суд квалифицировал действия С. По ст. 214 УК как вандализм.²

В тех случаях, когда наряду с вандализмом лицо совершает хулиганство, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений.

Для разграничения хулиганских проявлений и преступлений против личности, совершенных из хулиганских побуждений, необходимо устанавливать различие между личными и хулиганскими мотивами.

Первое, наиболее ярко выраженное отличие заключается в том, что при преступлениях против личности лицо, как правило, заранее готовится к

¹ См.: Магомедов А., Макаренко М. Разграничение вандализма и уголовно наказуемого хулиганства // Уголовное право. 2006. № 4. С. 35.

² См.: Архив Фрунзенского РУВД г. Санкт-Петербурга. Уголовное дело № 532281.

преступлению, продумывает свои действия и намечает механизм их реализации. Его действия последовательны и логичны.

При преступлениях же против общественного порядка действия хулигана обычно непоследовательны, нелогичны и хаотичны. Такое поведение часто не связано с личными неприязненными отношениями к кому-либо и возникает спонтанно.

При преступлениях против личности действия субъекта зачастую характеризуются расчетливостью, обдуманностью, коротки по времени, он всегда стремится достичь конкретного результата, сам контролирует свои действия и прекращает их по достижении желаемого результата. Кроме того, лицо всегда действует в «режиме» прямого умысла, направленного на причинение вреда здоровью и возможного косвенного умысла по отношению к последствиям.

При хулиганстве объективная сторона характеризуется расплывчатыми хаотичными действиями, слагаемыми из отдельных, изолированных друг от друга эпизодов, не связанных между собой. Насилие может быть направлено на один или несколько объектов. В числе потерпевших могут оказаться и случайные лица, не причастных к зарождению хулиганских действий.

Оценивая поведение лица, совершающего хулиганские действия, следует иметь в виду, что в систему объектов, которым наносится вред, в первую очередь входит общественный порядок, которым наносится вред, в первую очередь входит общественный порядок, который страдает нередко в большей мере, чем сам потерпевший. Один из обязательных элементов хулиганских действий – отсутствие у лица целенаправленного желания достичь конкретного результата. Этот фактор помогает почти безошибочно сделать вывод, что данные действия являются хулиганскими.

Судебная практика свидетельствует, что если при преступлениях против личности применяется какое-либо оружие, то оно чаще всего заранее подготовлено или специально приспособлено для повышения поражающих качеств; используется не только целенаправленно, но и по прямому назначению. При совершении же хулиганских действий лицо, как правило, не готовит оружие заранее и часто

применяет любые предметы, случайно оказавшиеся под рукой, а собственно оружие нередко использует непродуманно, целенаправленно и не по прямому назначению.

Причинение в процессе хулиганства тяжкого или средней тяжести вреда здоровью квалифицируется соответственно по ст.ст. 111 и 112 УК России (по признаку совершения этих действий «из хулиганских побуждений»).

Хулиганство важно отличать и от массовых беспорядков, ответственность за которые предусмотрена ст. 212 УК. Различие между указанными составами следует проводить по субъективной стороне преступления. При массовых беспорядках виновные лица стремятся продемонстрировать свое отрицательное отношение к политике, проводимой государством, к деятельности местных властей либо непонимание этой политики или неодобрение, признание ее. При хулиганстве, связанном с групповыми хулиганскими действиями, участвующие в преступлении лица стремятся проявить свое явное неуважение к обществу, свое неприятие общепризнанных норм морали.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Положение нормы о хулиганстве в российском уголовном законе является одним из самых нестабильных. В разные периоды развития уголовного законодательства хулиганство относилось к разным видам преступлений. Обзор истории развития отечественного законодательства о хулиганстве позволяет утверждать, что с течением времени законодатель определился в понимании хулиганства как преступления против общественной безопасности, непосредственно посягающего на общественный порядок и выражающего явное неуважение к обществу, когда причинение того или иного вреда личности, чужому имуществу, унижение чести и достоинства и тому подобные действия являются лишь своеобразными способами, при помощи которых осуществляется посягательство на основной объект - общественный порядок.

Хулиганство характеризуется совокупностью следующих обязательных признаков:

- 1) действия, грубо нарушающие общественный порядок;
- 2) действия, выражающие явное неуважение к обществу;
- 3) действия, совершенные с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Объективную сторону хулиганства могут составлять только действия, т.е. активное поведение лица, которое грубо нарушает общественный порядок и выражает явное неуважение к обществу. Субъективная сторона – прямой умысел. Субъект хулиганства – преступления, предусмотренного ч. 1. ст.213 УК РФ - вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. Субъектом хулиганства, предусмотренного ч.2 статьи 213 УК РФ, может быть вменяемое лицо, которому исполнилось 14 лет.

В целом же с учетом сделанных в работе выводов целесообразно внести следующие предложения, направленные на совершенствование уголовного законодательства, регулирующего ответственность за хулиганство.

Во-первых, автор считает не вполне обоснованным полное исключение из содержания состава хулиганства признака применения насилия, поскольку сама сущность хулиганства предполагает влечение в действия преступника применение насилия. Кроме того, в теории уголовного права трактовка содержания признака хулиганства "с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия", ставшего конструктивным признаком хулиганства, предусмотренного п. "а" ч. 1 ст. 213 УК, всегда предполагала насильственное воздействие на личность с использованием виновным материальных факторов внешней среды либо угрозой их применения. Хулиганство традиционно относилось к категории насильственных преступлений. Таким образом, в данной ситуации следовало бы перенять опыт зарубежных стран и вернуться к законодательному описанию хулиганства, предусматривающему в качестве признака объективной стороны применение насилия.

Во-вторых, Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ не привнес ясности в законодательное определение хулиганства, а, напротив, создал новые предпосылки для научных дискуссий, споров, а также коллизий в правоприменительной деятельности. По мнению автора, с точки зрения криминализации деяния, объединение в одну норму УК столь разных по своей направленности проявлений человеческой активности не имеет под собой никаких оснований. В этой связи автор считает целесообразным исключить признак "политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды" из ст. 213, т.к. есть состав экстремизма. С точки зрения автора, деяние, предусмотренное п. "б" ч. 1 ст. 213 УК РФ, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, не является хулиганством ни по объекту, ни по мотивам.

В-третьих, много вопросов вызывает разъяснение, данное в п. 4 Постановления о хулиганстве: "Применение в ходе совершения хулиганства незаряженного, неисправного, непригодного оружия (например, учебного) либо декоративного, сувенирного оружия, оружия-игрушки и т.п. дает основание для квалификации содеянного по пункту "а" части 1 статьи 213 УК РФ".

Прежде всего потому, что в тексте акта официального толкования уголовного закона используются термины, не известные Закону об оружии. Предмет либо является, либо не является оружием. Следовательно, не может быть "декоративного", "сувенирного" оружия, "оружия-игрушки". Так называемое декоративное, сувенирное, игрушечное оружие - это не оружие, а предметы, используемые в качестве оружия, либо имитация оружия. Данная точка зрения отражена в абз. 3 п. 23 Постановления о краже, грабеже и разбое. Непонятно, почему она не воспроизведена в Постановлении о хулиганстве. Кроме того, основание для квалификации применения при хулиганстве непригодного оружия или имитации оружия по п. "а" ч. 1 ст. 213 УК можно усмотреть (и то не бесспорно) лишь при условии, что потерпевший воспринимал эти предметы как оружие либо если названные предметы виновный использовал "в качестве оружия" для физического или психического

насилия. Применительно к квалификации грабежа и разбоя Пленум Верховного Суда РФ дал разъяснение, согласно которому неосознание потерпевшим использования виновным негодного или незаряженного оружия либо имитации оружия (т.е. восприятие этих предметов как оружия) исключает квалификацию разбоя по ч. 2 ст. 162 УК как совершенного с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (если субъект не намеревался использовать эти предметы для нанесения телесных повреждений, опасных для жизни или здоровья). Понимание потерпевшим действительных свойств этих предметов (т.е. что они не являются оружием или предметами, которые виновный собирается использовать как оружие) вообще не позволяет квалифицировать содеянное как разбой (абз. 3 п. 23 Постановления о краже, грабеже и разбое). В этой связи, автор полагает следует внести соответствующие изменения в текст Постановления от 15 ноября 2007 г. № 45 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений".

Безусловно, приведенные выше суждения, предложения и вся работа в целом не могут охватить всей правовой проблематики рассматриваемой темы. Несомненно также и то, что ряд предлагаемых автором суждений имеют спорный, дискуссионный характер. В связи с этим автор работы с благодарностью воспримет замечания и поправки со стороны предполагаемых оппонентов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нормативные правовые акты

- 1.1. Уголовный кодекс Голландии. Спб., 2001. С.281,282
- 1.2. Уголовный кодекс Дании. Спб., 2001. С.124.
- 1.3. Уголовный кодекс Швеции. Спб., 2001. С.263.
- 1.4. Уголовный кодекс Турции. Спб., 2003. С.360.
- 1.5. Уголовный кодекс Австрии. Спб., 2004. С.300.
- 1.6. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. Спб., 2003. С.281.
- 1.7. Уголовный кодекс Республики Польша, Спб., 2001. С.178.

- 1.8. Уголовный кодекс Швейцарии. Спб., 2002. С.168.
- 1.9. Уголовный кодекс Японии. Спб., 2002. С.16.
- 1.10. Уголовный кодекс Республики Болгарии. Спб., 2001. С.223
- 1.11. Уголовный кодекс Монгольской Народной Республики. Улан-Батор, 1969. С.91.
- 1.12. Уголовный кодекс Республики Беларусь. Спб., 2001. С.378-379.
- 1.13. Уголовный кодекс Украины. Спб., 2001. С.257.
- 1.14. Уголовный кодекс Литовской республики. Спб., 2003. С.354-355.
- 1.15. Уголовный кодекс Латвийской республики. Спб., 2001. С.226.
- 1.16. Ведомости Эстонской Республики. 1992. 29мая; Уголовный кодекс Эстонской Республики. Спб., 2001. С.203-204.
- 1.17. Уголовный кодекс Республики Молдова. Спб., 2003. С.332.
- 1.18. Уголовный кодекс Республики Казахстан. Спб., 2001. С.286.
- 1.19. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. Спб., 2001. С.247. 80
- 1.20. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 25 октября 2006 г. № 54-п06. СПС «Консультант Плюс».
- 1.21. Федеральный закон «Об оружии» от 13 ноября 1996 г. (в ред. От 29.12.2006 г. №258-ФЗ).
- 1.22. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.И. Рарога. М.: ПРОСПЕКТ, 2006. С. 402.

1.2.Нормативные акты, утратившие силу

- 1.2.1. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. С. 379.
- 1.2.2. Свод законов Российской империи. Законы уголовные. Т. 15. СПб., 1832. С. 1.
- 1.2.3. Полное Собрание законов Российской империи. Т. 20. Отд. 1. 1845. СПб., 1846. С. 600.
- 1.2.4. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издано Н.С. Таганцевым. Изд. 22-е, доп. Пг., 1914. С. 152.

1.2.5. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Издано Н.С. Таганцевым. Издание 17-е, предусмотренное и дополненное. СПб., 1913. С. 351.

1.2.6. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1903. Отд. 1. Ст. 416. СПб., 1903. С. 1.

1.2.7. Уголовное Уложение. Высочайше утвержденное 22 марта 1903. М., 1903. С. 31-32.

1.2.8. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952гг. М., 1953. С.37.

1.2.9. Уголовный кодекс РСФСР. М., 1962. С. 103-104.

2. Научная литература

2.1. Павлов В.Г. Историко-правовые вопросы ответственности за хулиганство в русском уголовном праве // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2010. № 3(8). С. 48-53.

2.2. Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат. 7-е изд. Т. 45. М., 1927. С. 13; Жижиленко А.А. О хулиганстве (юридический очерк) // Хулиганство и преступление: Сборник статей. Л.; М., 1927. С. 121; Шапошников В.Н. Хулиганы и хулиганство в России. Аспект истории и литературы XX века. М., 2000. С. 4; Толковый словарь русского языка / Под ред. Проф. Б.М. Волина и проф. Д.Н. Ушакова. Т. 4. М., 1940. С. 1198; Булыко А.Н. Большой словарь иностранных слов. М., 2006. С. 646; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. М., 2008. С. 284; Этимологически словарь русского языка. М., 2008. С. 526 и др.

2.3. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2000. С. 701. (Современная версия словаря печатается по: Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. 3-е изд. СПб., 1903-1909 гг.)

2.4. Павлов В.Г. Уголовная ответственность за хулиганство в законодательстве советского периода (1917-1996гг.)//Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2010. №4(9). С.73-79.

2.5. Герцензон А.А. Рост хулиганства и его причины // Хулиганство и поножовщина. М., 1927. С. 34; Маколи М. Дети в тюрьме. М., 2008. С. 57.

2.6. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика хулиганских действий по законодательству Монголии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Спб., 2008. С. 7.

2.7. См., например: Уголовное право России. Части Общая и Особенная / Под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2007. С. 62; Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. В.С. Комиссарова. Спб.: Питер, 2005. С. 150-151.

2.8. Иванов Н.Г. Уголовное право России. М.: ЭКЗАМЕН, 2003. С. 128.

2.9. Уголовное право России. Часть Особенная / Под ред. Л.Л. Кругликова, М.: ВолтерсКлувер, 2005. С. 402.

2.10. Готовцев А.В. Организационно – правовые вопросы взаимодействия милиции и внутренних войск в охране общественного порядка: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 13.

2.11. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / Под ред. А.И. Рарога. М.: ПРОСПЕКТ, 2007. С. 481.

2.12. Халдеев Л. Ответственность за хулиганство // Российская юстиция. 1997. № 5. С. 38; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Б.Т. Разгильдиева, А.Н. Красикова. Саратов, 1999. С. 366; Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. И.Э. Звечаровского. М.: ЮРИСТЪ, 2004. С. 290; Российское уголовное право. Особенная часть. Т. 2 / Под ред. Л.В. Иногамовой – Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М.: ИНФРА-М, 2003. С. 419; Уголовное право России. Часть Особенная / Под ред. Л.Л. Кругликова. М.: ВолтерсКлувер, 2005. С. 439; Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М.: ИФРА-М-НОРМА, 1997. С. 388; Иванов Н.Г. Уголовное право России. М.: ЭКЗАМЕН, 2003. С. 637; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: Проспект, 2006. С. 402.

2.13. Уголовное право России. Часть Особенная / Под ред. Л.Л. Кругликова. М.: ВолтерсКлувер, 2005. С. 439.

2.14. Курс уголовного права. Т. 4. Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: Зерцало-М, 2002. С. 299.

2.15. Российское уголовное право. Особенная часть. Т. 2 / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М.: ИНФРА-М., 2003. С. 419; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Б.Т. Разгильдиева, А.Н. Красикова. Саратов, 1999. С. 366.

2.16. Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 4 / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: Зерцало-М, 2002. С. 299.

2.17. Егоров В.С. Уголовная ответственность за хулиганство: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 37.

2.18. Российское уголовное право. Особенная часть. Т. 2 / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М.: ИНФРА-М, 2003. С. 420.

2.19. Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. Л.Л. Кругликова. М.: ВолтерсКлувер, 2005. С. 439.

2.20. Борисов С.В. Непосредственный объект хулиганства // Актуальные проблемы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии. М., 2005. С. 170.

2.21. Кассационное определение от 19 сентября 2006 г. Дело № 48-о06-85сп. СПС «Консультант Плюс».

2.22. Постановление от 5 июля 2006 г. № 341-П06. СПС «Консультант Плюс».

2.23. Надзорное определение от 1 июня 2006 г. Дело № 11- дп06-41. СПС «Консультант Плюс».

2.24. Кассационное определение от 30 марта 2006 г. Дело № 38-о05-31. СПС «Консультант Плюс».

2.25. Колоколов Н.А. Борьба с хулиганством: кризис правового регулирования // Российский следователь. 2004. № 11. С. 4,5.

2.26. Данилов Е.П. Уголовный кодекс Российской Федерации. Комментарии // Судебная и адвокатская практика: справочные материалы. М.: КНОРУС, 2004. С. 469. См. также: Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. А.И. Рарога. М.,

2005. С. 450; Курс уголовного права, т. 4. Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: Зерцало-М, 2002. С. 300.

2.27. Российское уголовное право. Особенная часть. Т.2 / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М.: ИНФРА-М, 2003. С. 420.

2.28. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2002. С. 195.

2.29. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 5. 2003. С. 11-12.

2.30. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 11. 2002. С. 7.

2.31. Сборник постановлений пленумов Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам. М.: Проспект, 2005. С. 256.

2.32. Уголовное право. Особенная часть / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселова. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997. С. 389. Примерно то же в другом пособии «явное неуважение к обществу, т.е. открыто, очевидно для всех». Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2006. С. 402.

2.33. Судебная практика по уголовным делам Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека / Сост. Е.Н. Трикоз. М., 2006. С. 822.

2.34. Данилов Е.П. Уголовный кодекс Российской Федерации. Комментарии. Судебная и адвокатская практика: Справочные материалы. М.: КНОРУС, 2004. С. 470.

2.35. Уголовное право России. Часть Особенная / Под ред. Л.Л. Кругликова. М.: ВолтерсКлувер, 2005. С. 440.

2.36. Судебная практика по уголовным делам Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека / Сост. Е.Н. Трикоз М., 2006 С. 839.

2.37. Данилов Е.П. Уголовный кодекс Российской Федерации. Комментарии, судебная практика, справочные материалы. М.: КНОРУС, 2004. С. 470.

2.38. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.М. Лебедева, С.В. Бородина. М.: Спарк, 2005. С. 747.

2.39. Андреева Л., Овчинникова Л. Ответственность за хулиганство // Законность. 2004. № 5. СПС «Консультант Плюс». Раздел «Комментарии законодательства».

2.40. Мальцев В. Ответственность за хулиганство // Законность. 2000. № 7. С. 10; Овчаренко Е.И. Правовая характеристика хулиганства // Журнал Российского права. № 3. 2004. СПС «Консультант Плюс». Раздел «Комментарии законодательства».

2.41. Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 3 / Под ред. А.И. Коробеева. Владивосток, 2000. С. 27.

2.42. Шинкарук В.М. Ответственность за хулиганство в российском уголовном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. С. 156.

2.43. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: НОРМА, 2006. С. 54.

2.44. Ткаченко В. Ответственность за хулиганство // Законность. 2006. № 7. СПС Консультант Плюс». Раздел «Комментарии законодательства». Лист 2.

2.45. Колоколов Н.А. Борьба с хулиганством: кризис правового регулирования // Российский следователь. 2004. № 11. СПС «Консультант Плюс». Раздел «Комментарии законодательства». Лист 7.

2.46. Овчаренко Е.И. Доказывание по уголовным делам о хулиганстве. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 15.

2.47. Уголовное право России. Часть Общая и Особенная / Под ред. А.И. Рарога. М.: ПРОСПЕКТ, 2007. С. 498; Уголовное право России. Часть Особенная / Под ред. Л.Л. Кругликова. М.: ВолтерсКлувер, 2005. С. 443.

2.48. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 1. С. 10-11.

2.49. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 5.

2.50. Рагулин А.В. Ответственность за групповое хулиганство по современному российскому уголовному законодательству // Право и политика. 2004. № 10. С. 50.

2.51. Арутюнов А. Ошибки при квалификации содеянного группой лиц по предварительному сговору // Российская юстиция. 2001. № 9. С. 65-66.

2.52. Толкаченко А.А. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 г. № 45 // Уголовный процесс. 2007. № 12. С. 12.

2.53. Рагулин А.В. К вопросу о совершенствовании уголовно-правовой нормы об ответственности за хулиганство // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 4-й междунар. Науч.-практ. Конфер. 25-26.01.2007 г. М., 2007. С. 424.

2.54. Магомедов А., Макаренко М. Разграничение вандализма и уголовно наказуемого хулиганства // Уголовное право. 2006. № 4. С. 35.

3. Материалы практики

3.1. Уголовное дело № 1-40/2015 – Архив Бердюжского районного суда.

3.2. Уголовное дело № 1-22/2015. – Архив Бердюжского районного суда.

3.3. Уголовное дело № 1-31/2015. – Архив Уватского районного суда.

3.4. Уголовное дело № 22-2043/2015. – Архив Тюменского областного суда.

3.5. Уголовное дело № 1-9/2015. – Архив Нижнетавдинского районного суда.

3.6. Уголовное дело № 1-41/2015. – Архив Бердюжского районного суда.

3.7. Уголовное дело № 1-483/2015. – Архив Ленинского районного суда г. Тюмени.

3.8. Уголовное дело № 1-242/2015. – Архив Ленинского районного суда г. Тюмени.

3.9. Уголовное дело № 1-98/2015. – Архив Голышмановского районного суда.

3.10. Уголовное дело № 1-101-2015. – Архив Голышмановского районного суда.

3.11. Уголовное дело № 1-651-2015. – Архив Калининского районного суда г. Тюмени.

3.12. Уголовное дело № 1-147/2016. – Архив Центрального районного суда г. Тюмени.

3.13. Уголовное дело № 1-53/2015. – Архив Тюменского районного суда г. Тюмени.

3.14. Уголовное дело № 1-93-2015. – Архив Омутинского районного суда.

3.15. Уголовное дело № 1-16/2016. – Архив Омутинского районного суда.

3.16. Уголовное дело № 1-237/2016. – Архив Калининского районного суда г. Тюмени.

3.17. Уголовное дело № 1-297-2016. – Архив Тобольского городского суда.

3.18. Уголовное дело № 1-159-2015. – Архив Тюменского районного суда г. Тюмени.

3.19. Уголовное дело № 1-122-2016. – Архив Судебного участка Ленинского АО г. Тюмени № 2.

3.20. Уголовное дело № 1-216-2015. – Архив Ленинского районного суда г. Тюмени.

3.21. Уголовное дело № 1-238/2015. – Архив Калининского районного суда г. Тюмени.

3.22. Уголовное дело № 1-40-2015. – Архив Тюменского районного суда г. Тюмени.

3.23. Уголовное дело № 1-33/2015. – Архив Вагайского районного суда г. Тюмени.

3.24. Уголовное дело № 1-210/2015. – Архив Ишимского городского суда.

3.25. Уголовное дело № 1-314/2015. – Архив Тобольского городского суда.

3.26. Уголовное дело № 1-839/2015. – Архив Тобольского городского суда.

3.27. Уголовное дело № 1-1-2015. – Архив Судебного участка Сорокинского района № 1.

3.28. Уголовное дело № 1-131/2015. – Архив Тобольского городского суда.

3.29. Уголовное дело № 1-213/2015. – Архив Судебного участка Центрального АО г. Тюмени № 6.

3.30. Уголовное дело № 1-650-2015. – Архив Ленинского районного суда г. Тюмени.

3.31. Уголовное дело № 1-213-2015. – Архив Судебного участка Ишимского района № 1.

3.32. Уголовное дело № 1-571-10. – Архив Центрального районного суда г. Тюмени.

3.33. Уголовное дело № 1-871/2015. – Архив Судебного участка Ленинского АО г. Тюмени № 5.

3.34. Уголовное дело № 1-213/2015. – Архив Судебного участка г. Тобольска № 4.

3.35. Уголовное дело № 1-34-2015. – Архив Судебного участка Центрального АО г. Тюмени № 7.

3.36. Уголовное дело № 1-53-2015. – Архив Тюменского районного суда.

3.37. Уголовное дело № 1-90/2015. – Архив Ленинского районного суда г. Тюмени.

3.38. Уголовное дело № 1-16/2016. – Архив Омутинского районного суда.

3.39. Уголовное дело № 22-2043-2015. – Архив Тюменский областной суд.

3.40. Уголовное дело № 1-661/2012. – Архив Центрального районного суда г. Тюмени.

3.41. Уголовное дело № 1-56/2013. – Архив Центрального районного суда г. Тюмени.

3.42. Уголовное дело № 1-744-2010. – Архив Центрального районного суда г. Тюмени.

3.43. Уголовное дело № 1-422-2012. – Архив Центрального районного суда г. Тюмени.

3.44. Уголовное дело № 1-575/2013. – Архив Центрального районного суда г. Тюмени.

3.45. Уголовное дело № 1-147-2016. – Архив Центрального районного суда г. Тюмени.

3.46. Уголовное дело № 1-148-2014. – Архив Центрального районного суда г. Тюмени.

3.47. Уголовное дело № 1-654/2013. – Архив Центрального районного суда г. Тюмени.

3.48. Уголовное дело № 1-119/2014. – Архив Центрального районного суда г. Тюмени.

3.49. Уголовное дело № 1-133-2014. – Архив Центрального районного суда г. Тюмени.

3.50. Уголовное дело № 1-165-2013. – Архив Центрального районного суда г. Тюмени.

